

ВЕСТНИК МОРАДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В НОМЕРЕ:

ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ДИАЛОГИ С МЫСЛИТЕЛЕМ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

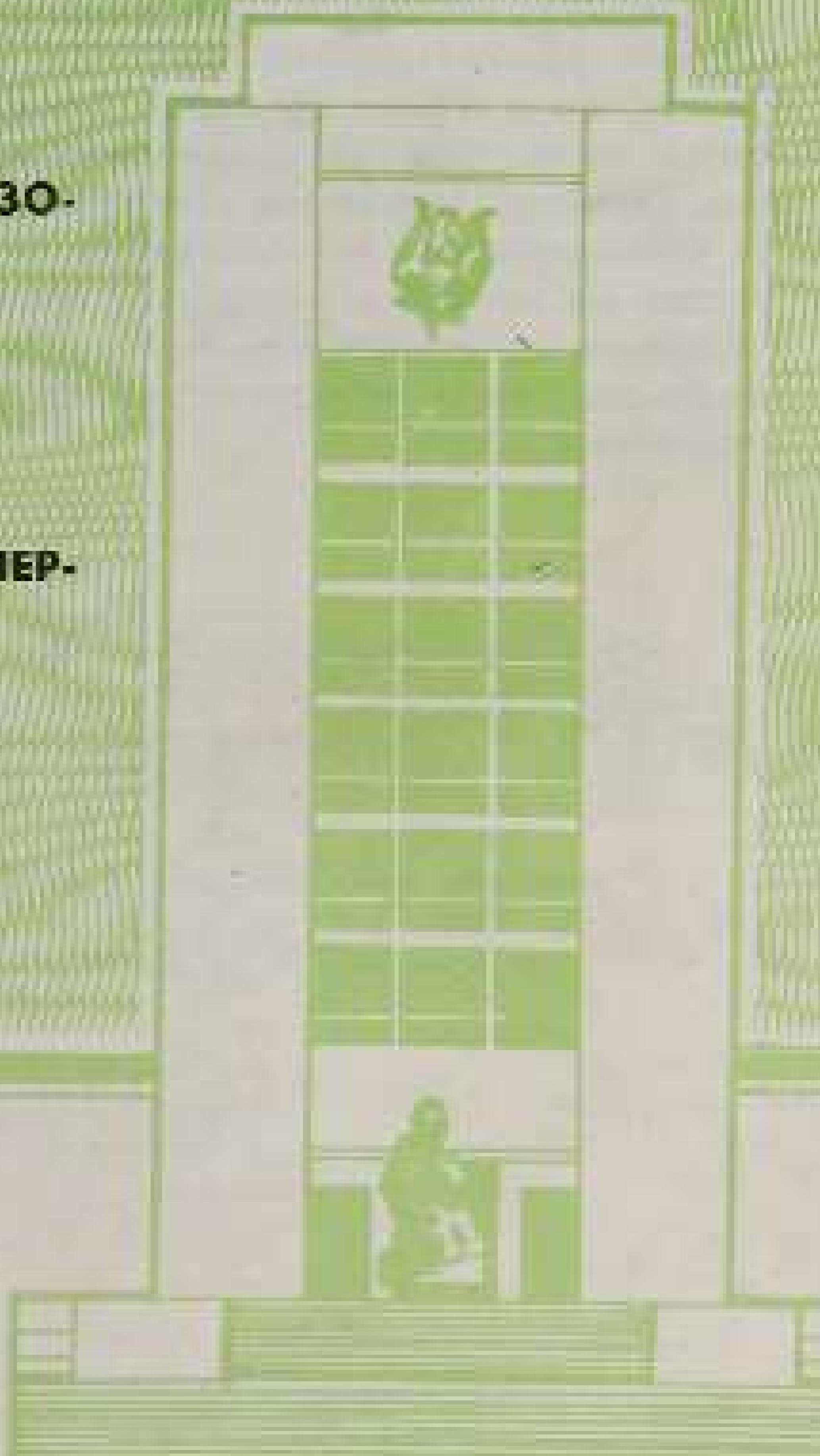
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА — ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В ЖУРНАЛЕ

ДОГМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

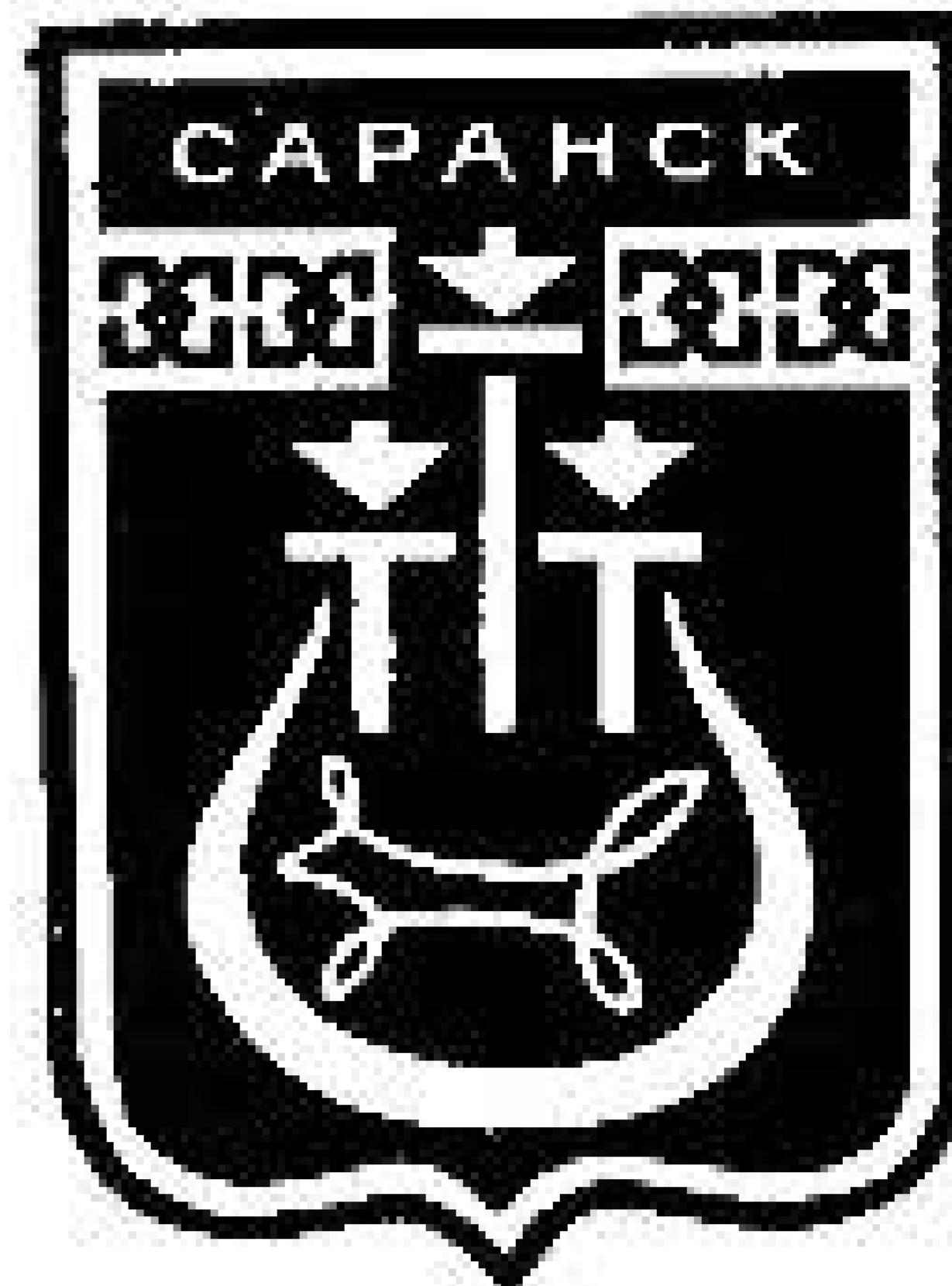
ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

2
1991

**САРАНСКОЕ ДВАЖДЫ ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕ-
НИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕ-
ДИНЕНИЕ «ЭЛЕКТРОВЫПРЯМИ-
ТЕЛЬ»**

— одно из ведущих предприятий электротехнической промышленности по производству силовых полупроводниковых приборов и преобразователей тока на их основе.

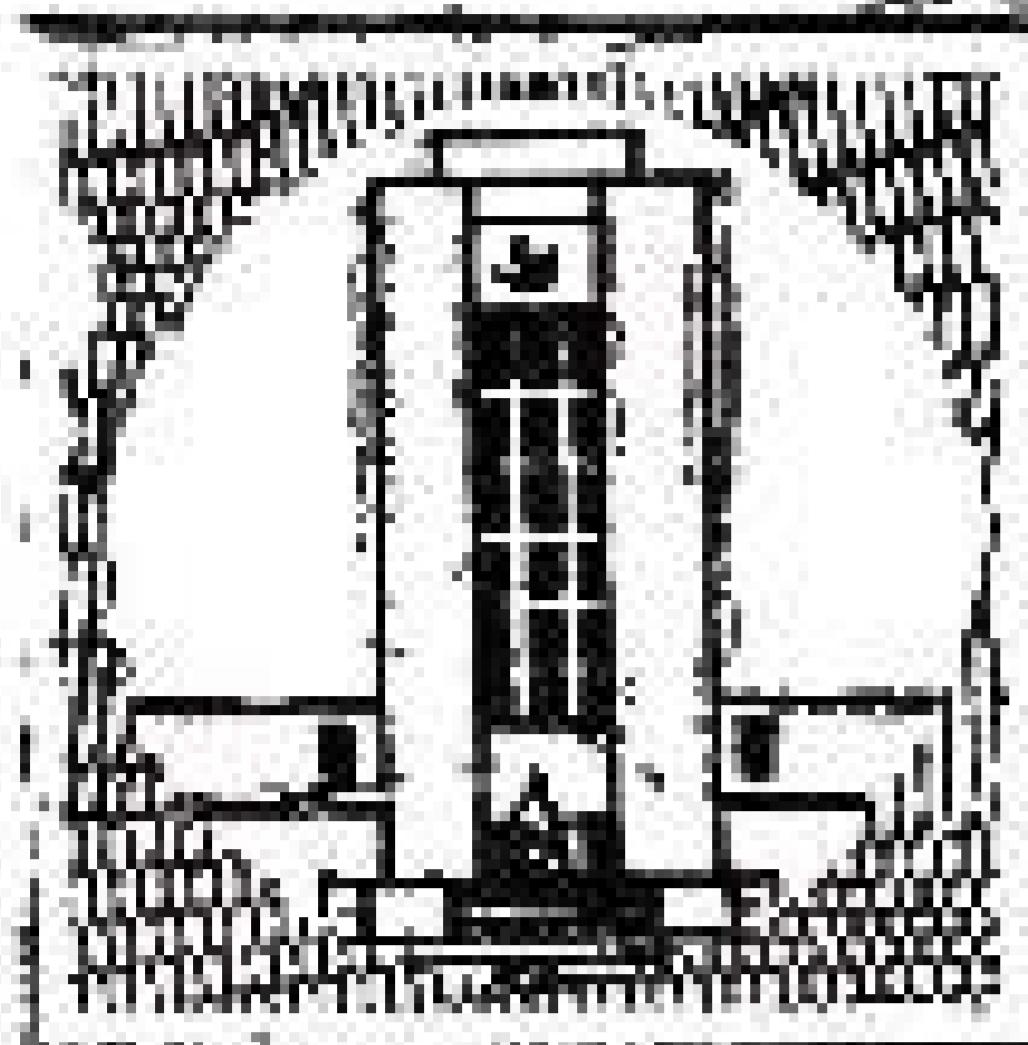
ПО «ЭЛЕКТРОВЫПРЯМИТЕЛЬ»

выпускает свыше 200 наименований изделий, основную часть которых составляют силовые полупроводниковые приборы и выпрямительные устройства.

Объединение «Электровыпрямитель» — надежный торговый партнер. Среди предприятий страны, оснащенных полупроводниковой техникой «Электровыпрямителя» — Красноярский и Братский алюминиевые заводы, Норильский горно-металлургический комбинат и многие другие. Преобразователями объединения укомплектованы атомные ледоколы «Сибирь» и «Арктика», многие ГЭС и ГРЭС страны.

Широкая номенклатура приборов, их максимальная унификация позволяют удовлетворять запросы не только потребителей Советского Союза, но и более 50 стран Европы, Азии, Африки и Америки, в том числе таких, как Австрия, Финляндия, Италия, Франция, Великобритания, Швеция, Норвегия, Португалия, Аргентина, Канада, США.

Объединение осуществляет многолетнее плодотворное сотрудничество со многими научными организациями, что позволяет не только создавать на основе новейших достижений науки и техники новые виды приборов, но и обеспечивать их быстрое внедрение в серийное производство.

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1991

21

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Мордовский университет

Основан в январе 1990 г.

Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

Решение коллегии Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы «О развитии Мордовского государственного университета как центра образования, науки и национальной культуры в автономной республике»	3
Возрождение классического университетского образования	6
БАХТИНОВЕДЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ	
Лисунова Л. М., Клюева И. В. Диалог с мыслителем (Бахтинские чтения в Саранске)	9
Александрова Р. И. М. М. Бахтин в проблемах духовности	11
Коралов В. И. На пути к постижению прошлого	14
Брейкни О. В. Новое слово в бахтиноведении (Рецензия на «Бахтинский сборник». М., 1990. Вып. 1)	16
АГРОКОМПЛЕКС И УНИВЕРСИТЕТ	
В интересах аграрной науки и практики (Интервью с директором Агропромышленного института В. В. Конаковым)	18
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Ферцев П. К. Сохранить единый национальный дом	22
Балашов В. А. Традиции и новации в культуре этноса	25
Василин В. Ф. О национальном своеобразии мордовского народного зодчества	29
Голышеникова Е. В. Музей и образование	33
Володина Г. Н., Пресняков В. Н. Собрание редких минералов	36
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ	
Осевский Е. Г. Просвещение, народное образование и педагогические науки (Словарь и персонажи)	39
Юрченков В. А., Лаптун В. И., Осовский Е. Г., Мочалов Е. В., Карпуков Г. В. Словарные статьи	42
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	
Бреев С. И. Педагогика нуждается в обновленной методологии	50
Быстров А. Б. От социалистического реализма — к плюрализму	54
Егоров Н. И. Коммунистические фракции в Советах: страницы биографии (1921 — 1925 гг.)	57
ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
Сафонова Т. Ф. Возвращенные имена (Библиографический список)	61
Цыганкин Д. В. У истоков мордовского языкоznания (Анатолий Гавлович Рябоз)	63
Куклин В. Н. Из истории университета. Год за годом. <i>Воронеж, дыхателье</i> (1941 — 1945)	67
Кунавин Б. В. Рецензия на учебное пособие В. В. Шигурова «Лексикон явлений в областях частей речи в синхронном освещении»	71
Наумченко И. Л. Создана союзная секция университетов	72

Главный редактор А. И. Сухарев

Редакционная коллегия:

Ю. А. Мишанин (заместитель главного редактора), Р. Н. Бусарова (ответственный секретарь), Н. И. Атисов, С. Б. Бахмустов, Ю. А. Вантиюсов, Е. В. Воскресенский, А. И. Ершов, Н. А. Кильдишова, В. А. Конкорев, С. А. Лапшин, В. М. Макушкин, Н. Ф. Мокшин, С. А. Несторов, Н. С. Савкин, Н. Ф. Санаев, В. П. Свляев, Б. С. Танасейчук, П. В. Шичкин, Д. В. Цыганкин

Адрес редакции: 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

Технический редактор Р. Н. Бусарова

Корректор С. В. Чудов

**Сдано в набор 01.03.91. Подписано в печать 15.04.91. Формат 70x100 1/16.
Бум. офсетная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,80. Уч.-изд. л. 5,00. Усл. кр.-отт. 6,12.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 324. Цена 1 р. 25 к.**

**Мордовский орден Дружбы народов государственный университет
имени Н. П. Огарева: 430000, Саранск, ул. Большевистская, 68.
Типография Издательства Мордовского университета.
430000, Саранск, ул. Советская, 2.**

**© Мордовский государственный
университет, 1991**

РЕШЕНИЕ

КОЛЛЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА РСФСР ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

20 ДЕКАБРЯ 1990 ГОДА

О развитии Мордовского государственного университета как центра образования, науки и национальной культуры в автономной республике

Коллегия Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы отмечает, что Мордовская АССР располагает значительным научно-техническим потенциалом, квалифицированными кадрами специалистов, значительным отрядом интеллигенции коренной национальности.

Это стало возможным благодаря настойчивой и целенаправленной работе по обеспечению опережающего развития высшего образования в автономной республике, проводимой местными советскими органами при активной поддержке правительства РСФСР. В настоящее время в Мордовской АССР насчитывается более 200 студентов вузов на 10 тыс. населения, что превышает соответствующие показатели как по Российской Федерации, так и в целом по стране.

Основным центром образования, науки и культуры в автономной республике является Мордовский ордена Дружбы народов государственный университет имени Н. П. Огарева, открытый в 1957 году. За 33 года своего существования университет подготовил более 60 тыс. специалистов для различных отраслей народного хозяйства республики.

Решение этой сложной и крайне важной задачи предопределило путь формирования университета как высшего учебного заведения, системно сочетающего подготовку кадров по гуманитарным, естественным и техническим специальностям. Становление университета происходило одновременно с процессом создания современной отраслевой структуры народнохозяйственного комплекса республики, развитием науки и техники, экономики, отраслей социально-культурной сферы. Это позволило за короткие сроки создать и обеспечить специалистами научно-исследовательские предприятия электронной, электротехнической, приборостроительной и ряда других отраслей промышленности. Университетом обеспечивается также подготовка специалистов для всех отраслей агропромышленного комплекса. Подготовку квалифицированных кадров для сферы управления обеспечивают экономические и юридический факультеты; большинство работающих в лечебных учреждениях республики врачей подготовлено на медицинском факультете университета.

Особенно велик вклад в развитие образования и культуры, в решение проблемы подготовки кадров национальной интеллигенции, в том числе учёных, педагогов, журналистов, библиотечных работников, многие выпускники являются сегодня руководителями советских, хозяйственных органов, различных учреждений и организаций. Учеными вуза подготовлено большое число монографий, учебников и учебных пособий по истории, культуре, языкам. Университет располагает самой круп-

ной в республике научной библиотекой (около 2,0 млн. единиц хранения), целым рядом музеев с уникальными экспозициями по археологии и этнографии, лингвистике, истории религии и атеизма и другим направлениям.

Всесторонняя помощь в становлении и развитии оказывалась вузу ведущими университетами Российской Федерации, прежде всего Московским, Ленинградским, Казанским, Горьковским, Саратовским институтами АН СССР.

Сегодня на 17 факультетах университета обучается около 17 тыс. студентов по 30 гуманитарным, естественным и инженерным специальностям. Общая численность профессорско-преподавательского состава, обеспечивающего обучение и воспитание студенческой молодежи, составляет около 1 000 человек, работающих на 109 кафедрах. Общая площадь учебных корпусов достигла 100 тыс. кв. м, студенческих общежитий более 50 тыс. кв. м. Однако обеспеченность университета учебными площадями и общежитиями не превышает 70 % установленных нормативов, а по учебно-научному оборудованию еще меньше. В университете низок процент докторов и кандидатов наук среди преподавательского состава (5,0 и 62,3 % соответственно), недостаточный объем научно-исследовательских работ, сокращается число преподавателей и студентов, принимающих участие в научных исследованиях, низка эффективность работы аспирантуры; вызывает беспокойство состояние лабораторной базы естественнонаучных кафедр, определяющих уровень фундаментальных знаний студентов.

Осуществленный комплекс мер по развитию Мордовского государственного университета может быть признан лишь началом нового этапа деятельности вуза на основе интеграции образования, науки, культуры и производства, выполнения им ведущей роли в научном и кадровом обеспечении экономического и социального развития Мордовской АССР.

КОЛЛЕГИЯ РЕШАЕТ:

1. Отметить положительный опыт становления и развития Мордовского государственного университета как ведущего центра образования, науки и культуры народа автономной республики, его решающий вклад в обеспечение специалистами всех основных отраслей народного хозяйства Мордовской АССР.

Рекомендовать университетам республик РСФСР изучить опыт развития Мордовского университета как университета, сочетающего подготовку кадров по гуманитарным, естественнонаучным и техническим специальностям в соответствии со структурой народного хозяйства региона, потребностями его экономического, социального и культурного развития. Поддержать предложение о формировании ассоциации университетов республик РСФСР.

2. Одобрить создание на базе Мордовского университета педагогического комплекса в составе педагогических отделений факультетов вуза, гимназий, лицеев, факультета повышения квалификации работников народного образования, научно-методических объединений педагогов всех видов учебных заведений по основным учебным дисциплинам.

Оказать содействие Мордовскому университету в создании научно-методического центра по координации деятельности университетов страны по подготовке педагогических кадров для учебных заведений. Считать целесообразным сотрудничество этого центра с Академией педагогических наук СССР.

3. Одобрить деятельность университета по созданию профессионального учебно-научного комплекса по гуманитарному образованию и

развитию национальной культуры в составе Института общественных наук, гуманитарных факультетов, Дома культуры, музейного комплекса, учреждений культуры республики.

Поддержать предложение университета о создании факультета национальной культуры с набором образовательных программ, необходимых для удовлетворения духовных потребностей мордовского населения, проживающего на территории РСФСР, а также о преобразовании Саранского филиала Издательства Саратовского университета в Издательство Мордовского университета.

Ректорату университета совместно с местными органами здравоохранения принять меры по укреплению клинической базы медицинского факультета, создать при факультете центральную научно-исследовательскую лабораторию, начать с 1991 года подготовку врачей-лаборантов для диагностических центров.

4. Одобрить создание на базе Мордовского университета:

а) учебно-научно-производственного инженерного центра в составе его инженерных факультетов, конструкторского бюро, экспериментально-опытного завода, соответствующих подразделений базовых предприятий;

б) учебно-научно-производственного агропромышленного центра на базе аграрных факультетов вуза, научных учреждений, учебно-опытных хозяйств.

5. Сконцентрировать научную деятельность коллектива университета по реализации возглавляемых им научно-технических программ «Регионология», «Агрокомплекс», «Человек и свет».

Ректорату университета внести предложения о создании в тринадцатой пятилетке системы научных подразделений в структуре вуза.

6. Обеспечить дальнейшее улучшение качества состава научно-педагогических и научных кадров университета. В этих целях создать при Мордовском государственном университете докторантуру по специальностям, по которым в вузе имеются научные школы и необходимые условия; в полном объеме удовлетворять заявки университета по направлению в целевую докторантуру и аспирантуру. Поднять эффективность работы аспирантуры университета, расширив в ней подготовку кадров для других вузов, отраслей народного хозяйства.

Обеспечить эффективное использование возможностей регионального межотраслевого центра повышения квалификации специалистов и руководителей народного хозяйства при университете. Расширить международное сотрудничество коллектива Мордовского университета.

Сосредоточить внимание научно-педагогического коллектива университета на повышении уровня фундаментальной подготовки студентов, укреплении естественнонаучных кафедр, развитии фундаментальных научных исследований.

7. В целях создания необходимых условий для повышения роли университета в экономическом и социальном развитии автономной республики утвердить программу развития материальной базы вуза на период до 2000 года.

Роснаучвузкомплекту (т. Шемякову) совместно с ректоратом Мордовского государственного университета рассмотреть перечень оборудования и приборов, необходимых для технического переснащения учебного процесса и научных исследований.

Начальнику отдела материально-технической базы, социального развития и охраны труда (т. Лохматикову) уточнять объемы и источники фи-

нансирования с проектами годовых планов в соответствии с выделяемыми госкапвложениями.

8. Предложить Мордовскому госуниверситету провести внутреннюю аттестацию своей деятельности и представить материалы в Центр аккредитации и аттестации Госкомнауки и высшей школы РСФСР для рассмотрения вопроса об аккредитации вуза.

9. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на Научно-методический центр по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов (т. Татура Ю. Г.).

Первый заместитель председателя

В. Г. КИНЕЛЕВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Читателю, конечно, знакомо известное выражение: «Новое — это хорошо забытое старое». Эти крылатые слова, по нашему мнению, могут служить методологическим ключом к осмыслению нового явления в развитии отечественной высшей школы: происходит массовое преобразование ведущих, как правило, вузов в университеты. Университетская семья только за последний год пополнилась рядом технических, педагогических, медицинских, экономических университетов и академий.

Есть основание предполагать, что этот процесс будет иметь продолжение. Как и предполагалось, «университетизация» в конце XX века становится приоритетным направлением развития высшего образования во всем мире, т. е. обратает характер закономерной тенденции развития мировой цивилизации в целом. Это, естественно, приковывает повышенное внимание к содержанию, формам и методам университетского образования. Было бы наивным полагать, что университеты воплощают в своем облике, деятельности и воздействии на общество только прогрессивные тенденции. Грекративвшись в массовое явление, стремясь быть на острие научно-технического прогресса, многие отечественные и зарубежные университеты не успевали и сегодня не успевают овладеть классическими основами тра-

диционной университетской системы. Конъюнктурная актуальность образовательных программ и научных исследований дает, как правило, лишь временный успех, тормозит формирование фундаментальной основательности у многих молодых университетов. Поэтому возрождение и освоение классических основ университетского образования становится стратегическим приоритетом формирования и развития многих, если не большинства, университетов нашей (да и не только нашей) страны.

Университетская школа за своими плечами имеет многовековую историю. Следует отметить, что большинство университетов в нашей стране возникли после 1917 года. Университеты дореволюционной России отличались высоким рейтингом в европейском сообществе вузов подобного типа. Более того, многие из них были средоточием лучших умов не только России, но и мира. Без преувеличения можно говорить о классическом российском университете образовании. Это наше бесценнейшее наследие и гордость. Однако, к сожалению, не всем ветеранам отечественной университетской семьи удалось сохранить это классическое наследие, а многие среднезаводственные и молодые университеты небрежно, в подчас и высокомерно относятся к университетской классике. Причин этому явлению немало: от чрез-

мерной идеологизированности профессуры до слаборазвитой материальной базы вузов.

В чем же сущность и основы классического университета и классического университетского образования?

Как известно, университет (от латинского *universitas* — совокупность) — высшее учебно-научное заведение, в котором изучается совокупность дисциплин, составляющих основы научных знаний. Это означает, что сущность университетского классического образования складывается прежде всего из приоритета системы «языков» цивилизации, т. е. фундаментальных гуманитарных и естественных наук, овладение которыми позволяет молодым осваивать глубоко и разносторонне любую специальность. «Языками» цивилизованности прежде всего являются сами народные и литературные языки. Но для университетского классического образования традиционно приоритетное значение имели греческий и латинский языки, на базе которых создавались многие памятники европейской и мировой науки и культуры. Латынь и сегодня является международным языком ряда гуманитарных и особенно естественных наук. К сожалению, в современных, особенно молодых, отечественных университетах эти классические языки многовековой культуры неоправданно относятся на второстепенный план, что лишает их «живого общения» со многими духовными ценностями мировой культуры. К системе языков науки и цивилизации принадлежат математика, логика, вся совокупность традиционных и современных «информационных технологий», без овладения которыми невозможно обеспечить «вхождение» в мир науки и культуры на профессиональном уровне.

Второй составляющей классического университетского образования является широкая общегуманитарная подготовка, которая обеспечивает формирование всесторонне развитой цивилизованной личности интеллигента.

К сожалению, односторонняя, чрезмерно жесткая идеологизированная

ориентация, господствовавшая в гуманитарном образовании нашей страны, в том числе и в университетах, привела к отстранению целых поколений интеллигенции от многих классических произведений мировой и отечественной науки и культуры. В этом нетрудно убедиться, если проанализировать фонды библиотек многих университетов, в которых классика науки, культуры занимает небольшую долю. Разумеется, есть объективные причины: мизерные тиражи книг, многие из которых десятилетиями не переиздавались, большой перечень в прошлом «запретной классики», финансовые трудности университетских библиотек. Но главная причина, думается, в другом: в низком уровне востребованности классических произведений в современных университетских учебных планах и программах.

Поэтому возрождение классического университетского образования предполагает радикальное изменение его содержания, в котором классическая наука и культура на основе первоисточников должны занять доминирующее положение. Именно этот путь создаст потребность в классических произведениях всех времен и профилей.

Данное требование принципиально важно и для третьей составляющей классического университетского образования — фундаментальной общенаучной и общетехнической профессиональной подготовки претендентов на университетский диплом. Казалось бы, что этой составляющей в современных университетах уделяется достаточное внимание. Однако формальная дидактика — теория и практика изучения и обучения — в значительной мере ориентирует не на формирование и развитие фундаментального мышления, а на запоминание системных положений соответствующих учебных дисциплин. Нередко изучается не наука, а учебная дисциплина.

Четвертая составляющая университетского образования — это специальная профессиональная подготовка, определяющая содержание цикла спе-

циализации для подготовки выпускников к конкретной послевузовской деятельности. Это звено классической университетской подготовки специалистов традиционно связано с обязательным вовлечением студентов в исследовательскую деятельность, которая должна завершаться подготовкой дипломной работы (проекта).

В классическом университете системная научная деятельность складывается из органической взаимосвязи следующих направлений: во-первых, строгой научности содержания образования с приоритетом фундаментальных наук и научных идей; во-вторых, обязательной собственной научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского коллектива в тесном сотрудничестве со студенчеством преимущественно по фундаментальным проблемам гуманитарных и естественных наук; в-третьих, активной пропаганды научных знаний в обществе и подвижнического участия во внедрении передовых научных разработок в практику.

Основным субъектом научно-образовательной, научно-исследовательской и научно-внедренческой деятельности университетов являются их научные и научно-педагогические школы. Формирование и развитие научных, научно-педагогических и научно-практических школ во многих университетах, к сожалению, в последние годы не получало активного развития и под-

Приказом Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы от 18.12.90 № 267 создано Издательство Мордовского университета.

В плане нового Издательства много интересных работ, которые, надеемся, найдут своего читателя. Это в первую очередь такие серьезные исследования, как монография В. А. Карташова «Из истории учения о прочности и деформативности тела», Н. И. Атясова «Вливания в венозное русло печени в лечебных и диагностических целях».

Тормозом этого процесса является и является утверждавшаяся уравнительность в моральной и материальной оценке труда ученых и педагогов высшей школы. В настоящее время создаются предпосылки для преодоления этого тормозящего фактора.

Возрождение классического университетского образования немыслимо без существенного реформирования всей системы народного образования. В частности, принципиальное значение для формирования подготовленного контингента студентов университетов классической ориентации имеет начавшийся процесс возрождения в нашей стране средних учебных заведений типа гимназий и лицеев. Их появление принципиально важно еще и потому, что они формируют потребность в педагогах с классическим университетским образованием.

Ученый совет Мордовского университета 26 марта текущего года определил курс на формирование системы классического университетского образования как стратегическую задачу, решение которой должно обеспечить выход на новый уровень качества всех видов деятельности коллектива.

В связи с этим редакция «Вестника Мордовского университета» обращается к читателям с предложением развернуть на страницах журнала обмен мнениями по проблемам возрождения классического университетского образования.

Н. И. Крыловой «Внешний осмотр больного и его диагностическое значение», В. Ф. Кутергина «Беотийский союз 379 – 335 гг. до н. э.» и др.

Издательство готовит к выпуску также ряд учебных пособий и сборники научных трудов, отражающие основные направления научно-исследовательской деятельности кафедр Мордовского университета.

Планируется издание очередного выпуска «Словаря русских говоров на территории Мордовской ССР (О-П)».

БАХТИНОВЕДЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ

ДИАЛОГИ С МЫСЛITЕЛЕМ (БАХТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В САРАНСКЕ)

Л. М. ЛИСУНОВА, И. В. КЛЮЕВА —
ученые секретари общества
М. М. Бахтина

В сложные для жизни общества периоды, связанные с кардинальными изменениями, пересецкой ценностей, осознанием людьми насущной необходимости идеино-нравственного самоопределения, возрастанием их социальной активности, особо остро дает о себе знать потребность в духовном общении с яркой, незаурядной личностью, потребность в мулром и честном собеседнике, собеседнике с ясфальшивым голосом.

Неслучайно одним из «властителей мыслителей» (по определению А. Глюксмана) последней трети нашего столетия стал Михаил Михайлович Бахтин. Его творчество, обогатившее отечественную гуманистику идеями консенсуса, диалога, нравственной ответственности личности и другими, оказалось созвучно реалиям сложной и противоречивой современности. Наступил тот час, когда выясняется подлинное значение М. М. Бахтина в контексте отечественной и мировой культуры XX в., ибо его теоретические открытия предвосхитили многое из того, что составило сердцевину интеллектуальных исканий человека нашего времени.

Почти четверть века жизнь и творческая судьба ученого были связаны с Саранском, с Мордовским университетом. И потому именно здесь родилась инициатива создания научного куль-

турно-просветительского общества М. М. Бахтина, цель которого — изучение и пропаганда творческого наследия ученого, сбор материалов о его жизни и деятельности, а также пропаганда ценностей гуманитарной культуры, работа по развитию и расширению гуманитарного образования. На учредительном собрании избран состав Правления общества. В него вошли два председателя — профессора А. И. Сухарев и С. С. Конкин, два сопредседателя — профессор Р. И. Александров и доцент В. М. Борискин, а также ученые республики, сотрудники библиотечного и музейного комплексов университета.

По инициативе общества в Саранске в 1989 г. состоялись Первые Бахтинские чтения, которые становятся традиционными. Еще одним шагом перед в изучением творческого наследия великого ученого стали Вторые саранские Бахтинские чтения «М. М. Бахтин и методология современного гуманитарного знания», проведенные изданию на базе Мордовского университета.

Пленарное заседание чтений открыл ректор университета доктор философских наук профессор А. И. Сухарев. В докладе отмечалось, что творческое наследие М. М. Бахтина, наиболее сильной частью которого является классическая методология анализа

диалектики духовной культуры, становится особенно актуальной и необходимой нам сегодня, ибо современная ситуация в культуре характеризуется такими чертами, как приоритетная ориентация на общечеловеческие ценности, переход от претензий на моноколю к иморализму различных течений в культуре, становление единой, целостной духовной культуры мирового сообщества. Идеи М. М. Бахтина дают возможность глубже понять гуманистическую ценность духовной культуры. Профессор А. И. Сухарев подчеркнула, что при всем внимании исследователей к бахтинской концепции диалога ими все еще недоброизвестна «живая форма» его реализации. Вне человека и человеческого общения диалог как всеобщая и бесконечная форма существования и развития духовной культуры не может выполнить своей роли.

Профессор Высшего театрального училища имени Щукина доктор философских наук В. А. Гущина основную часть своего доклада посвятила анализу вклада М. М. Бахтина в развитие философии языка. Поразительно, говорилось в выступлении, что М. М. Бахтин уже в раннем творчестве сумел поставить такие научные проблемы, которые впоследствии развивали совершенно независимо от него крупнейшие философы XX столетия: Хайдеггер, Сартр, Витгенштейн и др. Докладчик анализирует идеи диалогизма, причастной внеподходности к сознанию другого, отношение искусства к действительности, идею их единства, феноменологическую проблему «влияния к другому», откуда развивается вся этическая проблематика современной философии, и, наконец, проблемы философии языка: его понятия, концепции, персонального языка, интенциональности мышления и др. Таким образом, хотя чистый интеллект Бахтина сумел понять логику развития науки. Часть доклада была посвящена жизни и творческой судьбе старшего брата М. М. Бахтина — Николая Михайловича, оказавшегося после революции за рубежом, получившего там степень

доктора философии. Идеи Николая Бахтина, в чем-то перекликавшиеся с идеями брата, оказали влияние на тесно общавшегося с ним в Кембридже Л. Витгенштейна. В докладе анализировались объективные совпадения философии языка М. М. Бахтина и Л. Витгенштейна.

Ярким, эмоционально насыщенным было выступление доктора философских наук профессора Мордовского университета Р. И. Александровой. Она посвятила свой доклад проблеме «души», «духа» в творчестве М. М. Бахтина. Еще этой проблемы невозможно понимание самого человека, его глубинной сущности, ценностей. Духовное обаяние творческого наследия М. М. Бахтина заключается не только в глубокой разработке этих проблем, но и в самом факте того, что он обратился к ним в то время, когда такое занятие было не просто неблагодарным, но и опасным делом. Это можно рассматривать как акт гражданского мужества, научной порядочности ученого. Он внес свою лепту в решение проблемы самопознания человека. Отсюда его преданность Достоевскому, традициям отечественной философии.

Профессор Мордовского университета доктор филологических наук С. С. Конкин рассказал о некоторых «белых пятнах» в биографии М. М. Бахтина, в частности о периоде, связанном с его арестом в декабре 1928 года и последующей ссылкой.

Подробно о кустанайской ссылке ученого, о его жизни и работе, круге общения в этот период, о самом Кустанайе 20-х — начала 30-х годов было очень интересно рассказано в выступлении профессора Кустанайского педагогического института доктора филологических наук Н. И. Кандатипы.

Необычным и занимавшимся было выступление участника Московского государственного педагогического университета кандидата педагогических наук А. Ю. Гончарука, посвященное применению методологии эмотивизма в системе гуманитарного образования

в вузе. Не будучи объектом непосредственных научно-теоретических исследований М. М. Бахтина, эмотивизм как целостная мировоззренческая концепция тем не менее пронизывает, по убеждению докладчика, большинство его трудов. А. Ю. Гончарук поделился своим опытом использования идей М. М. Бахтина в развитии эмотивистской культуры будущих педагогов.

Среди докладов, заслушанных на секции, объединившей представителей различных гуманитарных наук (руководители Р. И. Александрова, В. А. Гущина), следует выделить доклад В. Н. Бородулина (Таганрог) «Психиатрия как гуманитарная наука», В. Н. Назинцева (Воронеж) «Роль принципа вменаходимости в познании мира», В. И. Пролыкина (Днепропетровск) «М. М. Бахтин и А. Тарковский: начала «новой» рациональности», О. В. Брейкина (Саранск) «М. М. Бахтин и И. Хейзинга о средневековом образе смерти», В. Гаевского (Польша) «Общие закономерности движения в разных областях знаний».

В работе секции «М. М. Бахтин и проблемы современной филологии» (руководитель С. С. Конкин) приняли участие доктор филологических наук профессор А. А. Илюшин (Москва), доцент Литературного института

им. А. М. Горького драматург С. В. Молчанова (Москва), кандидат филологических наук И. В. Труфанова (Кривой Рог), В. П. Киржасова (Саранск), кандидат филологических наук Н. Л. Васильев (Саранск).

Немалую роль в организации и проведении чтений сыграл Союз театральных деятелей СССР, прежде всего в лице секретаря секции «Театр и философия» Э. М. Ниязовой. В рамках чтений был проведен «круглый стол» в Мордовском театре драмы и музыкомедии, где ученые вместе с актерами обсудили актуальные проблемы эстетической культуры.

Имя М. М. Бахтина привлекает сегодня многих. Об этом говорит тот факт, что в работе Вторых саранских Бахтинских чтений принимали участие философы и этики, эстетики и историки, психологи и педагоги. Появилась реальная возможность власть в религиозный экстаз при его упоминании. Участникам Бахтинских чтений удалось счастливо избежать этой опасности. Бахтин для нас — не очередная методологическая лавочка на все случаи жизни, но равноправный живой участник подлинно творческого диалога. К такому выводу пришли участники чтений.

***** М. М. БАХТИН О ПРОБЛЕМАХ ДУХОВНОСТИ

Профессор Р. И. АЛЕКСАНДРОВА

Понятия «душа», «сердце», «дух» были притягательными для человека во все времена и у всех народов. Неслучайно они встречаются в мифологиях, народной мудрости, религиозных учениях, художественных произведениях, философских штудиях. Эти дефиниции непосредственно связаны с фундаментальным цластом культуры — гуманизмом. Без них невозможен философский анализ таких проблем, как «В чем назначение человека?», «Что есть я сам?», «Что в жизни

моё?», «Что в жизни главное — матеральное или духовное?», «На что я смею надеяться?», «Что есть жизнь и смерть?» и т. д. Советская марксистская литература практически не имеет работ, посвященных «душе», «сердцу», «духу». Они были изгнаны из всего комплекса наук о Человеке. Сформировалось идеологическое клише: нам, материалистам, марксистам не пришло заниматься «душой», «духом». Начиная с тридцатых годов стало просто опасным изучать эти метафизичес-

кие состояния человека, поскольку они объявлялись «буржуазным обманом».

Сложилось так, что высшие духовные свойства человека и его ценности оказались на «ничейной земле», потерянны человековедческими науками. Духовность утонула в доказательствах ее вторичности, второстепенности относительно материального, эмпирического, внешнего. И нужно было обладать мужеством, научной порядочностью, чтобы в этих условиях заниматься не просто неблагодарным делом, но даже опасным. Бахтин внес свой вклад в единый мировой культурный процесс, связанный с потребностью познания предельных глубин человека. Отсюда и преданность творчеству Ф. М. Достоевского, традициям отечественной литературы, философии.

Для философской антропологии М. М. Бахтина характерен принцип триединства, который является своеобразной формой реализации идеи всеединства как любимой идеи русской философии. «Смыловое целое героя» — новаторская концепция в литературоведении, как раз и включает телесно-душевно-духовное единство природы человека. Н. К. Бонцкая тонко подметила, что Бахтин никогда не ограничивался при изображении того или иного героя художественным произведением воссозданием образа тела и души, ему нужна была и некая добавка, которая может исходить только из сферы духа.

М. М. Бахтин различает содержание понятий «души», «дух». Им устанавливаются гносеологические предпосылки для восприятия себя и другого как в отношении тела, так и «души», «духа». Акализ воззрений философа на данную проблему вести плавко ввиду сложной философской терминологии, стиля изложения, связанного, несомненно, с канонами общественной цензуры, господства идеологии над этикой, поэтому важно услышать сказанное и послать несказанное.

Бахтинская концепция диалогичности сознания, милитация связана с пониманием им «души» и «духа». Монологическое сознание предполагало

принудительную нивелировку чувств, желаний, потребностей, интересов, а также мыслей и стиля поведения. Господствующие идеологические верования, штампы способствовали добровольному ограничению души, мысли и воли. Поэтому диалогичность сознания как антипод монологическому предполагает, по Бахтину, богатство чувств в самой душе. Она источник «вчувствования», «вживания», «участного мышления», «поступающего мышления». Внутренняя жизнь другого воспринимается, переживается именно как «душа». «Душа, — пишет М. М. Бахтин, — это образ совокупности всего действительного пережитого...» (Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 104).

Попробуем услышать сказанное. Учение о душе уходит в глубь тысячелетий. Человек в преданиях, сказаниях, пословицах, поговорках, религиозных верованиях, философских учениях выразил действительно все то, что им переживалось как самое сокровенное, дорогое, интимное, таинственное о самом себе, отличное от собственного тела, хотя и связанное с ним. Вслушаемся, вчитаемся в словосочетания: «душа болит», «душа не лежит», «душа не на месте», «с души воротит», «наплевать в душу», «клить душу», «читать в душу» и т. д. Можно сказать, что в народном сознании душа посматривается как совокупность всей духовной и душевной деятельности. Не потому ли она и почитается выше и дороже всего? Во всяком случае спасение души, глубина ее внутреннего мира были девизом святой Руси, у В. Соловьева, Ф. Достоевского в особенности.

Согласно Бахтину, душа как особая реальность, существующая во времени и пространстве, и есть форма, способ жизни, судьбы человека. Он пишет: «Когда мы глядим друг на друга, два разных мира отражаются в зрачках наших глаз... Этот всегда наличный по отношению ко всякому другому избыток видения, знания, обладания обусловлен единственностью к независимости каждого места в мире...» (С. 25).

Эта мысльозвучна восточной муд-

ности: «Чтобы разгадать мир, надо глядеть на него разными глазами». А глаза, как известно, есть зеркало души. Незаместимость моей души, уважение этого чувства порождают и творческое отношение к жизни, которое проявляется в самых разнообразных формах.

По Бахтину, корни, источники понимания собственной души не в ней, а вне. Только через проникновение в глубины души другого можно понять и самого себя. Он пишет: «Внутреннюю жизнь другого я переживаю как душу, в себе самом я живу в духе» (С. 104). Из текста явствует, что душа сама по себе ничего не скажет о самой себе, она не предназначена для самой себя, она обращена извне, к другому, другим, миру. И потому, говоря словами Бахтина, «душа — это дар моего духа к другому» (С. 123).

Следовательно, нравственность и безнравственность поступка могут быть выявлены лишь в диалоге с душой другого человека. Исходя из этого Бахтин делает вывод о том, что душа не может быть предметом этики. Само по себе состояние души, саморефлексия, обращенность на самого себя не имеют ценностного начала. Только через душевное, нравственное заинтересованное отношение людей друг к другу, через диалог обнаруживается подлинное состояние души, ее приверженность добру и злу.

Трудно согласиться с тем, что душа как глубинная сущность человека, как совокупность чувств, желаний, как арена борьбы между добродетелью и пороком не может быть предметом этики. Сам же Бахтин замечает, что «...изнутри душа может только стыдиться себя, извне она может быть прекрасной и наивной» (С. 104). В другом месте он говорит о Христе как единственноном по своей глубине синтезе этического симпозиума, бескорыстной строгости к себе, «...то есть белокоризненно чистого отношения к себе самому, с этическо-эстетической добротою к другому» (С. 56). Новаторство Бахтина относительно проблемы «духа» заключается в том, что речь и слово

ставятся им в зависимость от того, что есть именно дух.

В самом деле, понимание слова, литературы в контексте «духа» вообще было традицией русской культуры. «Слово звучащее», «слово воплощенное» воспринималось не только как отвлеченная культурно-просветительская цель, но и соподчиненное конкретной идее искусства — помочь «восстать упавшему человеку». Гоголь почитал слово высшим божним даром. И М. М. Бахтин писал, что слово не есть, а всего подвижная изменчивая среда диалогического общения, оно не довлеет одному сознанию. И поэтому «жизнь слова — в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению» (Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 234).

Жизнь слова связана с устами, дыханием, как и «дух». В Библии читаем: «Дух дышит, где хочет, и глас его слышишь и не знаешь, откуда приходит и куда уходит». «Дух в Человеке и дыханье Вседержателя дает ему разумение». Выдающийся немецкий гуманист XVIII в. Гердер писал о том, что человек своим словом, речью сотрясает воздух, а он разносит по миру мыслящую душу и тем самым дух обретает видимый облик в виде разума, который и передается из поколения в поколение.

В. В. Розанов поэтично и образно писал о роли слова, «духа», однажды их со вздохом: «вздох» — всемирная история, начало ее; в мори «вздохов» все лежит; «вздох» — это духовность, это нравственность, они дороже золота, власти, авторитета; «вздох» — начало всех богатств.

Не отсюда ли сложилось представление, что дух и сознание появляются как бы извне Человека и в форме рассудка вносят порядок в хаос разнообразных впечатлений (исходящих, скажем, из большого космоса), а в сфере разума стремятся ввысь. Имеется в виду независимость сознания — кардинальный факт нашего духовного бытия. Сознание может отлетать от

личности куда угодно. Око как телевизионная машина — все принимает и все передает.

Испокон веку человечество билось над вопросами, что может дух в отношении видимого и невидимого мира, то есть может ли дух познать его, как, каким образом, в каких пределах; что в жизни значительнее, ценное — дух или материя, духовное или материальное. И всегда имелись два диаметрально противоположных ответа. Это связано с решением основного вопроса философии: что первично и что вторично — материя, природа или дух, сознание. В зависимости от ответа на него и существуют два направления — материализм и идеализм. То есть речь идет о двух качественно раз-

личных обоснованиях духовных и пра-
вственных ценностей, пронстекающих из различного понимания человека, из двух концепций личности.

Следовательно, дух — это самое высокое определение внутреннего состояния человека, его способности самостоятельно, свободно мыслить, установка на определенную цель, саморегулирование, самоорганизация волевого, разумного начала. Гете говорил: «Я твердо убежден в том, что дух наш — это нечто, совершенно не поддающееся разрушению. Он продолжает жить вечностью. Он похож на солнце, заход которого существует лишь для наших глаз, но которое, собственно, никогда не заходит и непрестанно продолжает светить».

НА ПУТИ К ПОСТИЖЕНИЮ ПРОШЛОГО

Профессор В. И. КОПАЛОВ
(Уральский университет)

Процесс теоретической реконструкции во многом зависит от того культурного и идеологического контекста, к которому принадлежит исследователь прошлого. Каждый ученый, каждая эпоха дают свою версию, свое прочтение исторических событий. Это обстоятельство зависит от различных непрерывных величин: наличия необходимых источников, характеризующих прошлое, соответствующих методов и методик, «технологических» средств, позволяющих возродить прошлое из праха и тлена. Немаловажна и идеологическая заданность исследователя, которая в значительной мере определяет вектор воспроизведения прошлого на пути к истине.

Чаще всего историк, реконструирующий прошлое, декларирует свою объективность, беспристрастность. К примеру, Л. фон Ранке утверждал, что историю надо излагать так, как это было. Но само по себе это не является гаранцией от проявления субъективизма, ибо каждый историк — сын своего времени, он ограничен мыслительным

горизонтом своей эпохи, «зашорен» ее духовной атмосферой. Стремление постичь прошлое, отделенное огромными временными интервалами, «провалами» в социальной памяти человечества, требует от историка неожиданных способностей. Среди них особое место занимает умение вникнуть в культурный контекст исследуемой эпохи. Проблема понимания прошлого, когда мы имеем дело с текстом источника, стремление вести диалог с эпохой, существенно отличающейся от нашего времени, — составная часть исторического исследования. Историк постоянно находится в процессе «диалога культур». Эти проблемы являются объектом исследований специальных областей гуманитарного познания — исторической и философской герменевтики. Герменевтика, согласно Г. Гадамеру, первоначально была вспомогательной дисциплиной, каноном правил обращения с текстом. Позднее она становится самостоятельной областью знания. «Проблема герменевтики, то есть проблема интерпретации передаваемо-

го текста, — пишет Гадамер в книге «Истина и метод: Основы философской герменевтики», — обращает нас к задаче переводчика — понять и сообщить о чем-то непонятном, потому что оно сказано на чужом языке, пусть будут хоть намеки и знаки на языке богов... Тольковаргель письменного источника, как переводчик Божей или человеческой речи, снимает чуждость и делает возможным усвоение».

Задолго до Гадамера подобные идеи развивал Г. Гегель. Характеризуя содержание и сущность искусства Древнего Востока, он подчеркивал необходимость усвоения, дешифровки культуры, а следовательно, ее познания. «Вступая в мир древнеперсидских, индийских, греческих образов и созданий, — пишет он в книге «Эстетика», — мы чувствуем себя сначала не по себе: мы чувствуем, что странствуем посреди каких-то задач. Сама по себе эти создания нас не привлекают, непосредственное созерцание их не доставляет нам удовольствия и не удовлетворяет нас: они сами как бы требуют от нас, чтобы мы перенесли через них и пошли дальше, к их смыслу, который есть нечто более широкое, более глубокое, чем эти образы».

В сфере исторического познания к философии истории далеко не все исследователи утверждают возможность адекватного «перевода» источника, возможность подлинного диалога культур. Так, О. Шпенглер, характеризуя исторический процесс как развитие эквивалентных, независимых друг от друга культур, полагал, что адекватное достижение чужой культуры практически невозможно. Однако своим исследованием он опроверг собственную мировоззренческую позицию. Утверждая, что сущность каждой культуры однозначна в специфическом художественном образе (аполлоновский дух, фаустовский дух), он тем самым пролагал путь для научного достижения культурного наследия прошлого.

Проблема диалога культур, адекватного понимания исторических источников и текстов художественной

литературы была одним из основных направлений исследования М. М. Бахтина. Подчеркивая, что литературоведение располагает давними традициями и большими возможностями, ученый утверждает, что оно далеко не реализует этих возможностей и не отвечает тем требованиям, которые мы вправе к нему предъявить. В книге «Эстетика словесного творчества» он пишет: «Нет смелой постановки общих проблем, нет открытых новых областей или отдельных значительных явлений в несоборном мире литературы, нет настоящей и здоровой борьбы научных направлений, господствует какая-то боязнь исследовательского риска, боязнь гипотез. Литературоведение, в сущности, еще молодая наука, оно не обладает такими выработанными и проверенными на опыте методами, какие есть у естественных наук; поэтому отсутствие борьбы направлений и боязнь смелых гипотез неизбежно приводят к господству трюизмов и штампов; в них, к сожалению, у нас нет недостатка». М. М. Бахтин показал фактическое состояние литературоведения в те времена, когда требования редактора и «внутренняя цензура» автора во многом определяли уровень и глубину исследований.

Вторая проблема, особо выделенная М. М. Бахтиным, касается рассмотрения литературного процесса в общем контексте культуры. Литературу недопустимо отрывать от всей культуры эпохи, соотносить ее исключительно с социально-экономическими факторами. На этом пути возникают различные варианты вульгарного социологии. Так же неуместна абсолютизация специфики литературы в системе культурного контекста. «Следует сказать, что узкое спецификачество чуждо лучшим традициям нашей науки, — говорит М. М. Бахтин в названной выше книге. — При спецификационных увлечениях игнорировали вопросы взаимосвязи и взаимозависимости различных областей культуры, часто забывали, что границы этих областей не абсолютны, что в различные эпохи они проводи-

лись по-разному, не учитывали, что как раз наиболее напряженная жизнь культуры проходит на границах отдельных ее, а не там и не тогда, когда

эти области замыкаются в своей специфике». Эти суждения созвучны нашему времени, которое ставит задачи так, как их формулировал М. М. Бахтин.

НОВОЕ СЛОВО В БАХТИНОВЕДЕНИИ

(РЕЦЕНЗИЯ НА «БАХТИНСКИЙ СБОРНИК». М., 1990. Вып. 1)

О. В. БРЕЙКИН, кандидат философских наук

«Бахтинский сборник» представляет собой совместное издание Литературного института им. А. М. Горького и Московского государственного педагогического университета им. В. И. Ленина. В сборнике представлены статьи Б. Ф. Егорсва «Слово о М. М. Бахтине», В. Н. Турбина «Карнавал: религия, политика, теософия», К. Г. Исупова «О философской антропологии М. М. Бахтина», О. Е. Осовского «М. М. Бахтин: от „Проблем творчества“ к „Проблемам поэтики Достоевского“», М. К. Рыклина «Тела террора (тезисы к логике насилия)», А. А. Грекалова «М. М. Бахтин и проблема понимания», Д. Куюнжича «Смех как „другой“ у Бахтина и Церрида», В. Л. Махлина «„Диалогизм“ М. М. Бахтина как проблема гуманитарной культуры ХХ века».

Своебразная «сверхзадача» рецензируемого сборника — показать особое место М. М. Бахтина в гуманитарных науках ХХ столетия, его неоцененный (и до сих пор недостаточно осознанный) вклад в методологию и теорию культуры. При всей полифоничности авторских мнений и оценок через работу проходит несколько стержневых идей, придающих сборнику определенную целостность. Прежде всего это относится к стремлению авторов представить Бахтина как философа альтернативы, предлагающего качественно новый тип научного познания и мышления. По мнению В. Н. Турбина, «Аристотель — Бахтин, такое сочетание проходит через „большое время“, и единственно лишь с ним будут иметь дело потомки, подобно тому, как пам-

открываются сочетания: Ньютона — Эйнштейн» (С. 15). Автор поясняет, что речь идет, конечно, не о радикальной отмене Аристотеля (и вообще классической рационалистической философии); «Аналогично тому, как Эвклид и Ньютон в качестве частного случая вошли в геометрию Лобачевского и в физику Эйнштейна, эстетика и поэтика Аристотеля включаются в поэтику Бахтина» (С. 16). С этим положением В. Н. Турбина перекликается мнение В. Л. Махлина о «деконструктивизме» не только как классической философской традиции, но и как альтернативно-модернистской философии; выход из теоретического кризиса современной философской науки указывает именно бахтинский «диалогизм»: «„Отрицание отрицания“ в бахтинском смысле означает, что обе обозначенных парадигмы, классическая и анти-классическая, должны наконец встретиться, то есть увидеть себя глазами „другого“, иначе, а не изнутри» (С. 125). О значении карнавального смеха для философии альтернативы говорит Д. Куюнжич в очень обстоятельной статье, посвященной диалогу М. М. Бахтина и Ж. Церрида.

Другая синтезирующая тема сборника — это обращение к нравственной философии ученого. Стремление представить в единстве этику и эстетику Бахтина отличает статью К. Г. Исупова: бахтинская философия дается им в контексте всей отечественной философии, прослеживаются ее глубинные связи с идеями Герцена, Федорова, Флоренского, Карсавина, Мейера. Автор совершенно справедливо замечает,

что «Бахтин обосновывает „абсолютную нужду в другом“ как нравственную необходимость и как онтологический завет человека и бытия» (С. 39). Однако далее он делает вывод, что «для эстетики и этики жизни это несло концептуальную невозможность автономной морали» (Там же). Это положение не может не вызвать сомнения в своей правомерности. Может ли вообще после Канта существовать научная нормативная этика без признания за личностью права на свободу выбора, права на моралетворчество, т. е., другими словами, без признания нравственной автономности каждой личности? И не преувеличивается ли в данном случае степень разрыва Бахтина с Кантом? Молодой Бахтин, действителью, восстал против неокантинского теоретизма, но это восстание во многом носило характер *еретичества в кантианстве* (т. е. выступления против отдельных следствий теоретической системы, опирающегося на исходные постулаты этой же системы). Если религиозный философ С. Булгаков вполне логично провозглашал отмену автономной этики (другими словами, тотальное подчинение этики теологии), то для философской антропологии Бахтина, *внрелигиозной* по своему генезису, соотношение автономности и универсальности, всеобщности человеческого духа оставалось «диалогичным».

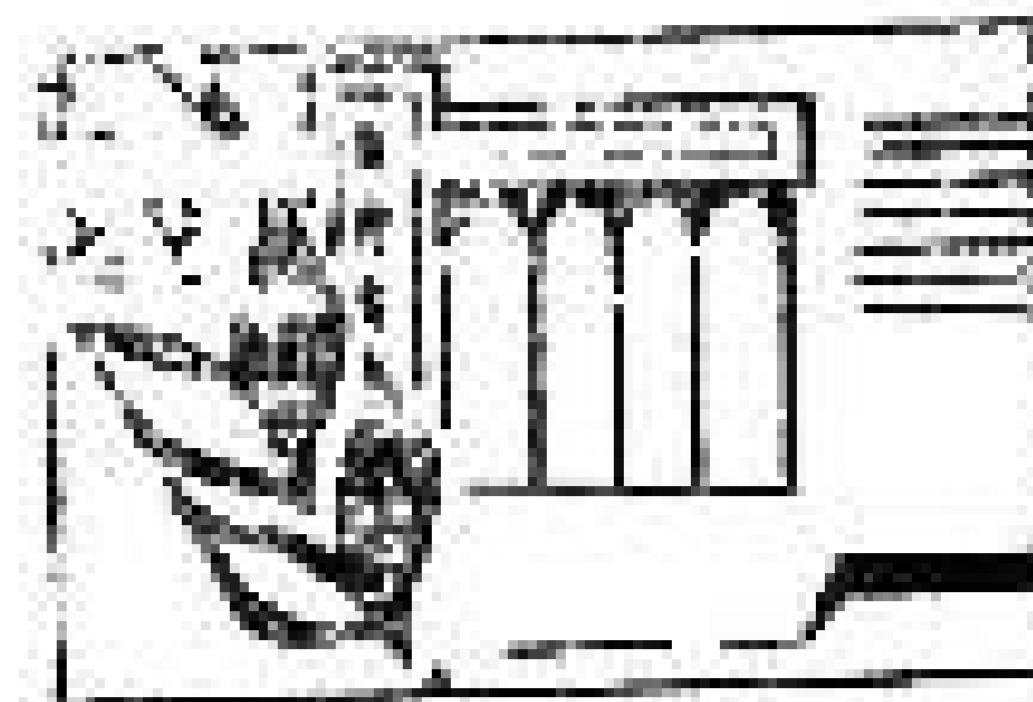
Проблемы нравственной философии Бахтина в той или иной мере поднимаются во всех статьях сборника. Особо хотелось бы отметить работу М. К. Рыклина, предпринявшего смелую попытку применения бахтинской методологии к анализу логики сталинского террора. Не со всеми наблюдениями

автора можно согласиться. Несколько спорным, например, представляется истолкование художественного оформления московского метрополитена 30—50-х гг. Но в целом эту статью следует оценить как несомненную авторскую удачу.

Высокая философская и филологическая культура авторов сборника проявляется также в их стремлении представить учение Бахтина в развитии, поднять проблему соотношения внутренней динамики бахтинских взглядов и внешней динамики социальной жизни. Очень показательна в этом отношении статья О. Е. Осовского, специально посвященная сопоставлению двух изданий монографии Бахтина о Достоевском (1929 и 1963 гг.). «Книга о Достоевском становится вечной спутницей Бахтина, сопровождая его на протяжении всей жизни. С нее начинается его „официальное“ вхождение в большую науку, она же возвращает Бахтина отечественной гуманитарии, пробуждая интерес не только к его идеям, но и к его личности» (С. 49). Диалог с Достоевским проходит через всю жизнь Бахтина, приводя его к новым проблемам и к новым открытиям (в частности к постановке проблемы металингвистики) — таков основной вывод статьи.

Подводя итоги, необходимо отметить, что «Бахтинский сборник» представляет собой большой вклад в отечественную философскую и филологическую науку и новое слово в современном бахтиноведении. Остается пожелать, чтобы выпуск этого интересного издания продолжился в последующие годы и стал более доступен для широких научных кругов.

АГРОКОМПЛЕКС И УНИВЕРСИТЕТ

В ИНТЕРЕСАХ АГРАРНОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ (Интервью с директором Агропромышленного института В. В. Конаковым)

В Мордовском университете недавно создана новая структурная единица — Агропромышленный институт, получивший статус филиала нашего вуза. На большом ученом совете института на альтернативной основе дававшим большинством голосов директором избран декан факультета механизации и электрификации сельского хозяйства В. В. Конаков. Сразу после заседания Валентин Васильевич ответил на вопросы «Вестника Мордовского университета».

— Прежде всего, Валентин Васильевич, от имени редколлегии журнала разрешите поздравить Вас с избранием на столь высокий и ответственный пост.

Разъясните, пожалуйста, чем вызвана необходимость организации Агропромышленного института.

— Агропромышленный институт создан во исполнение решения коллегии Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы от 20.12.90 г. для осуществления следующих основных задач:

— подготовки высококвалифицированных специалистов аграрного профиля, отвечающих требованиям конвертируемого диплома по стандартам ЮНЕСКО;

— проведения исследований и получения научных результатов, имеющих первостепенное значение для научно-технического прогресса и содействующих социальному-экономическому и духовному развитию общества;

— разработки рекомендаций по использованию результатов научных исследований и участия в их освоении;

— изучения и обобщения достижений мировой науки по профилю института и содействия их использованию;

- подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации;
- повышения квалификации преподавательского состава;
- первоначальной и повышения квалификации специалистов аграрного профиля.

Как видите, круг задач большой и их реализация потребует концентрации усилий, так как группой слабых, разрозненных факультетов, не имеющих нормальной материальной и производственной базы для постановки академической и научной деятельности на должном уровне, они не могут быть решены удовлетворительно. Потребуются ли дополнительные затраты? Конечно, уже сейчас ясно, что нужны новые учебные корпуса, площади под научные лаборатории, общежития для студентов, жилые дома, физкультурно-оздоровительные комплексы и многое другое. Кроме того, необходимо оснастить современным оборудованием учебные лаборатории. Эти проблемы возникли не в связи с созданием института, они были и раньше, но хочу обратить внимание на современное состояние учебной базы блока аграрных факультетов. Агропромышленный институт создан прежде всего для обслуживания аграрного сектора Мордовии, поэтому мы очень надеемся на конструктивную помощь директивных органов республики, особенно в стадии его становления.

— А есть ли аналоги в отечественной практике?

— Прямых аналогов в отечественной практике нет, т. е. в рамках университета такой институт создан впервые в стране, но многие крупные вузы для решения целевых задач идут именно таким путем. Примером может слу-

жить филиал Московского кооперативного института в Саранске, который решает региональную задачу подготовки специалистов.

— Какова степень самостоятельности филиала в рамках университета? Не целесообразнее ли было бы полностью отделиться от него?

— Степень самостоятельности института вполне достаточна для решения поставленных перед ним задач. Университет оставил за собой права координатора, он будет рассматривать вопросы о выделении средств на капитальное строительство, планы генерального развития института, определять лимиты на издательскую деятельность, сохранит некоторые функции контроля деятельности в лице ректора. Это правомерно, так как в государственной структуре все эти функции по отношению к вузам всегда осуществляют вышестоящие организации в лице комитетов или министерств.

Институт имеет юридический статус филиала со всеми атрибутами, необходимыми для самостоятельной, автономной деятельности. Целесообразность в полном отделении от университета мы не видим. Дело в том, что наш институт будет главным образом в прикладном плане решать республиканские задачи: осуществлять подготовку и переподготовку кадров, выполнять основную долю научно-внедренческих работ и т. д. А агропромышленный комплекс сейчас не только самая запущенная, но и наиболее сложная народнохозяйственная отрасль, где очень часто возникают запросы на специалистов по большому спектру специальностей. Институт, работающий на республику, обязан реагировать на все запросы. А это возможно только в условиях крупного универсального вуза — университета. Кроме того, у института нет достаточной материальной базы. Отрыв от фундаментальной университетской научной библиотеки, развитого вычислительного центра, факультетов гуманитарного и естественного блоков, баз отдыха и культуры, традиций скажется отрицательно. Наконец, для того чтобы создать нормаль-

ные учебно-научные подразделения, прежде всего кафедры, где преподаватели за учебными дисциплинами были бы закреплены не в единственном числе, потребуется разно увеличить контингент студентов, что для условий нашей республики нереально.

— Скажите, какие дипломы будут получать ваши выпускники?

— Выпускники будут получать дипломы Мордовского университета. Упоминав об институте и факультете, на котором учился выпускник, будет во вкладыше к диплому, где приводится перечень изученных учебных дисциплин.

— Какова структура института и прежними ли останутся специальности?

— По замыслу это учебный институт, в котором будет осуществлена попытка воплотить в жизнь формулу подготовки современного специалиста на базе интеграции науки, практики и образования. Соответственно этой формуле и строится организационная структура института. В своем составе он будет иметь три учебных факультета (сельскохозяйственный, механизации и электрификации сельского хозяйства, экономики сельского хозяйства), факультет повышения квалификации, два научно-исследовательских института, три учебно-опытных хозяйства. Один из НИИ уже создан. Это научно-исследовательский институт «Надежность машин» (директор профессор П. П. Лезин), имеющий целевую задачу разработки теоретических основ и технологий, повышающих надежность машин в процессе ремонта. Уже есть существенные наработки по использованию полимерных материалов при восстановлении посадочных мест в корпусных деталях.

Второй научно-исследовательский институт — «Обмен энергии и вещества в природе» (директор профессор С. А. Лапшин) является базовым и находится на стадии юридического оформления. Базовым это НИИ я называю потому, что тематика его деятельности объединит сложившиеся и пер-

специфические направления научной деятельности всех кафедр с широким привлечением студентов к разработкам и внедрению.

Все специальности сохранены, специализации же будут более динамичны и будут вводиться в соответствии с перспективными потребностями народного хозяйства.

— Видимо, потребуется и увеличение штатов административного персонала по сравнению с имеющимися в подразделениях, вошедших в состав института. Кем будет финансироваться учебное заведение?

— Увеличение штатов управленческого и обслуживающего персонала, конечно, произойдет. У директора будут три заместителя по направлениям деятельности (по учебной, научной, административно-хозяйственной работе и капитальному строительству), вводятся должности начальников учебного, научного отделов и т. д. Но это не потребует больших дополнительных затрат и будет произведено за счет перераспределения штатов и средств внутри университета.

Институт будет финансироваться Госкомитетом РСФСР по делам науки и высшей школы и иметь свою долю от средств по контрактам за подготовку и переподготовку специалистов, научную работу и хозяйственную деятельность учебно-опытных хозяйств.

— Не увеличится ли контингент студентов и из каких регионов страны он будет набираться?

— Увеличение численности студентов не планируется. Наоборот, нам предстоит серьезно поработать над составом и структурой специальностей на заочном отделении и привести его к оптимальной численности. Основной поток студентов по-прежнему будет комплектоваться из Мордовии. По некоторым специальностям, например по ветеринарии, мы будем на контрактной основе по заочной форме обслуживать соседние республики и области. Такие просьбы к нам есть. Кроме того, в университете было принято решение зачислять на все формы обу-

чения абитуриентов из областей, где есть мордовские поселения (Оренбургская, Самарская и т. д.). Что касается дневной формы обучения, то открыт прием для абитуриентов из всех регионов страны — мы оставляем государственным высшим учебным заведением.

— Валентин Васильевич, Вы сохраните за собой должность декана факультета механизации и электрификации сельского хозяйства или Вас уже можно называть бывшим деканом?

— Должность декана ФМЭСХ объявлена вакантной. Временно эти функции исполняет доцент П. В. Сенин, заместитель декана. Примерно через месяц на конкурсной основе тайным голосованием ученым советом факультета будет избран новый декан. На факультете есть достойная смена.

Факультет, деканом которого я был 12 лет, очень трудоемкий и разносторонний, впрочем, таких в университете немало. Он требует от декана большой отдачи сил и времени. Думаю, что и у директора института работы будет не меньше. Педагогическую деятельность, естественно, продолжу и останусь членом кафедры, на которой проработал ровно 25 лет.

— Как бывший декан не будете ли Вы создавать режим наибольшего благоприятствования именно этому факультету?

— Нет, не буду. На факультете к этому относится с пониманием. Я в этом уверен.

— Валентин Васильевич, десятилетиями советская высшая школа готовила прежде всего кадры специалистов. Однако дореволюционные традиции российского университетского образования заключаются главным образом в повышении культурного, образовательного уровня общества, в удовлетворении потребностей человека в образовании. Так что же, на Ваш взгляд, важнее — образованность, культура или качество подготовки специалиста?

— На вопрос, по существу, Вы сами и ответили. Я согласен, что настоящий специалист, тем более с университетским дипломом, должен быть широко

образованным, культурным человеком. Поэтому я в этом плане за возрождение традиций российских университетов. Кстати, это один из серьезнейших аргументов в ответе на вопрос, почему коллекции наших факультетов не хотят отрываться от университетской гуманитарной и фундаментальной базы. В стране уже многие поняли, что специалист с высшим образованием должен быть всесторонне развитой личностью, поэтому многие институты аграрного профиля стали преобразовываться в университеты. При этом одной из главных задач является усиление гуманитарной подготовки. Мы всемерно будем поддерживать такой подход.

Каковы Ваши самые первые шаги в новой должности и каким Вам видится институт в перспективе?

— Свой первый шаг я сделал на объединенном совете факультетов, где рискнул изложить свое видение будущего института и задач, стоящих перед ним. Судя по результатам голосования, коллектив понял их и поддержал. Сейчас интенсивно формируется структура управления института. Думаю, что в течение марта удастся скомпоновать все звенья и приступить к автономной деятельности. Хочу также основательно ознакомиться с состоянием дел на факультетах и приступить к разработке перспективного плана развития института. Институт в перспективе мне видится первоклассным вузом, а иначе не стоило бы и начинать.

— Валентин Васильевич, в университете Вы не новичок и этот период жизни многим Вашим коллегам, читателям журнала известен. Расскажите, как Вы пришли в университет.

— Родился я в с. Кулансово Атяшевского района Мордовской ССР в 1939 году. По национальности мордвин-эрзя. В 1956 году после окончания средней школы поступил в Красносльбодское техническое училище № 1. В 1959 году окончил училище, получил квалификацию механика автомобильного транспорта и был направлен на работу в Атяшевскую РТС. В этом же году был призван на службу в Совет-

скую Армию. В 1961 году поступил учиться на отделение механизации сельского хозяйства сельскохозяйственного факультета нашего университета. С этого времени постоянно, уже 30 лет, нахожусь в университете. Работать здесь начал в 1966 году с должности ассистента кафедры технологии металлов и ремонта машин, в 1967 году был избран старшим преподавателем. В 1970—1973 годы работал заместителем декана факультета.

В 1976 году находился в годичной целевой аспирантуре при Московском лесотехническом институте, а в 1978 году в Московском институте инженеров сельскохозяйственного производства имени Горячкина защитил кандидатскую диссертацию. В 1979 году был избран деканом ФМЭСХ, затем дважды переизбирался и работал в этой должности непрерывно до настоящего времени. Имею три медали за работу, что для условий университета является редкостью.

— Несколько слов о семье. Что она значит для Вас?

— У меня сложилась дружная, надежная семья. Может быть, нескромно, но это так — у меня отличная жена, пусть всем мужчинам так повезет. Работает она доцентом кафедры общей и вузовской педагогики. Вся ее жизнь тоже связана с университетским коллективом, в который вступила еще в 1955 году студенткой историко-филологического факультета.

Сын в 1985 году с отличием окончил ФМЭСХ, сейчас завершает учебу в аспирантуре, живет временно с семьей в Московской области. Дочь учится на IV курсе Ленинградского финансово-экономического института. Есть у меня и внук, которому уже сейчас нравится запах машинного масла.

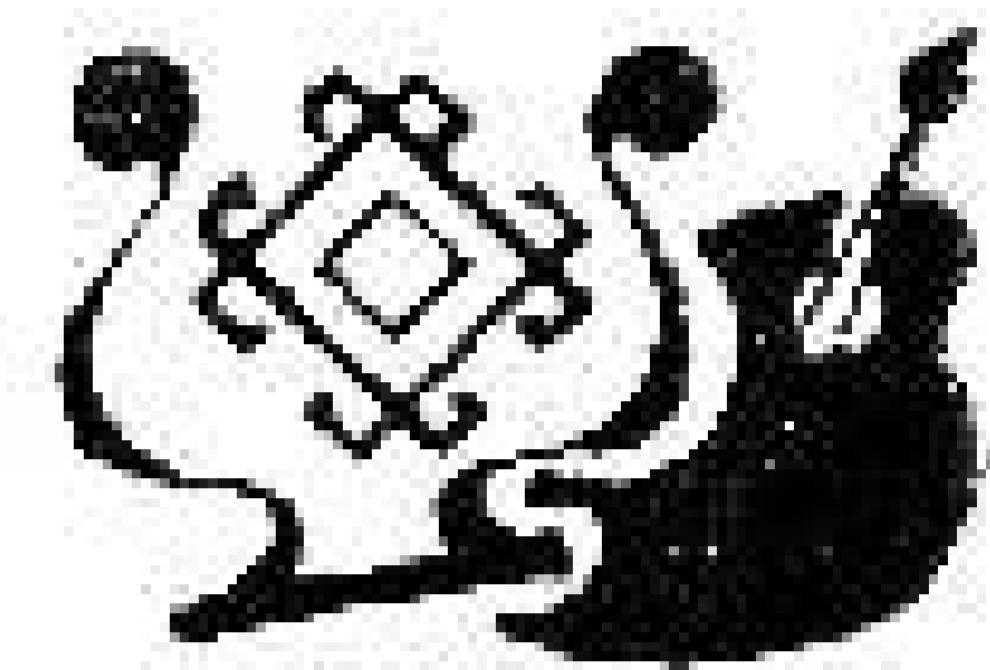
Как видите, оснований жаловаться на судьбу у меня нет. Вот родителям повезло меньше. Мать не смогла окончить даже начальную школу и всю жизнь провела в колхозе, работая рядовой работницей. Отец погиб в 1945 году на фронте, пройдя две войны — финскую и Великую Отечественную

ную. Остались мы втроем с большой бабушкой и испытали все невзгоды военной и послевоенной холода и полуголодной жизни. Помогал я по хозяйству как мог. Колхоз, после был для нас второй школой, поэтому к

своей нынешней специальности я пришел сознательно.

— Благодарю за беседу и желаю успехов в новой должности.

Зав. беседу Ю. А. МИШАНИН

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СОХРАНИТЬ ЕДИНЫМ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОМ»

Профессор П. К. ФЕРЦЕВ

В духовной сфере за годы Советской власти проделана огромная работа, которая позволила спасти от полного исчезновения или возродить многие уникальные национальные традиции, обеспечить мощный подъем культуры всех народов. Сейчас в каждой республике имеются своя научная и художественная интеллигенция — носительница национальной культуры, научные центры, университеты и институты, широкая сеть народного образования, театры, развиваются национальная кинематография, живопись и архитектура. Сформировалась советская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию, интернациональная по духу и характеру. Поэтому «бессмысленны и заслуживают осуждения попытки утверждать, якобы самоопределение народов СССР не состоялось, сводить его только к отделению, тем самым обедняв универсальный принцип разрешения национального вопроса», — подчеркнул М. С. Горбачев на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС.

КПСС никогда не отождествляла право наций на самоопределение с отделением. Смысл ленинского лозунга самоопределения был нацелен не на

децентрализацию многонационального государства, а на единение народов, которое возможно лишь между равноправными субъектами на основе добровольности, равенства и взаимного уважения.

Следует помнить об извращениях и деформациях в области национальной политики и практики. Унитаризм, командно-бюрократические методы руководства вели к выхолашиванию реального содержания федерации. Под влиянием негативных моментов в развитии наций и национальных отношений у многих народов подспудно зрело недовольство. В период перестройки возникли новые причины обострения межнациональных отношений, которые теперь приобрели конфликтный, первоопасный характер и наполнились центробежным содержанием. Каковы эти причины?

Во-первых, на волне подъема национального самосознания, вызванного борьбой за новые формы самоопределения, произошло смещение акцентов в сторону негативизма, национализма и сепаратизма. Во-вторых, ослабла идеологическая работа в сфере межнациональных отношений, по существу, она пущена на самотек. В-третьих, в прош-

гандистской и агитационной работе приоритет отдан тенденции пробуждения, расцвета наций, другие же прогрессивные тенденции их сближения, интернационализации всех сторон общественной жизни народов, укрепления их единства и сплоченности были преданы забвению; абсолютизируются языково-культурные признаки наций в ущерб территориально-экономическим; нация растворяется в национальности. В-четвертых, наступлению националистических и сепаратистских сил не дается своевременного и должного отпора. В-пятых, научные центры страны, Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук, так много издававшие литературы по проблемам развития наций и национальных отношений, теперь молчат, а ведь сейчас такие книги нужны как никогда.

В наши дни движение народов за суверенитет национально-государственных образований имеет глубокий исторический смысл. Нынешний этап самоопределения наций ставит в повестку дня значительное расширение прав, свобод, укрепление политической самостоятельности республик, устранение деформаций в развитии межнациональных отношений, обновление федерации. К сожалению, как показывают развертывающиеся центробежные процессы и идеяная разноголосица в их оценке, определенные круги с движением за суверенитет связывают сепаратизм, на котором паразитируют экстремистские, националистические, деструктивные силы.

В процессе обсуждения проекта Союзного договора на съезде народных депутатов РСФСР выдвигалась идея пересмотра границ национально-государственных образований. Прямо скажем, вредная и опасная идея. Исторический опыт показывает, что попытки пересмотреть границы всегда вели к братоубийственным войнам. На сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС по этому вопросу было сформулировано четкое и определенное мнение: «Вступить... на путь перекрошки административно-территориальной карты страны значило бы лишь осложнить и без того непростую ситуацию, факти-

чески отодвинуть на неопределенное время достижение реальных целей перестройки...».

Некоторых народных представителей РСФСР, как показала дискуссия по проекту Союзного договора на съезде, беспоконт этническое перемещивание народов. Ложная тревога. В стране сложился единый народнохозяйственный комплекс, социальные перемещения людей — объективный, закономерный и прогрессивный процесс. Сегодня за пределами своих республик проживает и трудится более 60 млн. человек. Из года в год увеличивается число межнациональных браков, что тоже следует считать естественным и прогрессивным явлением. Препятствовать этим процессам — значит пытаться повернуть историю вспять, поставить искусственный барьер на пути закономерного развития многонационального советского общества.

Предложения по возвращению всех людей в «национальный дом» нельзя назвать иначе как консервативными, националистическими и реакционными. Советские граждане должны чувствовать себя как дома в любой точке страны — такова высшая цель всей работы по гармонизации межнациональных отношений.

Важнейшим фактором развития наций, национальных и межнациональных отношений является язык. Основными принципами национальной политики КПСС были и остаются свободное развитие и равноправие всех языков, добровольный выбор языка обучения. Целесообразность признания государственным языка национальности, давшей название союзной или автономной республике, — компетенция самих республик. Статус государственного языка означает расширение его общественных и культурных функций.

Платформа КПСС по национальной политике ставит задачу обеспечения всем народам права обучения в школе на родном языке, использования его в общественной жизни, сохранения и развития национальных традиций, охраны среди проживания.

Развитие национального языка по-

волит широким массам в наикратчайший срок поднять свой культурный уровень, создать новые культурные ценности. Чем более развиты национальные языки, тем лучше они обеспечивают расцвет наций, их культуры, а следовательно, тем большим будет их вклад в интернациональное развитие всех народов.

Однако политическое и юридическое равноправие языков не означает их фактического равенства в реальной жизни. Роль и место того или иного языка определяются количеством его носителей, а также качественными параметрами, прежде всего его функциями. Малочисленные народы, лексические ресурсы которых, особенно в области науки, ограничены, добровольно используют языки крупных наций, чаще всего русский. В условиях совместной жизни разноязычных народов в СССР быстрыми темпами распространяется двуязычие среди всех советских наций и народностей. Русский язык добровольно признан языком межнационального общения. Тяга к русскому языку поистине огромна. Через него народы Советского Союза приобщаются к культуре друг друга, а также к высотам мировой цивилизации. Отмечается постоянный рост числа лиц нерусской национальности, признавших русский язык в качестве родного. По переписи 1970 г. таких было 13 млн., 1979 — 16,3 млн. человек, а число лиц нерусской национальности, свободно владеющих русским языком, составило соответственно 41,9 и 61,3 млн. человек.

В процессе общения народов происходит взаимодействие языков. Причем языки с развитыми литературными традициями и более разнообразной терминологией обычно вносят большой вклад в развитие других языков. Взаимовлияние, обмен терминами характерны для языков больших и малых народов. Общепризнано, что в результате заимствований язык не только не теряет своей национальной самостоятельности, но и совершенствуется.

Следствием сближения и интернационализации народов является их ас-

симиляция, в том числе языковая. Она обусловливается различием языков, неодинаковой численностью народов, разнообразием выполняемых тем или иным языком функций. В процессе взаимодействия одни языки оттесняются к поглощаются, другие, наоборот, широко распространяются, охватывая различные этносы. Так исчезли санскрит (древний язык индусов), ассириававилонский, латинский, древнеегипетский, древнегреческий и другие языки.

В настоящее время у ряда национальностей, особенно тех, которые проживают некомпактно, в иногородской или многонациональной среде, наблюдается более или менее существенное сокращение числа лиц, признающих родным языком язык своей национальности. Это особенно наглядно проявляется у евреев, корейцев, немцев, карелов, мордвы и других. В 1989 г. лишь 11,1 % всех евреев признали своим родным языком еврейский (идиш), в то время как в 1979 г. — 14,2 %; среди корейцев — соответственно 49,4 и 55,4 %; среди немцев — 48,8 и 57,0 %; среди мордвы — 67,1 и 72,6 %. Та же тенденция проявляется у большинства малых народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока.

С 1959 по 1989 г. численность мордовского населения в стране уменьшилась с 1 285 тыс. до 1 154 тыс., или на 131 тыс. человек, а удельный вес лиц, признающих мордовский язык родным, упал с 78,1 до 67,1 %.

Для спасения нации, языка и культуры общество «Масторава» требует создать в Мордовии условия для возрождения мордовского населения. Мы считаем, что ни уменьшение численности мордовского населения, ни рост числа лиц мордовской национальности, признающих родным языком русский, не угрожают исчезновению мордовской нации, ее языка, культуры. Предложения о переселении мордовского населения из-за пределов республики в Мордовию, о предоставлении мордовской диаспоре права гражданства, об изучении всеми жителями республики (где примерно 60 % русских) мордовского языка являются совершенно необходимо-

ванными и вступают в противоречие с закономерными процессами в развитии многонациональной страны. Что касается дальнейшего развития мордовских языков, национальной культуры, то, очевидно, необходимо существенно приблизить литературные языки к разговорным, выводить из бытовой сферы на более высокий уровень. Разумеется, для этого требуется социально-экономическая поддержка со стороны органов власти и управления.

Принятая Верховным Советом Мордовской АССР в декабре 1990 г. Декларация о государственно-правовом статусе Мордовской Советской Социалистической Республики сделала существенные шаги по пути совершенствования межнациональных отношений в республике, по пути политической стабилизации, гражданского мира и согласия. Она послужит здоровой основой для разработки будущей конституции республики.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ЭТНОСА

В. А. БАЛАШОВ, кандидат исторических наук

Мучительные поиски оптимальных путей оздоровления нашего полизнического общества выдвинули в число первоочередных задач и проблему, связанную с культурой этноса, ее традициями и новациями.

Печальные реалии интенсивной деэтнанизации многих народов нашей страны, резко обострившихся межнациональных конфликтов показывают, что утвердившийся в недавнем прошлом взгляд на окончательность и бесповоротность решения национального вопроса во всех его проявлениях отражает догматический и застойный характер понимания общественных процессов.

Долгие годы советская обществоведческая наука, будучи чрезмерно политизированной, была превращена в схему, по основе которой нередко лежали закономерности, оторванные от реальной действительности. Проблемы развития этносов, их культурно-бытового фонда, а также межнациональные отношения трактовались преимущественно на уровне общефилософских абстракций, более того, „здравых тостов“ без достаточного привлечения и осмысления соответствующих репрезентативных реалий. Поэтому в современных условиях, когда функциональ-

ная нагрузка каждого конкретного человека независимо от его этнической принадлежности значительно увеличивается (или должна увеличиваться), исследователям необходимо изучать не только содержание и формы его трудовой, общественно-политической деятельности, но и то, как он живет вне ее, т. е. каковы его лица и система питания, одежда, жилище, семья и внутрисемейные отношения, повседневный и праздничный досуг, духовные потребности, причем в их историко-стадиальной преемственности.

Сегодня уже вполне очевидно, что все названные компоненты уклада жизни любой этносоциальной общности, входящие в понятие «бытовая культура», приобретают относительно самостоятельное значение. Параллельно с рекреационными (восстановительными) функциями активно возрастают культурно-образовательные: рост профессионального мастерства, социальной активности, культурного уровня, оздоровление нравственного климата и т. п. Реализация этих функций возможна лишь при более совершенной форме функционирования быта как своеобразного «тыла» общественного производства. Кроме того, в бытовой сфере непосредственно сосредоточены

характерные черты любой этносоциальной общности, культурная преемственность ее поколений. Поэтому без достаточно полного знания, а затем и учета всех этих сторон внепроизводственной жизни нашего полигэтнического общества попытки его обновления окажутся бесплодными, а сама благородная цель перестройки утратит свое конкретно-историческое содержание.

В рамках этой общей исследовательской задачи не менее актуальный характер приобретает изучение в исторической динамике традиционных черт в культуре этносов, их взаимодействия с новыми приобретенными качествами, да и количественными характеристиками. И это вполне объяснимо, ибо, как известно, традиции, будучи своеобразной формой реализации бытовой культуры, закрепляют то, что достигнуто в общественной и личной жизни. Облекаясь в форму массовых привычек, поддерживаемых силой общественного мнения, традиции становятся своего рода хранителями достижений прошлого. С их помощью каждый народ воспроизводит себя, свою духовную культуру, свой характер и психологию в ряду сменяющих друг друга поколений. И если в силу каких-то потрясений порвалась связь времен, если молодое поколение утратило традиции и обычаи, то разовым действием их не восстановить. Именно поэтому многие столетия преемственность поколений народ рассматривал как основной закон своей жизни. Однако, как показывает более чем семидесятилетняя практика строительства так называемой социалистической культуры в нашей стране, к этому богатейшему опыту народной жизни отношение в основном было нигилистическое. Насильственное внедряемые новации, как правило, оторванные от духовного наследия народа, далеко не всегда находили отклик в душах и сознании людей. В результате последовательно создавался своеобразный вакuum бездуховности, который наряду с другими причинами, несомненно, играет деградирующую роль в обществе.

Сегодня уже очевидно, что необхо-

димо радикально изменить отношение к позитивному духовному наследию нашего многонационального государства, а для этого, разумеется, нужны соответствующие научные изыскания о традициях, взаимодействии их компонентов по воспроизведству народно-бытовой культуры, о механизме передачи духовных исконностей от одного поколения к другому. Без такого научного материала невозможно понять всю сложную «технологию» функционирования этнокультурного многоцветия нашей страны на современном этапе. Естественно, ключевая роль в ходе решения этой задачи принадлежит этнологам, которые свои исследовательские интересы связывают прежде всего с этническим своеобразием тех или иных компонентов культуры, с их внешними связями, этнодифференцирующими и эткоинтегрирующими функциями.

Отраден тот факт, что па сегодня имеется немало содержательных изысканий, в которых рассматриваются многие аспекты этой широкой проблематики, а именно: сущность понятий «этнос» и «этносоциальная общность», «культура», «культура этноса» и «этническая культура», «традиция» и «инновация»; хозяйственно-культурная дифференциация и формы взаимодействия этносов, этнические традиции в современном обществе и др. (см. работы С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромлея, Л. М. Дробижевой, В. И. Козлова, Э. С. Маркаряна, В. В. Пименова, К. В. Чистовой и др.).

Как известно, культура — понятие чрезвычайно сложное и многогранное, о чем свидетельствует обилие его определений (по данным А. Крейера и К. Клахона, — около 170). Не ставя перед собой задачу их обсуждения, мы считаем наиболее приемлемой дефиницию, данную Э. С. Маркаряном в «Отрывках теории культуры», — «внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности». Повсеместно люди трудятся, создают средства для своего жизнеобеспечения, воспроизводят самих се-

бл., отдыхают и т. п. Это типично для всего человечества. Но формы деятельности у разных человеческих коллективов институциональны и вариабельны. Каждый этнос в зависимости от целого ряда факторов формирует материальную и духовную среду своего обитания только ему свойственными специфическими путями, тем самым создавая собственный этнический культурный фонд.

В ходе своего исторического развития этнос прямо или косвенно взаимодействует с другими этносами, и в результате его культура обогащается инвариантными элементами, создавая тем самым новое качество — культуру этноса. В ее содержание входит вся совокупность культурного достояния, присущая данному этносу в лице его отдельных представителей, локальных групп, этносоциальных общностей и т. п., независимо от того, имеют ли различные элементы и структура этого качества специфическую этническую окраску или же являются этнически пейтральными.

Очевидно, что в народной и профессиональной культуре любого этноса одновременно могут функционировать в большей или меньшей мере элементы традиционного и новационного характера. Элементы первого типа, или традиции, — это исторически сложившиеся, юридически нерегламентированные, поддерживаемые силой общественного мнения стереотипные формы поведения людей, передаваемые от старших к младшим, от поколения к поколению. Благодаря своим формальным качествам, традиция, будучи своеобразным каналом реализации бытовой культуры этноса, может выполнять стабилизирующую, дифференцирующую и интегрирующую функции.

Содержание традиций, включая в себя устойчивые образцы поведения и общения, культурные нормы и ценности, несет определенную информацию, которая тесно связана с насущными потребностями людей и способна меняться вместе с изменением потребностей. Трансляция этих содержа-

тельных моментов осуществляется с помощью обычая, весьма подробно регламентирующих то, что следует делать в той или иной конкретной ситуации. Всякий обычай предполагает наличие традиции, хотя не всякая традиция становится обычаем.

Традиции и обычай выполняют две общие для них этносоциальные функции: быть средством стабилизации утвердившихся в данном обществе отношений и осуществлять воспроизведение их в жизни новых поколений. Однако обычай реализуют эти функции непосредственно, путем детальных предписаний действий в конкретных ситуациях, стабилизируют определенные зерна культуры этноса и воспроизводят их в жизнедеятельности новых поколений. Традиции же, в отличие от обычая, прямо обращены к духовному миру человека, они выполняют роль средств стабилизации и воспроизведения косвенно, через формирование духовных ценностей, при этом всякий раз наполняются новым содержанием.

Сегодня, когда демократизация общества создает более благоприятные условия для обогащения жизни народов СССР, важно подчеркнуть, что подлинное новаторство предполагает не абсолютный разрыв с традициями, что нередко приводит к национальному прагматизму, а возрождение традиций применительно к новым условиям жизни. Следовательно, всякая действенная традиция характеризуется двояко: с одной стороны, как формальному механизму передачи и воспроизведения стереотипизированного опыта жизни ей свойственная стабильность и инертность, с другой — чтобы передавать эти схемы жизнедеятельности в новых условиях, она должна обладать и такими качествами, как пластичность, вариативность, которые отчасти приводят в условиях современности к традиционализации новаций.

В этой связи появляется необходимость пояснить понятие «современность». В советской литературе его трактуют неоднозначно. В одном случае в него включаются события начи-

ная с Октябрьской революцией и по настоящее время, в то же время некоторые советские исследователи зарубежных народов это понятие связывают с развитием капитализма и урбанизма, а понятие «традиционный» — с докапиталистическим укладом жизни. Ю. В. Бромлей в статье «К вопросу об особенностях этнографического изучения современности» предлагал двояко трактовать понятие «современность». С одной стороны, можно говорить о современности реликтовых явлений для реконструкции прошлого, с другой — о современности как живой, функционирующей действительности.

В обстоятельной статье Н. В. Юхневой «Что такое „этнография современности“?», как нам представляется, вполне обоснованно выделено два значения этого понятия: временное (хронологическое) и стадиальное, которые связаны между собой.

Если попытаться суммировать многочисленные точки зрения этнографов на понятие «современность», то можно определить, что оно сводится к следующему: современность начинается там и тогда, где и когда традиционная культура сменяется индустриально-урбанической, городской. При этом точную хронологическую границу между традиционным и современным установить практически невозможно, так как становление второго этапа, т. е. современного, в развитии этнической культуры — процесс длительный и в ходе его видимо и невидимо переплетаются самые стадиально разновременные явления прошлого и настоящего.

Как показывает практика, мера соотношения традиционных и современных сторон этнобытовой культуры может быть различной в зависимости от конкретно-исторического типа социальной системы и соответствующего ей уровня развития производительных сил. Для общественных систем, базирующихся на простом воспроизводстве, характерным является существование жестких традиций, передающихся без особых изменений от поколения к поколению на протяжении столетий. В

сопротивленном же обществе с его быстрыми темпами прогресса доминирует пластичная сторона культурных традиций, которая создает весьма благоприятные условия для возникновения и стабилизации новых черт, нередко имеющих уже не узко этнический, а интегрированный характер.

С. А. Арутюнов, внесший значительный вклад в изучение народно-бытовой культуры, в книге «Народы и культура: развитие и взаимодействие» справедливо отмечает, что любая традиция — это бывшая инновация, как и любая инновация в потенции может стать традицией.

Сформировавшиеся в течение многих веков традиционные элементы народной культуры отличаются большей устойчивостью и подчас с трудом уступают новому. Поэтому новое поколение начинает свою сознательную жизнь не на пустом месте, а усваивает те ценности, которые были созданы предшествующими поколениями, и видоизменяет старые условия посредством своей новой деятельности.

В процессе преемственности различия бытовой культуры видны прежде всего две стороны, диалектически взаимосвязанные между собой. Одна характеризует связь с ранее достигнутым, хранит традицию, другая — критически оценивает достижения прошлых поколений людей, культурно бытовые отношения в свете новых возможностей и новых задач, встающих перед обществом. Решающая роль в воспроизведстве «объема» этнических элементов принадлежит диахронным связям, поскольку нередко только межпоколенная передача придаст им традиционность, относительную устойчивость. Последняя существенна для выполнения любым элементом бытовой культуры этнических функций.

Рассматривая вопрос о преемственности в бытовой культуре, а также ее интернационализации, мы исходим из того, что на каждом этапе существования этноса элементы бытовой культуры «вibrируют» какой-то новый культурный слой. Первоначальная роль в ее распространении принадлежит си-

хронным связям, осуществляющим «горизонтальное» распространение инноваций интернационального типа в сфере быта. В силу этнической устойчивости последнего распространение инноваций носит не сплошной, не фронтальный характер, а скорее принимает вид разновременных движений, не одинаковых по темпу и различных по интенсивности. Эта разница создает в бытовой культуре в целом и в отдельных ее компонентах весьма различное соотношение традиций и новаций. В частности, расширение индустриального производства продуктов питания, одежды, обуви, предметов домашнего обихода, типового жилищного строительства, формирование массовой системы коммунально-бытовых услуг привели к значительной потере традиционных черт материального быта. В области духовно-бытовой культуры этническая специфика выступает более рельефно, что объясняется прежде всего непосредственной связью духовной культуры с этническим самосознанием, а также передвижением «центра эт-

ничности» из интегрированной материально-вещной среды быта в среду духовную.

Итак, современная бытовая культура этноса или этносоциальной общности не является мертвым историческим наследством или предметом ретроспективного изучения. Она представляет собой живую действительность, существенную часть целостной системы всей культуры, при этом накладывает этническое своеобразие на ее облик и служит неисчерпаемым источником для ее развития и обогащения. Именно традиции придают специфические стилевые черты культуре любого этноса, тем самым укрепляя его национальное самосознание. Ведь чем сильнее связи людей со своими историко-культурными корнями во всей их целостности, тем чище и сильнее их привязанность к Родине. Стабилизируя таким образом наиболее рациональные для современного человека формы бытовой культуры, каждый народ будет вносить свою посильную лепту в обогащение культуры всего человечества.

О НАЦИОНАЛЬНОМ СВОЕОБРАЗИИ МОРДОВСКОГО НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА

В. Ф. ВАВИЛИШ, кандидат исторических наук

Семидесятые — начало восьмидесятых годов вошли в историю нашей страны как годы застоя. Застойные явления и процессы, однако, зародились в обществе гораздо раньше. Внешний застой был лишь ширмой, скрывавшей накопление социальной напряженности, энергия которой стала движущей силой интенсивных этносоциальных процессов последних лет. В полной мере это касается и национального своеобразия в одной из основных областей материальной культуры всякого этноса — народном зодчестве.

К сожалению, многие современные научные разработки не содержат качественно новых ракурсов видения проб-

лемы по сравнению со ставшими выше классическими работами 60—70-х годов. На наш взгляд, это связано с известной автономизацией, изолированностью исследований, проявляющихся в четырех аспектах.

Во-первых, большинство из этих исследований оторваны от общей теории этноса; во-вторых, в них не решаются практические задачи архитектурного проектирования; в-третьих, они недостаточно скординированы со смежными науками — этнографией, демографией, географией, социальной психологией и др.; в-четвертых, в исследованиях национального и интернационального в народном зодчестве

письма существенно сказывается региональный изоляционизм. Рассматриваемая проблема обычно изучается в границах отдельно взятого региона, отдельно взятого этноса или его этнической группы, что чаще всего обусловлено региональной организацией научных исследований. Так, например, если мордва республики изучена более или менее полно, то ее этнические партнеры (русские и татары) — крайне недостаточно. Все это вместе взятое, с учетом порой несопоставимых типологических классификаций и методик исследования, усложняет межэтнические и межрегиональные сравнения полученных результатов и существенно ограничивает возможный вклад исследователей в решение проблемы.

Вместе с тем в отечественной науке созрели все необходимые предпосылки для преодоления этих барьеров. Прежде всего, это развитие теории этноса в работах С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромляя, Л. Н. Гумилева, В. И. Козлова, М. В. Крюкова, Н. Ф. Мокинна, В. В. Пименова и других исследователей. Эти работы создают тот конструктивный каркас, на который можно пинзать данные исследований архитектурного наследия, проведенных в последнее время во многих регионах страны.

Оценивая современное состояние архитектурно-строительной практики и бросая ретроспективный взгляд на решение проблемы национального своеобразия в народном зодчестве, можно заметить существенные недостатки в этой области. Есть ли этническое лицо у большинства из нас? Вряд ли можно ответить на этот вопрос утвердительно. Каждый из нас, так же как и народ, к которому мы принадлежим, свое этническое лицо потерял. То, что в области духовной и материальной культуры нужно было тщательно перестовать, умножать, беречь, мы выжигали каленым железом. Разрушили церкви и храмы; свели на нет национальное своеобразие в духовной и материальной культуре народов; из-за остаточного принципа финансирования народного образования, просвещения и культуры не создавали условий для

полнокровного функционирования национальных языков и т. п. И сейчас необходимо по крупицам собирать стершиеся, полу забытые штрихи и краски к национальному портрету большинства народов нашей страны, составлявших в застойный период единую историческую общность людей — советский народ.

Национальное своеобразие в народном зодчестве никогда не было и не должно быть абстрактным. Оно было конкретным, высокодетальным и не растворялось в холодном и безразличном понятии схожести. Без выхода на высокую идею всякое национальное превращается в дешевую декларацию. Не случайно подсварами мировой культуры становились лишь памятники подлинно национального зодчества.

Необходимо вернуть зодчеству свое лицо. А лицо — это индивидуальность, это традиция. Мы же от своих традиций решительно отказались со временем Пролеткульта А. А. Богданова и В. Ф. Плетнева, т. е. фактически с 1917 года. Н. Бердяев по этому поводу высказался вполне определенно: «Наша пролетарская культура есть не что иное, как пролет — мимо культуры».

Национальное в зодчестве — это фон, который, подобно цвету на обоих, не выделяется, потому что это все-таки фон, а не тон. Тональность здесь задается своеобразием всей совокупности социально-экономических, этнодемографических, физико-географических, климатических условий региона. Национальное просто так не рождается, для него нужна соответствующая среда.

Зодчество каждого народа одновременно интернационально и национально, т. с. в нем имеются черты, сближающие его с зодчеством других народов и в то же время придающие ему (за счет своеобразия местных условий) определенное своеобразие и неповторимость. При этом общее, интернациональное развивается на базе национального, которое в свою очередь обогащается за счет интернационального.

В этой связи существенное значение имеет уточнение вроде бы вполне устоявшихся понятийно-терминологических дефиниций таких категорий, как «национальное» и «интернациональное». В частности, обращает на себя внимание многозначность исходного в интересующей нас связи слова «национальное», которое чаще всего используется как производное от термина «нации».

С наиболее узким значением этого слова мы встречаемся в тех случаях, когда речь идет о «национальном самосознании», «национальной принадлежности», «национальности» отдельной личности. В словосочетаниях «национальные особенности», «национальные отличия», «национальное своеобразие» народного зодчества оно имеет более широкое значение, подразумевающее наличие национально-специфических черт в зодчестве различных исторических общностей (народностей, наций), хотя в ряде случаев эти специфические особенности и отличия в этой области материальной культуры более характерны для донационального этапа формирования того или иного этноса. К тому же во все эти понятия нередко вкладывается один и тот же смысл, хотя в каждом из них он далеко не одинаков. Наконец, это же слово употребляется и в таком достаточно широком значении, как «государственный» (например, «национальные вооруженные силы», «валовый национальный продукт», «национальный доход» и др.).

Не вполне однозначно и прилагательное «интернациональное». В одних случаях оно свидетельствует о наличии общих черт в культуре всех народов и наций, в других — одного-двух этносов. Тем не менее во всех рассмотренных случаях национальное выступает как особенное, своеобразное, отличное от другого, а интернациональное — как общее.

Таким образом, понятиям «национальное» и «интернациональное» присущее как широкое, так и узкое значение, что, естественно, не способствует адекватному раскрытию соотношений обозначаемых ими явлений и про-

цессов. Однако особенное может выступать как у этноса в целом, так и у отдельно взятой этнической группы, а общее, в свою очередь, — у двух-трех проживающих смежно этносов, а также групп этносов, локализованных в различных историко-этнографических областях.

Исходя из сказанного представляется целесообразным дифференцировать эти два термина, выделив в «интернациональном» «межэтническое», свидетельствующее об общности культуры этносов в границах историко-этнографической области или другого более мелкого региона, и «суперэтническое», говорящее о наличии общих черт в культуре этносов на межобластном, межрегиональном уровне, а в «национальном» — «этническое», фиксирующее специфические особенности в культуре, свойственные для всего этноса, и «субэтническое», подчеркивающее наличие этих особенностей у части этноса или его отдельной этнографической группы.

Требуют уточнения и такие понятия, как «особенности», «отличия», «своебразие» народного зодчества.

Этнические, субэтнические особенности — это черты, присущие только зодчеству данного этноса, субэтноса, этнической группы, в них отражаются особенности их психологического склада. Они проявляются в сравнении с зодчеством других этносов, субэтносов, этнических групп, проживающих в этом же регионе.

Имели ли место в прошлом и есть ли в настоящее время особенности в зодчестве мордвы — мокши и эрзи по сравнению с русским и татарским народным зодчеством в рассматриваемом регионе? Для сравнения используем основные архитектурно-планировочные, конструктивные, технологические и эмоционально-эстетические признаки народного жилища.

Архитектурно-планировочные признаки включают в себя внутреннюю планировку жилища, фиксирующую положение переднего, «красного», угла и печи; функциональную дифференциацию помещений (деление жилой избы

на отдельные комнаты); тип коммуникационного помещения, связывающего жилые помещения с хозяйственными; площадь жилых помещений; площадь хозяйственных помещений; состав хозяйственных построек; форму связи жилого дома с хозяйственными постройками; расположение жилого дома в уличной застройке; решение главного и хозяйственного входов в жилище; количество дверей от главного входа до теплого помещения и др.

К конструктивным признакам относятся: конструктивная схема жилища (изба-сени, изба-придел, изба-изба, изба-сени-клеть, изба-сени-изба, изба-сени-горница и др.), высота фундамента; высота этажа; конструкция крыши (самцовская, костровая, стропильная и др.); конструкция главного входа (конырек, навес, крыльце и др.); характер утепления наружных стен жилого дома пристройки и др.

Технологические признаки включают в себя: материал стен жилого дома и хозпостроек; материал кровли; форму крыши и ее уклон; способы возведения жилых и хозяйственных построек; вид защиты наружных стен жилища от воздействий внешней среды (обмазка пазов, обшивка стен).

Эмоционально-эстетические признаки: структурная пластика экsterьера жилища (ветровые доски, причелины, полотенца, наличники окон, фриз, карнизы и др.); орнаментальная пластика экsterьера (резьба на его структурных элементах); техника домовой резьбы (контурная, пакладная, выемчатая, прошивальная и др.); орнаментальные мотивы в домовой резьбе (геометрический, зооморфный, орнитоморфный и т. п.); организация материально-вещной среды интерьера жилища и др.

Основываясь на научных исследованиях А. О. Хейкеля, Н. Н. Харузина, И. Н. Смирнова, В. Н. Белицер, Н. Н. Макушкина и др., а также данных этнографических экспедиций, охватывающих период с серединой XIX в. до наших дней, можно утверждать, что во второй половине XIX — начале XX в. комплексы мордовского жилища от-

личались от построек окрестного русского и татарского населения. Некоторые из типологических признаков комплекса имели национальные особенности. Преобладающим у мордвы являлось трехкамерное жилище («колма кутт» — мокш., «коло мудот» — эрз.) на низком подклете; печь в жилой избе располагалась в одном из дальних от входа углов и устьем была обращена к двери; особенностью интерьера являлись широкие дешевые пары для спанья («кершиль») и кухонная лавка-шкаф («потмар»). При этом жилые дома у мордвы-мокши располагались преимущественно параллельно улице и имели четырехскатные крыши костровой конструкции, а у мордвы-эрзи — перпендикулярно улице и имели двускатные крыши самцовской конструкции.

Эти особенности в типологических признаках мордовского жилища с течением времени постепенно стирались и к сегодняшнему дню некоторые из них или исчезли совсем или полностью синтезировались.

Этические, субэтнические отличия выявляются при сравнении зодчества этносов, субэтносов, этнических групп, проживающих в разных регионах. По сравнению с этическими (субэтническими) особенностями этнические (субэтнические) отличия проявляются более рельефно. Например, отличие зодчества мордвы, русских и татар Мордовии от зодчества армян, башкир, эрзянцев можно обнаружить очень легко. Они также достаточно ощущимы, если сравнивать современное сельское жилище мордвы, русских, татар Мордовской ССР и жилище мордвы, проживающей в Армении или Сибири, русских Русского Севера, казанских татар. Этнические отличия проявляются здесь в большинстве архитектурно-планировочных, конструктивных, технологических и эмоционально-эстетических признаков. Так, например, высота этажа в жилище марийцев составляет 2,0 — 2,2 м; мордвы — 2,2 — 2,4 м; башкир, татар, чувашей — 2,4 — 2,5 м.

Свообразие отражает специфичес-

жис особенности и отличия, склонившиеся в зодчестве локальных групп этносов под воздействием всей совокупности местных условий (климат, природное окружение, местные строительные материалы, профиль хозяйства, мастерство народных зодчих и др.), которые влияют на формирование в зодчестве определенного, порой исповеданного своеобразия, которое в конечном счете и определяет этнические (субэтнические) особенности и отличия. Наделяя специфическими чертами зодчество этносов, живущих в сходных условиях, они составляют основу его самобытности.

Об этом достаточно наглядно свидетельствуют имеющиеся различия в целом ряде типологических признаков современного сельского жилища мордовы, русских и татар южной, западной и восточной этногеографических зон Мордовской ССР. Так, например, по мере движения с юга на север наблюдается устойчивая тенденция к увеличению высот фундамента и этажа жилых домов, смене свободных и полузамкнутых типов застройки усадьбы замкнутыми, сомкнутыми и слитными. Если в южной зоне широко распространены входные крыльца с наружными ступенями, то в восточной и западной — лестничных маршем, расположенным внутри крыльца. В жилище северо-западных районов этот марш располагается внутри коридора или сеней.

Весьма своеобразны и не имеют аналогий в других районах некоторые типологические признаки жилища мордовы-шокин (этнографической группы мордовы-эрзи) и русских Теньгушевского района: конструктивное объедине-

ние под одной крышей жилого дома, террасы, коридора и крыльца; особенности структурной и орнаментальной пластики экстерьера жилища и техники домовой резьбы. Особенности в местной сырьевой базе строительных материалов обусловливают преобладание каменных и глиняных построек в Кочкуровском районе, шиферных крыш — в Чамзинском, а тесовых и крыш из шины — в Зубово-Полянском районах. Причем если межрегиональное своеобразие довольно ощутимо, то внутритипичное почти не прослеживается.

Таких примеров можно назвать достаточно много, но и приведенные выше убедительно свидетельствуют о том, что своеобразие и самобытность зодчества могут проявляться у отдельной, локальной части всякого этноса и обуславливаются своеобразием местных условий.

Несомненным тормозом на пути развития выразительности и национальной самобытности сельской архитектуры является типовое строительство. Нельзя застраивать мордовские, русские и татарские селения одинаковыми жилыми домами. Они должны иметь свое индивидуальное образное решение, основанное на учете национальных градаций, накопленных народными зодчими в области планировки и застройки сельских населенных мест. Следует учитывать физико-географические и природно-климатические условия региона, максимально ограничить строительство многоэтажных домов на селе. Необходимо помнить, что национальное своеобразие архитектуры имеет свои региональные источники.

МУЗЕЙ И ОБРАЗОВАНИЕ

Е. В. ГОЛЫШЕНКОВА, методист Мордовского республиканского музея изобразительных искусств

Международный совет музеев (ИКОМ), определяя музей «как институт на службе общества», подчер-

кивает его основную функцию — образование, в том числе воспитание эмоциональной сферы и эстетического

вкуса. Уже изначально музеи несут в себе просветительские задачи. И сегодня именно им отводится значительное место в содействии развитию личности, сознания, знаний. Многие зарубежные музеи успешно работают в этом направлении. Наиболее остро вопрос образовательной роли музеев встает в нашей стране, где так выпукло и явственно обнажены причины упадка культурного уровня населения. Для нашего общества сейчас важно установление человеческих отношений на более высоком гуманистическом уровне, от чего зависят и социальное благосостояние, и экономика, и научно-технический прогресс. И здесь особую роль играет искусство — единственная форма общественного сознания, усвоение которой, по выражению Б. М. Неменского, связано с удовольствием и даже с наслаждением. Его гуманистическое содержание и исключительные возможности воздействия на человека с большей полнотой могут использоваться в формировании духовного потенциала общества прежде всего средствами художественного музея.

Художественный музей не только дает знания человеку о мире, но прежде всего воспитывает отношение его к миру, апеллируя непосредственно к чувствам через подлинники, являющие собой концептуированный духовный опыт человечества. За оригиналом всегда стоит человек с его мыслями, чувствами, идеями, ценностными ориентирами. Поэтому в музее по-особому ощущается связь времен, выявляется ценность самого человека и человеческих отношений. Здесь создается обстановка для созерцания и для работы мысли, воспитывающая и обучающая, помогающая зрителю выйти из-под наименования «кризиса созерцания». Постигая произведение изобразительного искусства, человек вовлекается в процесс самодвижения, размышлений.

В настоящее время тенденция к активизации образовательно-воспитательной деятельности становится характерной для многих музеев страны. Наш музей, опираясь на перспектив-

ные исследования в области музейной педагогики и учитывая специфику своей коллекции, социокультурную ситуацию и национальное своеобразие региона, стремится выработать самостоятельную программу образовательно-воспитательной деятельности. Если до недавнего времени в музее преимущественно использовались формы школьного образования (монологизированная подача материала, его информативности), то сейчас акценты смешаются на диалог со зрителем, на личностное общение, на проблемное построение экспозиций и экскурсионного рассказа и т. д. Большое внимание уделяется психофизиологическим и философским аспектам музейного образования, новым нестандартным формам работы, расширению связей с педагогическими коллективами школ, училищ и вузов республики. Значительное место музей отводит работе с детьми дошкольного возраста. Ведь формирование личности начинается очень рано. Важно на этом этапе заложить духовный и культурный фундамент будущей личности. С учетом психологии самых маленьких, их физиологических особенностей занятия проводятся в форме сказки с элементами игры. Дети постигают мир искусства активно, они сами хотят лепить и рисовать. На занятиях в музее им предоставляется такая возможность, т. е. полученные знания закрепляются на практике. Цель таких мероприятий — развить эмоциональную сторону детского восприятия, дать определенный настрой на формирование личностного отношения ребенка к окружающему миру. В дальнейшем планируется более широкий охват дошкольных учреждений такой практикой.

Следующий этап в наращивании фундамента образования и культуры школа. В образовательной деятельности музея работа со школьниками уже давно занимает главное положение. В связи с решением проблемы гуманизации и гумантизации образования в музейной педагогике открываются новые возмож-

ности. Наряду с традиционно существующими формами работы (циклах бесед, лекций, утренников), где дети знакомятся с основами понимания искусства, начинают набирать силу и новые, с элементами театрализации, ролевым погружением в историческую реальность, декорационным оформлением экспозиции, проблемной подачей материала, сканером искусства. Они рассчитаны на развитие творческого воображения юных посетителей.

В выставке рисунков американских школьников «Дружат дети всей земли» (1987) участвовали учащиеся школы с углубленным изучением английского языка, детских музыкальных и художественных школ. Дети со знанием английского языка представляли группу «американских» ребят, пришедших на встречу со школьниками города. Ребятам была предоставлена возможность в форме ролевой игры прикоснуться к миру мыслей, чувств и настроений американских школьников, узнать, что их волнует, познакомиться с некоторыми сторонами их быта. И все это посредством погружения в подлинники — в рисунки американских детей. Участники встречи выполнили коллективный рисунок и отослали его в дар детям штата Миннесота.

Активно вводятся моменты декоративного оформления экспозиционных залов. На выставке произведений детского художественного творчества «Краски дружбы» (1989) использовались сказочные мотивы в подаче экспозиционного и экскурсионного материалов, был организован праздник «Созвучие двух муз» (живописи и музыки), в котором принимали участие учащиеся детской музыкальной школы № 1 г. Саранска и юные посетители выставки. Здесь же прошла встреча школьников с юными мастерами резьбы по дереву и ленки села Подлесная Тавла Кочкуровского района и г. Рузаевки. На глазах у зрителей создавались работы из дерева и глины, дети посвящались в таинство художественного творчества.

На дидактической выставке «Цвет в живописи» (1989), рассчитанной

только на младшеклассников, но и старший возраст, кроме чисто теоретических вопросов, дающих знания в области цвета, использовались возможности его эмоционального воздействия на зрителя. Отдельный зал посвящен раскрытию проблемы психологии цвета. Живопись подбиралась так, что прежде всего колоритом раскрывала свое эмоциональное содержание. Привлечение на данную выставку экспонатов музея минералогии географического факультета Мордовского университета позволило внести в построение и характер экспозиции особое своеобразие. В разделе «Цвет в природе» на фоне темно-зеленой хвои были представлены яркий лазурит, нежно-розовая друзя горного хрусталя, глубокий фиолетовый чарсит, лимонно-желтая сера. Таким образом, в одной экспозиции в благородном созвучии соединились произведения природы и искусства живописи. Логическая конструкция дидактической выставки приобрела яркое эмоциональное звучание.

Как показывает практика, большую популярность среди старшеклассников завоевывают формы работы музея, рассчитанные на эмоциональное воздействие, на развитие творческого воображения. К их числу относятся музеиные вечера с активным использованием элементов театрализации, в которых участвуют дети, родители, учителя, сотрудники музея (вечер «Душа века», посвященный В. Шекспиру, «Скажи: есть память обо мне...» — об А. С. Пушкине). В таких мероприятиях четко прослеживается синтез искусств (театр, хореография, музыка, изобразительное искусство, литература), что немаловажно для формирования стойкого интереса учащихся к мировой художественной культуре.

Искусство как раскрытая книга человечества — такой акцент приобретает работа сотрудников музея со студенческой молодежью. Пожалуй, это самый сложный этап его деятельности. Здесь, требуются специальные исследования и особые методы работы. Молодые люди — будущие врачи, педагоги, инженеры, они же будущие

родители — вскоре начнут растить и воспитывать новое поколение. А как им это удастся, если в них не заложили необходимого культурного базиса, на котором держится пирамида образования, если они не помнят и не знают своих корней, забыли свою национальную культуру.

Мордовский республиканский музей изобразительных искусств сотрудничает с МГУ им. Н. П. Огарева и МГПИ им. М. Н. Евсеева. Для учащихся педагогического института на базе музея преподается курс по изобразительному искусству Мордовии, в котором тесно переплетаются вопросы национального и интернационального воспитания. Эти занятия дают им более глубокое понимание роли изобразительного искусства в духовном развитии каждого народа, в раскрытии истоков национальной культуры, ее древнейших и современных идеалов, ее специфики и места в общем русле художественной культуры. Полученные сведения выпускники института смогут использовать в учебно-воспитательной работе, активно утверждая духовную ценность произведений искусства, воспитывая в детях уважение к прошлому и настоящему народов, проживающих в республике, настраивая воспитанников на сохранение и дальнейшее развитие национальных традиций в мордовском искусстве. Кроме того, практические занятия по музейскому делению помогут им в будущей деятельности по созданию школьных музеев.

Сейчас музей выходит с инициативой оказания квалифицированной помощи преподавателям мировой художественной культуры школ города,

классным руководителям. Занятия проводятся в лекционной и практической формах. Даются знания о специфике изобразительного искусства, его видах и роли в духовном развитии человека, преподаются история изобразительного искусства и психологические основы художественного восприятия различных возрастных групп.

В деле воспитания личности огромное значение имеет семья. Вот почему музей не только направляет свои усилия на работу с детьми, но и организует своеобразный родительский всеобуч. Не секрет, что уже несколько поколений родителей в связи с известными недостатками в нашей системе образования воспитывались в стыре от мировой художественной культуры. В Мордовском республиканском музее изобразительных искусств начинает осуществляться специальная программа работы с группами родителей с детьми. Для них открывается воскресная школа искусств, где взрослые и дети познакомятся с мифами и сказаниями Древней Греции и библейскими легендами, сюжеты которых положены в основу многих杰作 мирового искусства.

Таким образом, Мордовский республиканский музей изобразительных искусств активно включается в сферу среднего и высшего образования республики. Опыт его работы подтверждает необходимость объединения усилий музея с учебными заведениями в деле перехода к культурообразующей системе преподавания, цель которой в формировании не только специалиста того или иного профиля, но прежде всего Человека.

СОБРАНИЕ РЕДКИХ МИНЕРАЛОВ

Г. Н. ВОЛОДИНА, В. Н. ПРЕСНЯКОВ, кандидат географических наук

Если бы совсем недавно жители Мордовии спросили, где он может возможно увидеть многообразие пород и

минералов, образующих земную поверхность и ее недра, в лучшем случае он назвал бы известные музеи в круп-

ных городах страны. Сегодня уже тысячи людей знают вполне конкретный адрес в г. Саранске — ул. Советская, 24, географический факультет Мордовского университета, минералогический музей. Здесь собраны все основные минералы, горные породы и полезные ископаемые Советского Союза и других стран мира, руды практически всех основных металлов, используемых в народном хозяйстве, многие нерудные полезные ископаемые: строительные материалы, агроруды, химическое и стекольное сырье, топливно-энергетические ресурсы и другие виды полезных ископаемых.

Зарождение музея можно связать с появлением в нашем вузе новой специальности — «география». Подготовка учителя географии требовала конкретного знакомства студента с основами геологии, минералогии, кристаллографии. Имевшиеся в то время небольшие стандартные наборы образцов не могли удовлетворить эти потребности, поэтому возник вопрос о создании специализированного, более подробного, научно обоснованного собрания.

В 1969 г. на историко-филологический факультет приехал работать профессиональный геолог, кандидат геолого-минералогических наук А. Г. Жильцов. С этого времени и начинается история музея.

Часть минералов и пород приобретена в минералогическом музее имени А. Е. Ферсмана Академии наук СССР, в салоне «Цветные камни» и в музее землеведения при Московском университете, много материалов поступило от студентов географического факультета, проходящих учебные и производственные практики в различных уголках нашей Родины (на Кольском полуострове, в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке), а также от преподавателей университета. Такие поступления легко отличить от всех остальных, так как возле каждого на этикете можно прочитать: дар студента Комусова Н. (Тайнова С., Шаношникова А., Дугушкина И., Калининой Ж. и т. д.); получено от преподавателя Жильцова А. Г. (Евдокимова С. П.,

Масляйкина В. Н., Ковшова В. П., Сидоркиной В. М. и т. д.). Интереснейшие образцы были подарены музею геологами Мордовской геологической партии Прокудиным В. Н., Кочкуром М. В., Рудаковым Ю. Н., Свиридовым А. А.

К 1976 г. основа минералогической коллекции была создана. Требовалась большая, кропотливая работа по определению образцов, их классификации, оформлению экспозиций. Требовался специалист, который мог бы одолеть все эти трудности. Музею повезло, такой человек нашелся — это Ольга Ильинична Жильцова, минералог по профессии.

Руководство университета выделило необходимое помещение, помогло в приобретении оборудования, художественном оформлении музея. 19 декабря 1979 г. минералогический музей открыл свои двери для первых посетителей — студентов географического факультета. Первые выставки были более чем скромными и насчитывали не более 500 — 600 образцов, преимущественно полезных ископаемых и горообразующих пород. К сегодняшнему дню в фондах музея более 2 500 образцов. Расширяется и сфера его деятельности — от учебной базы студентов нескольких факультетов университета до своеобразного центра получения естественнонаучных знаний о Земле, об охране природы и минеральных ресурсов. Регулярно в музее проводятся экскурсии и уроки по географии для учащихся средних школ. Здесь они получают глубокие знания по таким вопросам, как «Литосфера», «Полезные ископаемые», «Геологическое строение Земли» и др. Музей оказывает методическую и материальную помощь (образцами горных пород и минералов из запасников) средним школам г. Саранска и Мордовии при создании геологических музеев и кабинетов. На его базе проводится профориентационная работа. Перед учащимися школ, лицеями и гимназиями по их просьбе часто выступают ведущие преподаватели географического факультета. Основные разделы музея размещены в двух за-

лах. В первом собрана большая коллекция осадочных пород, размещенных по генетической классификации и физическим свойствам. Подобрана экспозиция «Минералы и горные породы Мордовии» и «Полезные ископаемые Мордовии», оформлены витрины «Окаменелости», среди которых значительную часть занимают ископаемые окаменелости (моллюски), найденные на территории МССР и жившие на Земле миллионы лет назад. Большое место отведено формам выделения минералов и горных пород: гипсовые розы (причудливые природные образования из пустыни Сахара), щетки аметиста, кальцита, друзы кварца и другие. В отдельной витрине отражено строение земной коры, где показаны породы, слагающие осадочный, гранитный, базальтовый слои и породы верхней мантии. Есть и учебные витрины, по которым можно определить цвет, твердость, спайность, излом, блеск, удельный вес образцов. В музее представлено много интересных штуфов.

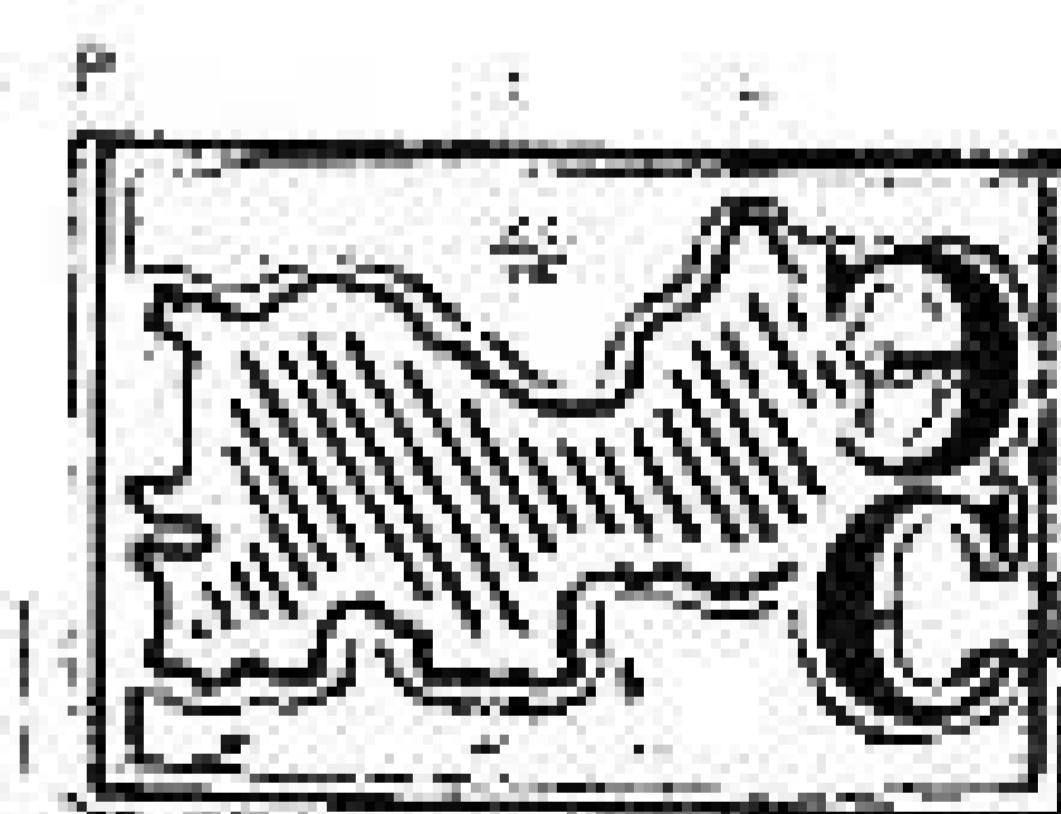
Во втором зале собрания магматические и метаморфические породы и минералы, рудные полезные ископаемые, породообразующие минералы, очень подробно представлена химическая классификация минералов, включаю-

щая самородные элементы, окислы, сульфиды, силикаты, фосфаты. Отдельно выделены витрины: «Кристаллы», «Ювелирные и поделочные камни» и большая витрина поделочных камней: яшмы, флюорита, азурита, малахита, нефрита, амазонита, оникса.

Имеются и учебные рабочие коллекции, используемые на занятиях и позволяющие на практике познакомиться с процессом геологического определения пород и минералов, отдельных их свойств.

Более 2,5 тыс. человек ежегодно осматривают экспозицию минералогического музея. Есть на географическом факультете студенты, сидя школьниками познакомившиеся с коллекцией и связавшие свою будущую профессиональную деятельность с геологией и географией. Много интересного и полезного можно увидеть и узнать в нашем музее посетителям любого возраста. По количеству и разнообразию экспонатов, по числу посетителей и объему выполняемой работы наш музей отвечает званию народного. В настоящее время проведены все официальные прокорки и собраны документы для присвоения музею этого звания.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ МОРДОВИИ

Как уже сообщал «Вестник Мордовского университета», ученый совет МГУ имени Н. П. Огарева принял решение о начале работы над составлением «Энциклопедического словаря Мордовской ССР». Во исполнение этого решения распоряжением ректора предложено включить данную тему в планы научной работы всех факультетов, кафедр и подразделений университета и приступить к разработке словников и словарей разделений с учетом научных интересов преподавателей и сотрудников. Кроме того, на базе Научной библиотеки университета создается сектор разработать план сотрудничества с группой по составлению «Мордовской энциклопедии» при Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МССР и другими научными учреждениями.

«Вестник Мордовского университета» будет систематически публиковать материалы энциклопедического словаря. При этом редколлегия преследует не только познавательные цели, но и практические, так как предварительная апробация словников и словарных статей будущего словаря дает возможность обсудить их широкому кругу читателей, внести соответствующие изменения и дополнения.

* * *

СЛОВНИК ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ, НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ПЕДАГОГИЧЕСКИМ НАУКАМ

Алфавит мордовский	Казанский учебный округ
Ардатовская публичная библиотека	Коммунистический университет труда-
щихся Востока
Арзамасская живописная школа	Кооперативное образование
А. В. Ступина	Кружки самообразования
Биологическое образование	Культпоход [в Мордовии]
Братство святителя Гурния в Казани	Культурная революция [в Мордовии]
Буквари для мордовской школы [доро-
влюционные, советские]	Культурно-просветительное образова-
ние
Букварь для мордвы-мокши 1892 г.	Ликвидация неграмотности [в Мордо-
вии]
Букварь для мордвы-эрзи 1884 г.	Малое народное училище в Саранске
Букварь для мордвы-эрзи 1892 г.	Малокомплектная школа Мордовии
«Валда ян» — первый сог. мокшанский
букварь	Медицинское образование
«Вестник Мордовского университета»	Мектебы и медресе в Мордовском
крае
Вероучительная литература на мордов-
ских языках	Методика преподавания мордовских
языков
«Вестник просвещения» [Казань]	«Мокшэрзянъ педвузовец» — газета
Мордовского педагогического института
Воскресные школы	Мордовская литература в школе
Всеобщее начальное обучение в Мор-
довии	Мордовская народная педагогика
Внешкольные учреждения	Мордовская письменность
Второй Всероссийский съезд мордов-
ских учителей	Мордовские отделения в учебных заве-
дениях Поволжья
Высшее образование	Мордовские подотделы при отделах
народного образования
Высшие народные училища	Мордовские счетные бирки
«Городской и сельский учитель» [Сим-
бирск]	Мордовский орден Дружбы народов
государственный университет
им. Н. П. Огарева
Географическое образование	Мордовский государственный педаго-
гический институт им. М. Е. Ессе-
ева
Гимназическое образование	Мордовский институт усовершенство-
вания учителей
Детские и юношеские организации	Мордовский подотдел Наркомпроса
РСФСР
«Долой неграмотность» [общество]	Мордовский рабфак
Домашнее обучение и воспитание	
Дом мордовки	
Железнодорожное училище [Рузаевка]	
Женское образование	
Земские училища [школы]	
Избы-читальни	
Историческое образование	
Казанская учительская семинария	

- «Мордовский университет» — газета
Мордовские языки в высшей школе
Мордовские языки в общеобразова-
тельной школе
Мордовское культурно-просветитель-
ное общество
Мордовское отделение Нижегородско-
го университета (отдел нац. мень-
шинств)
Мордовское отделение Саратовского
университета
Мордовское просветительство
Миссионерские школы
Музыкальное образование
Наркомпрос МАССР (М-во просвеще-
ния, М-во нар. образования)
Народное образование в Мордовском
крае (по периодам)
Народные дома
Научное общество по изучению мор-
довской культуры
Научно-исследовательский институт на-
циональных школ
Национально-культурное строительст-
во в Мордовии
Начальные народные училища
«Нижегородский просвещенец» (Ниж-
ний Новгород. Журнал.)
Новокрещенские школы
«Образцы мордовской словесности»
Педагогическое образование
Педагогическое общество РСФСР
(Мордовское отделение)
Первое Всероссийское совещание по
просвещению мордвы
Первое губернское совещание работ-
ников просвещения мордвы Пензен-
ской губернии
«Первоначальный учебник русского
языка для мордвы-мокши» (1892)
«Первоначальный учебник русского
языка для мордвы-эрзии» (1892)
Первый Всероссийский съезд мордов-
ских учителей
Первый Мордовский областной съезд
учителей-ударников (1935)
Переводческая комиссия Православно-
го миссионерского общества
Переводческая комиссия при Казан-
ском университете
Подготовка национальных кадров в ву-
зах и техникумах страны
- «Просвещение» (Пенза. Журнал.)
«Просвещение национальностей» (жур-
нал)
«Просвещение Среднего Поволжья»
(Самара. Журнал.)
Профессионально-техническое обра-
зование
Реальное образование
«Революция и национальности» (жур-
нал)
Ремесленные училища трудовых ре-
зервов
Русский язык в мордовской школе
Русско-мордовские училища
Русско-мордовский словарь Гаврилова
(1897) — для мокш. школ
Саранск (раздел: народное образова-
ние)
Саранская городская бесплатная биб-
лиотека им. Пушкина
Саранская духовная гимназия
Саранская живописная школа К. А. Ма-
карова
Саранский учительский институт
Саранский филиал Московского орде-
на Дружбы народов кооперативного
института
Саранское общество краеведения
Саранское общество любителей изящ-
ных искусств
Светотехническое образование
Семейное воспитание у Мордвы
Сельскохозяйственное образование
Совет национальных меньшинств Нар-
компроса РСФСР
Советско-партийные школы
Совещания и съезды учителей Мор-
довского края
Союз учащихся
Среднее специальное образование
Строительное образование
Татарская школа на территории Мор-
довии
Темниковский коммунистический уни-
верситет
Темниковский учительский институт
Техническое образование
Трудовое воспитание
«Тундень чи» — первый сов. эрзянский
букварь
Удельные училища
Уездные училища

Учебная литература для мордовских школ	Центриздат [Центральное издательство на языках народов СССР]
Учительские курсы	Церковно-приходские училища
Учительские семинарии	Циркуляр по Казанскому учебному округу
Учительство Мордовского края [по периодам]	Школы грамоты
Фабрично-заводские семилетки	Школы крестьянской [колхозной] молодежи
Физико-математическое образование	Школы политграмоты
Физическое воспитание и детский спорт	Школы I ступени
Физкультурное образование	Школы II ступени
Филологическое образование	Школы фабрично-заводского обучения
Харьковский учебный округ	Школы фабрично-заводского ученичества
Химическое образование	Экономическое образование
Художественное образование	Электротехническое образование
Центральные курсы по подготовке и повышению квалификации мордовских учителей	Юридическое образование

ПЕРСОНАЛИИ

Арискин И. Т. — д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой Тульского пед. ин-та	Дорофеев З. Ф. — писатель, организатор просвещения
Бажанов В. В. — учитель, журналист	Евсевьев М. Е. — первый педагог и просветитель, ученый-энциклопедист
Бажанов В. Г. — организатор мордовского комсомола	Ильминский Н. И. — организатор просвещения нерусских народов края
Базанов И. А. — урож. М., попечитель Казанского уч. окр., проф.	Ишерский В. И. — директор нач. народных училищ Симб. губ., инспектор Ардат. у.
Барсов Н. П. — учитель, автор уч. книг, переводчик, священик	Калачов Н. В. — ученый, урож. Мордовии
Бодякшин И. Х. — организатор просвещения мордовы	Коляденков М. Н. — ученый-филолог, методист
Бондяков И. Я. — филолог, проф. МГПИ	Кручинин М. И. — директор Петровского техникума
Беззубов В. И. — исслед. наследия М. Е. Евсевьева	Куманев А. А. — директор Лукояновского педучилища, новатор
Буртаев Е. Б. — преподаватель учительской семинарии	Лазарев Ф. А. — педагог, журналист
Вождаев Н. Н. — первый нарком просвещения МАССР	Макаров К. А. — основатель Саранской живописной школы, педагог
Гвоздев А. Н. — проф., филолог, методист, исслед. говоров Мордов. края	Мажмутов М. И. — уроженец Мордовии, действ. член АПН СССР, проф.
Гернет М. И. — ученый, уроженец Мордовии	Назарьев В. Н. — организатор просвещения в Симб. губ.
Горбунов В. В. — ученый-филолог, методист	Наумкин М. И. — ученый-педагог, автор учебников
Горсткина Н. Ф. — учитель, Герой Социалистического Труда	Огарев Н. П. — рус. революционер, поэт, публицист
Гуляев Н. А. — ученый, урож. Мордовии	Орлов А. И. — ученый, урож. Мордовии
Дергачев С. И. — народный учитель СССР	

- Осоков А. В. — д-р пед. наук, проф. МГПИ, урож. Мордовия
- Петербургский Ф. И. — мордов. педагог, автор учебников
- Петяев И. М. — мордов. педагог, инспектор н. о. Ардатов. у., методист
- Постапкин С. Г. — мордов. педагог, автор учебников
- Прокачев И. Ф. — мордов. педагог, автор учебников
- Рябов А. П. — ученый-филолог, методист, автор учебников
- Селищев Э. Г. — ученый, урож. Мордовия
- Серова В. С. — рус. муз. деятель, организатор школ и театра в крае
- Сетин Ф. И. — ученый-филолог и методист, проф. Моск. ин-та культуры
- Симонов — луксяновский чиновник, автор проекта просв. мордвы
- Скобелев Е. В. — мордов. ученый-педагог и методист, автор учебников
- Суперанский М. И. — симбирский педагог, автор книги о просв. в крае
- Стрижаковский В. М. — инспектор нар. уч-ща Симб. губ.
- Талдин Н. В. — ученый-педагог, автор исслед. о нар. образовании Мордовии
- Токарева Е. Л. — организатор библиотечного дела в Саранске
- Ульянов Г. К. — революционер, организатор просвещения мордвы
- Ульянов И. Н. — организатор просвещения в Мордов. крае
- Филатов В. П. — ученый, урож. Мордовия
- Филатов Н. Ф. — ученый, урож. Мордовия
- Хейкель А. — фин. ученый, археолог, историк, этнограф
- Хлебников Н. И. — ученый, урож. Мордовия
- Хохряков В. Х. — директор Пенз. уч-ти, семинарии, организатор просв. мордвы
- Хрущева Е. П. — ученый, урож. Мордовия
- Цинговатов А. Я. — ученый, урож. Мордовия
- Черепкин И. Г. — ученый-филолог, автор учебников
- Чичерина С. Н. — исследователь не-русских народов Поволжья, в т. ч. нар. обр.
- Шишканов П. С. — мордов. педагог и методист, автор учебников
- Юртов А. Ф. — первый мордов. педагог, просветитель, автор учебника
- Яковлев И. Я. — чув. педагог и просветитель, участвовал в просвещении мордвы

Е. Г. ОСОВСКИЙ

ЛЕОПОЛЬДОВ Андрей Филиппович (1800, Ртищево, Сардобск. у. — 13. 04. 1875, Саратов; даты по ст. ст.), литератор, автор ряда историко-этногр. работ о сарат. мордве. Род. в семье дьячка, образование получил в Пенз. духов. училище. Оставил семинарию и поступил в Медико-хирург. акад. в СПб., затем перешел в Духовную акад., откуда исключен за резкие высказывания по поводу богослов. лит. и отправлен в Пензу. В 1823 — 26 обучался на словесном фак. Моск. ун-та, окончил его со степенью кандидата. В 1826 арестован за хранение стихотв. А. Пушки-

на «Андрей Шенье», приговорен Новгород. уезд. судом к каторжным работам, приговор смягчен. В 1828 освобожден с условием надзора по месту службы. С 1831 на службе в Саратове, в 1841 — 47 редактор «Сарат. губ. ведомостей». В 1850 — 58 чиновник по особым поруч. при губернаторе в Самаре, советник губ. правления, редактор «Самар. губ. ведомостей». В 1858 — 61 служил в Тамбове, в 1861 — 63 — в Саратове. Уволен в отставку после столкновения с губернатором. Некоторое время жил в Аткарске, затем в Саратове.

В 1839 — 40 гг. опубликовал ряд историко-этногр. работ о мордве Сарат. края. Работы Л. дали толчок к последующим шагам в направлении изуче-

ния истории и культуры сарат. мордвы. Имел учеников и последователей (С. Архангельский).

Соч.: Статистическая записка о народах, населяющих Саратовскую губернию // Моск. телеграф. 1833. Ч. 52; Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Ч. 1 — 2; Летопись Саратовской губернии со времени присоединения сего края к России до 1821 г. СПб., 1841; Моленья и поминки у мордовов Саратовской губернии //

Лит.: Степанов П. Решение суда по поводу элегии А. Пушкина «Андрей Шенье» // Рус. старина. 1874. № 10; Хованский Н. Ф. Леопольдов // Волга. 1884. № 8; Юдин П. Л. Винозник «шеньевской» истории (По бумагам и письмам А. Ф. Леопольдова) // Ист. вестн. 1905. № 11; Слезинский А. Г. Тайный друг Пушкина // Рус. старина.

Моск. ведомости. 1844. № 88; Исторический очерк Саратовского края. М., 1848; Замечательный народный факт (о мордве) // Сарат. губ. ведомости. 1851. № 9; Путевые заметки от Тамбова до Саровской пустыни // Тамбов. губ. ведомости. 1858. № 25 — 27, 29 — 31.

1912. № 3; Деген С. В. Библиогр. указатель трудов А. Ф. Леопольдова // Тр. Сарат. уч. арх. комис. Саратов, 1898. Вып. 21; Демиховская О., Демиховский К. Тайный враг Пушкина. О неизвестном письме А. Ф. Леопольдова шефу жандармов // Рус. лит. 1863. № 3.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* * *

МИНХ Александр Николаевич (04.04.1833, с. Елизаветино Липецкого у. Тамб. губ. — 21.07.1912, Аткарск Сарат. губ.; даты даны по ст. ст.), историк, этнограф, экономист. Род. в семье потомств. дворян. В 40-х гг. обучался в 3-й Московской гимназии. В 1854 поступил юнкером в Моск. драг. полк, участник Крым. войны. В 1861 подал в отставку, служил мировым посредником Аткарск. у. С 1869 участковый мировой судья Аткарск. у., с 1875 — участковый мировой судья Сарат. у. В 1896 в связи с ухудшением здоровья вышел в отставку и поселился в своем имении Полчаниновке. Во время первой русской революции имение было

сожжено, М. перебрался в Аткарск. В 1906 после неудачной операции лишился зрения, парализован.

М. проявлял огромнейший интерес к истории и культуре народов Поволжья. В 1853 совершил путешествие от Саратова до Казани, составил его описание. В 1861 — 88 собирал сведения о народных обычаях и суевериях, бытующих в Сарат. губ. В 1890 за обобщение этих исследований в виде монографии получил сереб. медаль Рус. геогр. о-ва. Один из основателей Сарат. уч. арх. комис., член Археол. о-ва при Моск. ун-те, Рус. геогр. о-ва, Нижегор., Тамбов., Владимир. уч. арх. комис., Сарат. губ. стат. комитета.

Соч.: Заселение низового Поволжья // Сарат. листок. 1883. № 27, 28, 36, 39, 42, 52, 53; Народные обычай, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890; Этнографический очерк народ-

ностей, населяющих Саратовскую губернию // Адрес-календарь Сарат. губернии на 1891. Саратов, 1891; Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // Этногр. обозрение. 1892. № 4; Историко-географический словарь Са-

ратовской губернии. Саратов, 1898 — 1902. Т. 1, вып. I — IV; Дело мордвы селений Захаркина и Славкина, Петровского уезда, о земле. 1703 — 1798. //

Лит.: Соколов П. В. 25-летие Саратовской архивной комиссии: Истори-

Сарат. уч. арх. комиссия. Саратов, 1908. Вып. 24; Описание села Оркина, Саратовского уезда // Мордов. этногр. сб. СПб., 1910.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* * *

ТАТИЩЕВ Александр Александрович (06.09.1823, Москва — 02.11.1895, СПб., даты даны по ст. ст.), гос. деятель, сенатор (1886), член Гос. Совета (1892). Род. в дворян. семье, воспитывался в школе гвард. преторщиков и кавалер-юнкеров. В 1842 — 57 в армии, уволен в отставку в чине полковника с правом ношения мундира. В 1872 — 87 пенз. губернатор. Внес су-

щественный вклад в экономическое развитие губернии, широко практиковал карательные меры в борьбе с револ. движением. Почетный гражданин Саранска (1874), почетный мировой судья по Саран. у. (1875), почетный мировой судья по Краснослобод. у. (1877), почетный гражданин Краснослободска (1887). Владел землями на территории Саран. у.

Лит.: Татищев С. С. Род Татищевых. 1400 — 1900: Историко-генеалогическое исследование. СПб., 1900; Зайончиковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.

М., 1978; Юрченков В. А. Генеалогия в краеведческом исследовании. Саранск, 1991.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

* * *

ХОЛМОГОРОВ Василий Иванович (26.02.1835, с. Николаевское Клин. у. Моск. губ. — 03.06.1902, Москва; даты даны по ст. ст.), автор ряда работ по истории Мордов. края. Род. в семье дьякона, учился в Дмитровском уезд. уч-ще. После его окончания служил в Моск. надворном верхнем суде, позднее писец Моск. арх. М-ва юстиции. С 1861 помощник секретаря, позднее помощник начальника отд-ния, с 1867 на-

чальник отд-ния, с 1888 действит. стат. советник.

Х. — блестящий знаток документов XVII — XVIII вв. Активно сотрудничал с И. Е. Забелиным. Член Моск. о-ва любителей духовн. просвещ., о-ва истории и древностей российских, Сарат., Тамбов., Рязан., Нижегород., Пенз. уч. арх. комисс., почетный член СПб. археолог. ин-та.

Соч.: Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. (Темни-

ковская десятина). Тамбов, 1890 (в соавторстве с Г. И. Холмогоровым).

Лит.: Хованский Н. Ф. Краткие биографии членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существ-

ования // 25-летие Сарат. уч. арх. комисс. 1886 — 1911. Саратов, 1911.

В. А. ЮРЧЕНКОВ

НАСЕЛЕНИЕ САРАНСКА. Стронт. Саран. острога датируется 1641. Первыми поселенцами города были служилые люди — казаки и стрельцы, призванные нести сторожевую службу. В 1642 поселенцев насчит. до тысячи. В 50-х годах XVII в. население выросло до 2 тыс., а к концу столетия составляло более 4 тыс. В 1719 численность населения составляла ок. 5 500 чел., в 1723 — 5 600, в 1747 — 6 100, в 1763 — 6 150, в 1782 — 6 300, в 1797 — ок. 7 000, в 1801 — 7 450, в 1811 — 12 — 9 129 чел. Однако уже в 1854, по данным Пенз. губ. стат. комитета, общее число жителей Саранска сократилось до 5 295 чел., что вызвано войной 1812 года, сильнейшим пожаром 1817, когда огнем было уничтожено более половины города; голодом 1831, эпидемиями холеры 1832 и 1847 — 48; опустошительным пожаром 1852, уничтожившим почти всю верхнюю часть

города. С 1854 по 1868 произошло резкое увеличение численности населения до 12 861 чел., обусловл. отменой крепостн. права. В 1897 проведена Первая всеобщая перепись насел. Рос. империи. По данным этой переписи, насел. Саранска составило 14 584 чел. В городе проживали: великороссы, малороссы, белорусы — 14 364; мордва — 71; татары — 65; евреи — 38; немцы — 18; поляки — 10; другие народности — 18. В XX в. динамика роста насел. города, по данным переписей, выглядит след. образом: 1913 — 16 203, 1916 — 18 000; 1920 — 13 409, 1923 — 14 274, 1926 — 15 431, 1939 — 40 894, 1959 — 91 034, 1970 — 190 928, 1979 — 263 000, 1989 — 339 365 чел., в т. ч. русских — 72,7 %, мордвы — 20,7, татар — 4,6, украинцев — 1, белорусов — 0,2, других национальностей — 0,9 %.

Лит.: Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Пенза, 1903; Лаптун В. И. Становление Саранска. От переписи к переписи //

Полит. вестн. 1990. № 5, 7. Замотаева Н. Кто в городе живет? // Сов. Мордовия. 1990. 3 июня.

В. И. ЛАПТУН

САРАНСКАЯ ДУХОВНАЯ ГИМНАЗИЯ — первое учеб. заведение в Пенз. крае, открыта в 1778 епископом Нижегород. и Алатырским Антонием. Сначала располагалась в здании упраздн. Петровск. монастыря, в 1787 переведена в Петропавл. монастырь, кот. ранее имен. Ильинским. Обучение в гимназии вели ее префект и два учителя. Платили учителям родители, позднее было положено казенное жалование в размере 120 руб. в год. Префект и

учителя были промиществ. из монашеств. и белого духовенства. Гимназия включала три класса: информаторский, грамматический и синтаксический. Гимназисты изучали наставление о законе Божьем, чтение, пение, арифметику, чистописание, русскую и латинскую грамматику. Прекратила свое существование в 1803 по учреждении Пенз.-Сарат. епархии и открытии духовн. семинарии в Пензе.

Лит.: Сацердотов М. Древнейшие учебные заведения Пенз. края // Пенз. епарх. ведомости. 1894. № 7, 8; Масловский А. Саранский Петропавловский

monastyr // Пенз. епарх. ведомости. 1882. № 14; Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961.

В. И. ЛАПТУН

САРАНСКАЯ РУССКАЯ ШКОЛА — открыта в 1808 по распоряж. Св. Синода архимандриту Саран. Петропавл. монастырю Арсению в здании бывшей духов. гимназии. Обучались дети духовенства Саранского, Инсарского и Городищенского у. Школа состояла из двух классов: в 1-м обучали чтению, письму, нотному пению, церковному уставу, сучению свеч, рисованию; во

2-м — закону Божьему, географии, истории, арифметике и сообщали сведения о должностях пресвитеров приходских. Руководил школой архимандрит монастыря. В 1-м классе занимали монашествующие, а во 2-м — городские священники. Школа была закрыта при преобразовании духовных учеб. завед. Пенз. епархии (согласно уставу 1814) в 1818.

Лит.: Масловский А. Саранский Петропавловский монастырь // Пенз. епарх. ведомости. 1882. № 14; ЦГА МАССР,

ф. 40, оп. 2, д. 1; Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961.

В. И. ЛАПТУН

* * *

БЕРЕГОВО-СЫРЕСЕВСКОЕ ДВУХКЛАССНОЕ УЧИЛИЩЕ (Ардат. у. Симбир. губ.) — одно из первых в Мордов. крае образцовых уч-щ повышеннего типа. Основано И. Н. Ульяновым в 1876. Содержалось на средства М-ва нар. обр. и сельск. о-ва. Имело целью за пятилетний срок обуч. дать крестьян. детям повышен. нач. образование и ознакомить с полезными в сельском быту ремеслами и сельскохоз. занятиями. В 1-м классе (3 года обуч.) давались знания в объеме нач. нар. уч-ща, во 2-м (2 года) — более обширн. знания по рус. яз., арифметике (дроби, прогрессии, проценты, тройное правило), нач. геометрии, географии, физике, истории, черчению. При уч-ще

имелись мастерская, созданная на жертвования и средства Ардат. земства, где уч-ся изготавливали экипажи, телеги, др. инвентарь для населения, пасека. До половины контингента составляли мордов. дети из окрестн. сел. В разные годы в уч-ще обучалось до 100 уч-ся. Из учителей известны А. А. Волков, М. Н. Волкова, С. О. Назаров, М. Ермолаев. В числе питомцев уч-ща Г. Я. Уморин, М. И. Кутузов и др. Уч-ще просуществовало до революции, а затем преобразовано в единую трудовую школу. Основное здание сгорело в годы граждан. войны. Выпускники, как правило, поступали в учительск. семинарии.

Лит.: Волков А. А. Воспоминания об И. Н. Ульянове // И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. Саратов, 1967; Супранский М. Ф. Начальная нар. школа Симбирской губернии. Симбирск, 1898; Лашко В., Кузнецов П. И. Н. Ульянов и просвещение мордов.

народа. Саранск, 1970; Ульянов И. Н. Предписание зав. Березово-Сыреевским Ардат. у. двухклассным уч-щем. 18 окт. 1878 г., № 903 // Кр. архив. 1939 г. № 3.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

ПЕТРОВ Михаил Назарович (03 (15). 11. 1826, Вильнюс — 23. 01 (04.02). 1887, Харьков) — историк, профессор (1866). По происхождению мордвин. Отец из новокрещ. гос. крестьян Оренбург. губ., в 1807 поступил на военную службу, участник Бородин. сражения и зарубежной кампании 1813, Георг. кавалер. В 1838 принят в Виленск. гимназию. Печателем округа командирован в Харьк. ун-т, ког. закончил в 1848. На формирование научных убеждений П. оказали влияние Белинский, Грановский, рус. лит. В 1848 блестяще защитил канд. дис. «Цивилизация гэлло-франков во времена Моровингов», а в 1850 получил степень магистра всеобщ. истории за дис. о гос. деят-сти Людовика XI. С 1851 35 лет работал в Харьк. ун-те. Неоднократно командировался в Германию, Францию, Англию, Бель-

гию, Италию для ознакомления с университетским образованием и историч. исслед., что нашло отражение в книге «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861). Большой известностью пользовались его «Лекции по всемирной истории» (1868, 1888), удостоенные Большой премии Петра Великого. Одним из первых пытался связать развитие зап.-европ. истории с развитием общ. мысли, проявил интерес к «судьбам низших сословий», в своих лекциях стремился представить механизм историч. движения. Интересовался проблемами совершенств. историч. образования (статья «Историческая подготовка», 1880), выступал сторонником женского проф. образования (1883), оставил большой след в историографии Нового времени.

Соч.: Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861; Очерки из всемир-

ной истории. Харьков, 1868; Лекции по всемирной истории. Т. I — IV. Харьков, 1888.

Лит.: Деревецкий А. Н. М. Н. Петров. Страница из истории Харьковского университета. Харьков, 1887; Бузескуп В. П. М. Н. Петров: Некролог //

Журн. М-ва нар. просвещ. 1887. Апр.; Историография Нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, 1977.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

САБУР-МАЧКАССКОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ — первое проф.-техн. учеб. зав. Мордов. края. Создано в с. Мачкасы на средства помещика Краснокутского, пожертвованные земству в 1883. Поддержку уч-щу оказывал И. Н. Ульянов. Вначале принято 15 уч-ся. Изучались общеобр. предметы, но главным было изучение ремесел по программам «О-ва улучшения нар. труда» — кузнечного, слесарного, токарного, столярного. Преподавателями были питомцы Симбирск. ремесл. уч-ща гр. Орлова-Давыдова,

уч-ся выполняли заказы крестьян. По данным «Вестн. Симбирск. земства» (1892), материальн. положение уч-ща было трудным. Число уч-ся не превышало 20. Из-за отсутствия стипендий они уходили на заработки. После революции уч-ще претерпело немало преобразований: курсы, школа труд. резервов, сельское проф.-техн. уч-ще (1959), средн. проф.-техн. уч-ще № 2. В 1983 в связи со 100-летием со дня основания уч-ще награждено орденом Знак Почета.

Лит.: Анопов А. Н. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего ремесленного образования в России. СПб., 1889; Ульянов И. Н. Отчет за 1984. Симбирск,

1885; Кузнецов П., Лашко В. И. Н. Ульянов и просвещение мордовского народа. Саранск, 1970; Агапова Э., Осовский Е. Юбиляру — 100 лет // Проф.-техн. образование. 1983. № 9,
Е. Г. ОСОВСКИЙ

* *

ЮРТОВ Авксентий (Арсентий) Филиппович (08 (20). 02.1854, д. Колейкино Мензелинск, у. Уфим. губ. — 20.04 (01.05). 1916, д. Андреевка Уфим. у. Уфим. губ.) — мордов. просветитель, педагог, переводчик, ученый. Закончил Казан. крещено-татар. школу. Ученик и последователь Н. И. Ильминского, учитель М. Е. Евсеевьева. В 1872 становится первым учеником-мордвином Казан. учит. семинарии, а по окончании учителем мордов. нач. учища при ней. Работая по системе Ильминского, Ю. ведет работу по сбору мордов. фольклора и изданию образцов живого народного языка как основы для учеб. и вероучит. литературы. В 1877 под псевдонимом Ав-ий Юр-в опубликовал статью о погребальных обрядах мордвы Уфим. губ. В 1882 — 83 издал «Образцы мордов. народной словесности» (два вып.), собранные совм. с учениками Казан. учит. семинарии. И. Н. Смирновым они были оценены как крупнейший вклад в рус. лит. Ю. принадлежит заслуга создания мордовского алфавита на основе рус. графики, кот. включал 34 буквы и агостроф. На этой основе был построен первый эрзя-мордов. букварь (1884), учтивавший лингводида-

тич. особенности языка. Ю. — первый мордов. переводчик. Им переведены на эрзя-мордов. яз. «Священная история Ветхого и Нового завета» (1880, 1883), «Покш праздникт» (1881), «Евангелие от Матфея» (1882), «Чин исповедания и како причащати больного» (1884) и др. По поруч. Ильминского выступал экспертом в оценке переводов вероучит. и духовных книг и рукописных пособий разных авторов. В 1883 Ю. стал учителем мордов. учища с. Ст. Бессвика Самар. губ., в 1889 — с. Ст. Бичарадка той же губ. Использовал родной язык как основу обучения и написанную им и М. Е. Евсеевым учеб. лит. Продолжал работу по сбору фольклора и составлению эрз.-можы.-рус. словаря. Сотрудничал с переводч. комис. Православн. миссионерск. о-ва и Казан. уч. округа.

В 1891 Ю. принял сан священника, определен в Михайло-Архангельск. церковь мордов.-чув. села Андреевка Уфим. у. Продолжал просветит. деятельность. Был организатором и учителем трехклассной церковно-приход. школы (1895), способствовал открытию земск. школы (1906) и библиотеки для крестьян (1912).

Соч.: Погребальные обряды и повсерья крещенской мордовы Уфимской губернии // Изв. по Казан. епархии. 1877. № 8; Покш праздникт. Казань, 1881; Священная история Ветхого и Нового завета. Казань, 1880, 1883; Евангелие от Матфея. Казань, 1882; Чин исповедания и како причащати больного. Казань, 1884; Образцы мордовской на-

родной словесности. Вып. 1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань, 1882; Образцы мордовской народной словесности. Вып. 2. Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. Казань, 1883; Букварь для мордовы-эрзян с присоединением молитв и русской азбуки. Казань, 1884.

Лит.: Ильминский Н. И. Опыты перевождения христианских вероучительных книг на татарский и другие языки в начале текущего столетия. Казань, 1883; Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письмен-

но-литературных языков. М., 1976; Осовский Е. Г. Сын своего народа: Аксентий Юртов — автор первого мордовского букваря // Сов. Мордовия. 1989. 13 апр.

Е. Г. ОСОВСКИЙ

НИКОН (в миру Никита Минов) (1605 — 81) — святейший патриарх Московский и всея Руси, выдающийся деятель церковной и светской истории XVII в. Родился 24 мая 1605 (даты даны по ст. ст.) в семье крещенного мордвина Мины в селе Вельдемаково Княгининского у. близ Н. Новгорода. Образование получил в Макарьевом Желтоводском монастыре. Став священником, в 1627 перебирается в Москву. Спустя некоторое время постригается в монахи и уходит в Анзерский скит. В 1636 настоятель обители Елеазар постриг его в монашество и нарек Никоном. В 1643 Н. стал игуменом Кожеверской обители. В этом же году познакомился с царем. Впоследствии престарелый патриарх Иосиф перевел Н. архимандритом Новоспасского монастыря. 9 марта 1649 совершена святительская хиротония Н. в митрополита Новгородского и Великолуцкого. 25 июля 1652 в Успенском соборе совершена интронизация Н. на патриаршество Московское и всея Руси. В 1653 разослан «Память», предписывающую изменения в богослужении, обрядах, книгах. Годы патриаршества Н. ознаменованы невиданным ростом активности и самостоятельности церкви, огромным влиянием патриарха на царя. Н. способствует воссоединению Украины и России, вхождению в состав империи Молдавии, много сил отдает возведению Ивер-

ского, Крестного Кийского, Новоиерусалимского монастырей; при его участии распространяется на Руси греческое парфесное пение и греческий стиль архитектуры. Активно содействует христианизации народов Поволжья (в том числе и мордвы), собирает в патриаршей библиотеке ценные книги, среди которых Евангелие XI в., сочинения Аристотеля, Демосфена и др. Полемика между Н. и Аввакумом на многие десятилетия предопределила духовную жизнь страны, дала толчок русскому религиозному расколу XVII в. 10 июля 1658 в слове к народу Н. заявил о вынужденном оставлении патриаршества из-за осложнившихся отношений с царем и его окружением. Покинув столицу, живет в основном в Новоиерусалимском монастыре. В 1666 судом вселенских патриархов Антиохийского Макария и Александрийского Панисия лишен сана и сослан в Ферапонтов монастырь. Незадолго до возвращения из ссылки находился в Кирилло-Белозерском монастыре. В середине 1681 получил разрешение вернуться в Москву. Скончался 17 августа 1681 близ Толгского монастыря на пути в столицу. Похоронен как патриарх в Новоиерусалимском монастыре. После смерти получено письмо от вселенских патриархов о восстановлении патриаршего сана святителя Н.

Лит.: Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея Руси. М., 1871; Сергиевский Н. Святейший и Всероссийский патриарх Никон,

его жизнь, деятельность, заточение и кончина. М., 1894; Брилиантов И. Патриарх Никон в заточение на Белоозере. СПб., 1899.

Е. В. МОЧАЛОВ

ТОРЬКИЙ Максим, наст. имя Пешков Алексей Максимович (16(28).03.1868, Н. Новгород — 18.06.1936, Горки, под Москвой) — рус. сов. писатель. В течение всей своей жизни Г. проявлял большой интерес к жизни, истории, культуре мордов. народа, что нашло отражение в его творчестве. Эпизодические образы представителей мордов. народа созданы им в повестях «Действо», «В людях», в романе «Дело Артамоновых», в рассказе «Ледоход» и др. Главными героями рассказов «Мордовка» и «Знахарка» стали женщины-мордошки. Рассказ «Знахарка» свидетельствует об интересе Г. к мордов. фольклору и мифологии, к женским божествам, кот. мордва приписывала власть над силами природы, способность воздействовать на человека.

Лит.: Васильев Л. Г. А. М. Горький и писатели из Мордовии // Васильев Л. Всегда вместе. Саранск, 1958; Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976; Карпунов Г. В. Мотивы

мордов. фольклор явился основным источником при создании и интерпретации образа языч. божества Кереметя, восходящего к далекому прошлому. Г. обращался к этому образу в разные периоды своей жизни. Он упоминает о нем в письме к писателю и журналисту А. В. Амфитеатрову в январе 1910, к редактору ежемесячного «Журнала для всех» В. С. Миролюбову в январе 1912. У Г. были письменные и личные контакты с мордов. писателями. В его личной библиотеке находятся книги А. Герасимова, А. Завалишина, Д. Морского. Г. посоветовал П. Кириллову изучить историю легендарной арзамасской девушки Алены, сподвижницы Ст. Разина. Этому совету мордов. культура обязана драмой «Литова», пользующейся неизменным успехом.

мордовской мифологии в рассказе М. Горького «Знахарка» (В свете концепции М. М. Бахтина) // Созвездие. Саранск, 1990; Чералкин Н. И. Горячее сердце большого друга. Саранск, 1974.

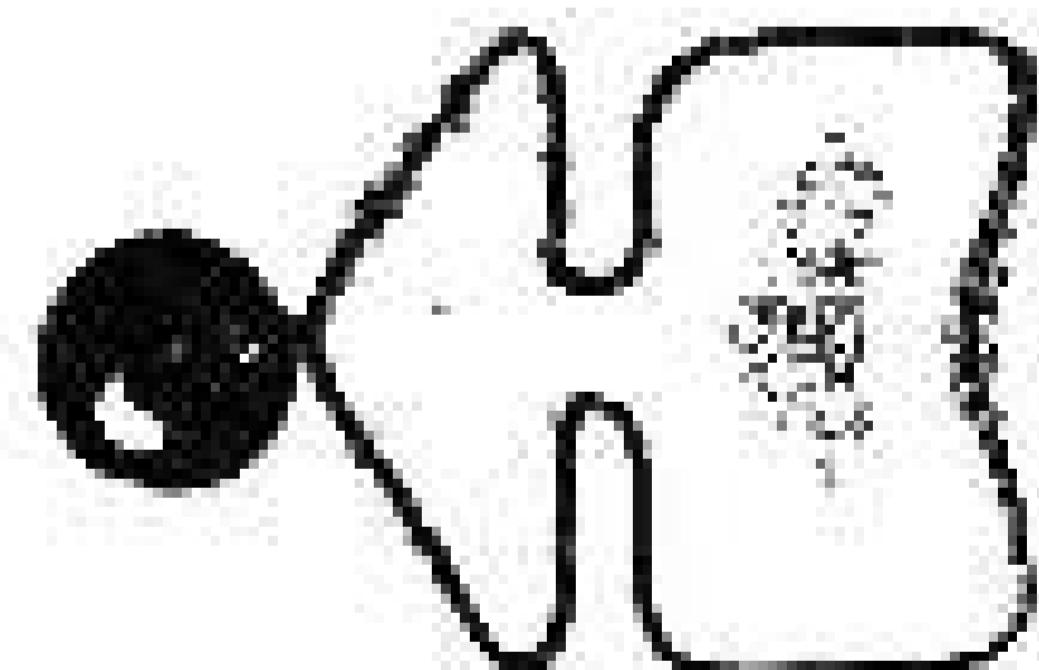
Г. В. КАРПУНОВ

oooooooooooooooooooo

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПЕДАГОГИКА НУЖДАЕТСЯ В ОБНОВЛЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

С. И. БРЕЕВ, кандидат педагогических наук

В стране набирают темпы перестроечные процессы, рушатся старые социально-политические структуры, с ними рушится вся прежняя административно-командная бюрократическая система. В орбиту перестройки втягивается сфера культурной жизни человека. В связи с этим наметилась крайняя необходимость в отлаживании

идеологического механизма, счистке от язвенных наслойний идеально-теоретического арсенала, осмысливании культурного наследия человечества.

Все это имеет самое непосредственное отношение к педагогической науке, которая находится на переднем крае перестройки. В печати раздаются голоса о денационализации нашей школы.

Но это недоразумение, школа по своему существу учреждение в высшей степени идеологическое. Речь может идти не об отказе от идеологии вообще, а о выборе новой формы идеологии, об идеологической переориентации. Но пока в этом деле педагогическая наука занимает особую позицию, которую можно определить как весьма своеобразную педагогическую авторию. Она отгородилась от школы, от жизни. А это чрезато самыми неприятными последствиями.

В общих чертах педагогическая наука может быть представлена как комплекс очень важных идей, принципов, теорий, которые в своей совокупности в конечном счете определяют весь уклад школьной жизни, систему работы управляемого аппарата, формирование учебного и научного педагогического персонала. Роль идеально-теоретических установок в сфере народного просвещения вряд ли можно переоценить.

В настоящее время сложилась весьма драматическая ситуация: в стране происходят очень бурные процессы, которые никак не могут не затрагивать юношеские умы и детское воображение, настраивают учащихся на новый образ мышления, а школа, в силу своей зацентрализованности, настраивает их на старый лад. Ведь все программы и учебники подчинены прежним установкам. А это само по себе весьма важно.

Так, например, кричащей проблемой являются межнациональные отношения, на что обращено особое внимание на декабрьском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС. А не затрагивает ли это школу? Вполне ли объективно в вынешних школьных курсах раскрывается процесс становления нашего многонационального государства, не омрачают ли своим содержанием исторические курсы национальные чувства детей? Полагаю, что здесь есть над чем подумать. Ну а как обстоит дело с преподаванием литературы, как в ней отражается межнациональный аспект? Хорошо известно, что литература пред ском, но собой весьма действенный друг на друга и на экономическую ос-

тавляет инструмент формирования у учащихся чувств. К сожалению, преподавание этого предмета отличается крайней консервативностью. Другая проблема — роль и место религии в истории мировой и отечественной цивилизации. Пока она дается лишь в темных тонах, как самая реакционная сила. Но ведь это уже пройденный этап.

Вопросов очень много, но они остаются без ответа. Педагогическая наука пока отмалчивается, занимает выжидательную позицию. Она сформировалась как наука аппаратная, исполнительская. Ее методология сориентирована на догматический марксизм. Одной из важных догм является постулат об определяющей роли такого фактора, как общественное бытие. В сознание учительства усиленно внедрилась мысль о том, что якобы классики марксизма-ленинизма установили прямую зависимость воспитания от общественного бытия, производственных отношений, производительных сил. Всячески подчеркивается, что именно этим фактором определяются цель и содержание воспитания. А поскольку это справедливо, можно судить на основании той ситуации, в которой оказалась наша школа, само воспитание, действительно запрограммированное в полном соответствии с так называемым социальным заказом, осуществляющее подогнанной к нему системой социальных воздействий.

Вряд ли стоит отрицать тот факт, что этой проблемой классики марксизма-ленинизма занимались весьма серьезно. В их трудах можно найти много высказываний, массу цитат, подтверждающих ее актуальность. И не исключено, что иногда создается мнение, что они утверждали непосредственную связь духовной жизни общества с его бытием. На самом же деле они подходили к этому вопросу не как догматики, а как диалектики. Не случайно Ф. Энгельс напоминал о том, что политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное развитие основано на экономическом, но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую ос-

нову. Цело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является активной причиной, а остальные лишь пассивные факторы.

Пожалуй, более определенно высказался В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин о международном женском движении, приводимой ею в книге «Воспоминания о Ленине», в ходе которой случайно была затронута теория стакана воды. Владимир Ильич с искоговорением говорил о том, что эта бульварная побасенка вскружила головы молодежи, стала злым роком многих юношей и девушек, к тому же они выдают ее за марксистскую теорию. Такой «марксизм», по его словам, все явления, изменения в идеологической надстройке общества выводят непосредственно, прямолинейно и без остатка из экономического базиса.

Не следует утверждать, что это положение исторического материализма не было известно ведущим теоретикам педагогики, ответственным работникам Наркомпроса, например М. Н. Покровскому. И тем не менее они склонялись к изначальному толкованию тезиса о базисе и надстройке. Об этом со всей определенностью сказано в работе М. Н. Покровского «Экономический материализм» (1925 г.). Этим термином он определил исторический материализм с той целью, чтобы более реалистично выразить свое социологическое мышление. Книга оказала роковое влияние на школьную практику и педагогическую мысль на целые десятилетия. Хотя теория социологизации была основательно раскритикована в середине тридцатых годов, тем не менее она жива и в наше время.

Именно такой вывод нарашивается при внимательном прочтении всей современной педагогической литературы. Действительно, как можно понимать такого рода тезис, который муссируется в учебнике «Педагогика» ленинградских авторов под редакцией Г. И. Шукшиной, что в современном мире две диаметрально противоположные системы воспитания, одна из ко-

торых, представленная различными идеологиями, определяемыми «разномастными» субъективно-идеалистическими течениями, якобы только тем и занимается, что разрушает марксистское учение о человеке и обществе. Особенно много резких слов сказано в адрес наиболее популярной педагогики экзистенциализма. Ее главной ошибкой называется вера в неповторимость, уникальность личности, требование создания условий для ее самовыражения. И в таком отношении к ней нет ничего удивительного. Ведь для нас личность — это лишь совокупность общественных отношений. Данная особая позиция советской педагогики в решении кардинальных вопросов не может быть понята иначе как своего рода гносеологический изоляционизм, порожденный возводившимися занятиями, стеснами, политикой холлодной войны. Подтверждением тому является очень сильная приверженность к весьма распространенному мнению о так называемом классово-историческом характере воспитания.

Общечеловеческое педагогическое наследие в истории педагогики расписано в рамках историко-педагогической периодизации: первобытнообщинный, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм. Данная периодизация принята на основе представления о преподавании гражданской истории в школе в середине 30-х годов, в последнее время она разбавлена социологической концепцией М. Н. Покровского.

Значение педагогического наследия определяется в соответствии с классовой характеристикой эпохи, в которую протекала деятельность того или иного педагога. Например, ранние социалисты-утописты выдвинули весьма бригантинные проекты воспитания, но все они берутся под сомнение на том основании, что их реализация мыслилась без революционного преобразования общества, а отсюда упрек — они допускали якобы переоценку воспитания, в чем и проявилась исторически обусловленная ограниченность их взглядов. А так ли это? Мог-

жет быть, в этом проявилась их способность проницания? Во всяком случае для будущего ученика более значимо последнее, а не фиксация их впечатления на том, что составляет предмет дискуссии.

В одном из ранних пособий по истории педагогики Н. Ф. Свадковского о Я. А. Коменском говорится, что он педагог ремесленного класса в пору его революционного становления, он разработал систему, направленную на развитие производительных сил человека, за это и приобрел популярность. В более поздних пособиях внимание акцентируется на его близости к христианско-коммунистической секте, мечтавшей о времени без господ и холопов. Но не это главное в его мировоззрении. Человечество воспринимает его как проповедника социального согласия, глашатая мира, приверженца общечеловеческих идеалов.

Категория классности в педагогике рассматривается в самой непосредственной связи с партийностью, которая интерпретируется как ярко выраженное стремление отстаивать интересы и идеалы партии рабочего класса, партии коммунистов. Считая, что особенностью партийности являются объективность и научность, противостояние реакционной буржуазной идеологии, всякому субъективизму, иррационализму, прагматизму, ее сторонники почему-то забывают, что понятие партийности все же из сферы субъективных отношений, а потому она должна рассматриваться в иной плоскости. Даже беглое сопоставление вкладываемого в термин «партийность» смысла с нашей реальностью убеждает в том, что это именно так. Пропаганда партийности в педагогике всего лишь дань времени, и не больше.

Категория классности с оттенками партийности далеко не марксистская категория, она принесена в педагогику на рубеже 20-х и 30-х годов, была окончательно признана как одна из методологических плюстасей в ходе педагогической дискуссии. Самым решительным образом были отвергнуты попытки иного толкования воспитания.

Иного взгляда придерживались многие, в том числе известный мыслитель П. А. Кропоткин, выступавший за такое воспитание, которое приобщало бы к общечеловеческим идеалам.

Весьма полезно задуматься над тем, какой конкретный смысл вкладывается в педагогике в такие понятия, как, например, мировоззрение, гуманизм, мораль, которые являются личностно-образующими, составляют ядро теории воспитания. Мировоззрение мыслится как социально-классовое качество духовного мира личности, и это выдается за последнее слово науки. В гуманизме всячески подчеркивается его действенный характер, понимаемый в духе сталинских времен, здесь главное — твердость позиции в классовой борьбе, а не сострадание и благотворительность. А от этого попахивает чистейшей воды ницшеанством с его глазных принципом: кадающего толкни. Мораль понимается как сугубо классовая категория, она весьма конкретна. Мысль общечеловеческой морали осуждается как проявление ее христианизации. На деле же получается идеализация корпоративной морали, не чуждой как старому, так и новому миру. А где она проявляется сильнее, можно спорить.

Наконец, теория колLECTIVизма. Она построена на признании превосходства общественного бытия, что и служит основанием преподносить ее как подлинно марксистскую теорию. Ну а как соотносить ее с установкой на утверждение многообразных форм собственности при гуманистическом социализме? Опять явный казус.

Пока коллектив признается единственной формой организации жизни и деятельности школьников, коллектив — главный распорядитель в судьбе ребенка (на этом особенно настаивают ленинградские педагоги). Абсолютно отрицается «парная» педагогика, т. е. индивидуальная работа с учащимися. Все, что происходит в коллективе, должно выноситься на суд общественности, доминировать должна педагогика параллельного действия в весьма превратном тол-

кований сегодняшних макаренковцев, иными словами, иныхших теоретиков коммунарской педагогики.

Таким образом, напрашивается вывод о самой настоятельной необходимости

чистки внешнего педагогического «арсенала», о принципиально новом подходе к педагогике как науке, весьма отчетливо просматривается идея ее автономии.

ОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА — К ПЛЮРАЛИЗМУ

А. БЫСТРОВ, аспирант

На протяжении многих лет на страницах периодических изданий не утихают дискуссии по проблемам социалистического реализма как творческого метода советской литературы. Однажды если раньше спор велся об эстетических категориях и границах метода, то сейчас подвергается сомнению право его на существование. Именно в этом аспекте мне и хотелось бы рассмотреть данную проблему.

Как известно, в 20-х — начале 30-х годов в нашей стране существовали различные литературные группировки, отстаивающие свои эстетические взгляды. Об остроте теоретических споров между ними можно судить хотя бы по тому, насколько принципиально отличались их эстетические позиции.

Литературная группа «Перевал» Глазным в творчестве считала интуитивное начало. «Без интуитивного проникновения в бессознательную среду человеческих намерений и помыслов нет подлинного искусства» (Воронский А. Искусство как познание жизни // Красная новь. 1923. № 5. С. 350).

Имажинисты заявляли, что «пишут не для конкретного Иванова, а с расчетом, что будут поняты в 2124 году» (Гостиница для путешествующих в прекрасном. 1924. № 3). Критик Н. Абрамович, являющийся пропагандистом имажинизма, писал, что личность творца — это «высшее выражение личного начала, объединения, самоуглубления» (Абрамович Н. Современная лирика. Книгоиздательство «Сегодня», 1921. С. 3).

Теоретик «Серапионовых братьев» Л. Лунц размышлял: «Что ж? — исто-

рия материала я могу испять его как мне угодно. Все: быт, историю, житейскую правду я принес в жертву трагическому действию» (Лунц Л. Город. Сборник первый. Пг., 1923. С. 46).

Один из ЛЕФовских тезисов был таким: «Нужно поставить перед литературой задачу: драпать не людей, а дела; описывать не людей, а дела, заинтересовывать не людьми, а делами» (Брик О. Разгром Фадеева. Литература факта. М., 1929. С. 67).

Теоретическая платформа ВАПП опиралась в большой степени на теории пролеткульта. Так, одна из групп ВАПП — «Октябрь», выдвигавшая задачу «строительства своей классовой культуры, а следовательно, и своей художественной литературы», декларировала, что «пролетарская литература противопоставляет себя буржуазной, как ее антипод» (На посту. 1928. № 1).

Однако, несмотря на такие разные позиции, острые литературные дискуссии вокруг них, это не только не помешало созданию целого ряда значительных произведений советской литературы, но и, как считают теперь многие литературоведы, помогло. Вспомним, что именно в 20-е годы были опубликованы «Конармия» И. Бабеля, «Доческие рассказы» М. Шолохова, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Зависть» Ю. Олеши, «Россия, кровью умытая» А. Веселого, стихи и поэмы С. Есенина, Б. Пастернака, В. Маяковского.

В 1932 году ЦК ВКП(б) принимает постановление «О перестройке литературы

турно-художественных организаций», в котором признает необходимым ликировать ассоциации пролетарских писателей и другие группы и «...объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей» (О партийной и советской печати. М., 1954. С. 431).

А еще через два года после этого, в 1934 году, состоялся I Всесоюзный съезд писателей СССР, на котором было дано определение социалистического реализма как основного метода советской литературы.

Были ли эти решения объективной необходимости, продиктованной логикой развития советской литературы? Или они являлись попыткой искусственно загнать литературный процесс в идеологические рамки классового подхода к анализу и оценке явлений жизни? В настоящее время в теории литературы можно выделить две основные точки зрения на этот счет.

Первая, доперестроечная, которой придерживается большинство теоретиков социалистического реализма (Б. Сучков, С. Петров, А. Овчаренко, Н. Гей, Д. Марков, Л. Тимофеев, А. Метченко), высказана во многих их работах. К примеру, Л. Тимофеев в конце 50-х годов писал: «При всей простоте и противоречивости литературных группировок, при всех преувеличениях литературной полемики — сквозь них проступают вслущие контуры литературного процесса и его основные силовые линии, которые учтывались и направлялись литературной политической партией» (История русской советской литературы. Т. I. М., 1958. С. 51).

В целом соглашаясь с выводами Тимофеева, А. Метченко не видит у литературных объединений даже основных «силовых линий» литературного процесса 20-х годов, которые, по его мнению, едва ли следует искать в литературных группировках. Главная роль принадлежит упрочению связи писателей с новой действительностью,

утверждению их на позициях коммунистической партийности, народности, реализма. «Реализм, тем более социалистический, не мирится с групповой зачехностью... Стремление партии вытеснить конкуренцию соревнованием сыграло положительную роль. По имению дух социалистического соревнования, овладевая сознанием писателей, и приводил их к выводу о необходимости новых форм организации творческих сил — в масштабах страны, — которые сближали бы художников друг с другом и с народом, а не разъединяли» (Метченко А. Избр. работы. Т. I. М., 1982. С. 238).

Другая точка зрения на социалистический реализм и его корни была сформулирована совсем недавно в работах Е. Сергеева, А. Гангнуса, В. Воздвиженского и других. Их объединяет эстетическое отношение к той нормативной эстетике, которая была выработана теоретиками социалистического реализма за годы его существования и которая привела к унификации нашей литературы. Однако причины возникновения самого метода они трактуют по-разному.

Например, Е. Сергеев считает социалистический реализм близким классицизму нормативным методом, который внедрялся в искусство в эпоху «абсолютизации верховной власти». «Главное в том, что метод, названный в середине 30-х годов социалистическим реализмом, был чрезвычайно далек от реализма; и по форме и по сути он гораздо больше походил на классицизм. Как и классицизму, ему свойственны: строгая иерархия жанров (ода ценнее сатиры и интимной лирики); строгая тематическая иерархия (явное предпочтение отдавалось изображению событий государственной значимости, а событийность личной жизни расценивалась как бытовитизм и мелкотемье); конфликт между долгом и чувством, где долг неизменно берет верх; одномерность характеров персонажей, которые являются рупором идей, отсюда декларативность диалогов и моноло-

гов». (Сергеев С. Несколько застарелых вопросов // Нов. мир. 1988. № 9. С. 145).

А. Гангнус в явлении социалистического реализма находит прежде всего отражение утопической и идеалистической философии богостроительства, возбуждавшей, по его мнению, в литературных теориях 20-х — начала 30-х годов. «Социалистический реализм — это не эстетика и не творческий метод: это в конечном счете замаскированная религия, без которой не могла обойтись задуманная Сталиным империя казарменного социализма. Жрецами этой религии должны были стать художники, писатели, музыканты...» (Гангнус А. На руинах поэтической эстетики // Нов. мир. 1988. № 9. С. 148 — 149).

К каким же результатам привел советскую литературу ее основной метод? В настоящее время большинство литератороведов сходятся во взглядах на этот вопрос. Вот что думает, например, Р. Киреев: «Вспомним, когда хотели отлучить автора от литературы, говорили: это не социалистический реализм. Потом ситуация менялась, писателя возвращали, передко уже мертвого, однако возвращали с испытанным и подробным, весьма ученым комментарием, из коего следовало, что сочинения данного литератора при всей его необычности — это все-таки реализм, и реализм не какой-нибудь, а социалистический. Будто клеймо ОТК ставили, без которого в кашу литературу пройти невозможно» (Киреев Р. Отказываться ли нам от социалистического реализма // Лит. газ. 1988. № 21).

А вот мнение Ю. Борева: «...определение метода нашей литературы в уставе СП СССР лишено эстетического содержания и несостоительно. Оно стало инструментом глубокого и некомпетентного руководства искусством. В результате: Пастернак — «озлобленная шавка», Шостакович — «сумбур вместо музыки», Ахматова — «один из представителей безыдейного реакционного литературного болота», М. Зощенко — «подонок литературы»; без-

дарные, на мой взгляд, писатели А. Суров, М. Кубенский, С. Бабаевский — на пьедестале Сталинской, О. Курганов — Ленинской премии, а великие художники М. Булгаков, А. Платонов, А. Ахматова, М. Цветаева, В. Хлебников, О. Мандельштам вычеркивались из культуры...» (Борев Ю. Отказываться ли нам от социалистического реализма // Лит. газ. 1988. № 21. С. 3).

Близкую к этой позиции занимает В. Вознесенский: «За пятьдесят с лишним лет своего существования концепция социализма не принесла советской литературе никакой пользы — ни как эстетическая теория, ни как практическая программа литературного творчества» (Владимирский В. Путь в казарму, или Еще раз о наследстве // Октябрь. 1989. № 5. С. 182).

Соглашается со всем вышеприведенным и Е. Добренко: «Это уже сейчас, в лоне академической науки, где метод просуществует последние десятилетия, он приобрел вид некоторой научной респектабельности. В середине же 30-х годов и в послевоенные годы метод был жупалом. Но как только научное понятие становится оценочным, оно перестает быть научным. Так оно и случилось в 30-е годы» (Добренко Е. Извратности метода // Октябрь. 1988. № 3. С. 182).

Если суммировать все сказанное, то получается, что социалистический реализм в качестве основного метода принес советской литературе больше вреда, чем пользы. Во-первых, за рамки литературного процесса искусственно были вынесены выдающиеся произведения, которые не вписывались в нормативную эстетику соцреализма. Во-вторых, литературные произведения, оказавшиеся на переднем плане основного художественного метода, все больше и больше торяли в подлинности, рос разрыв между тем, что в действительности происходило в жизни народа, общества и в жизни человека, личности. В-третьих, на наш взгляд, самое важное, что упускают из виду многие исследователи, — это не поддающийся измерению громадный пра-

ственных и духовный урон, нанесенный нашему обществу деформированной литературой.

Какой же выход из создавшегося положения видят литераторы? Отказываться ли нам от социалистического реализма? Вот как считает В. Воздвиженский: «Я полагаю — да, отказываться. Надо отказываться от соцреализма как основополагающей категории, которая якобы содержит ключ к «секретам» советской литературы, к ее особенностям и ее богатствам» (Воздвиженский В. Путь в казарму, или Еще раз о наследстве // Октябрь. 1989, № 5, С. 182).

По этому же пути предлагает пойти В. Прозоров: «Социалистический реализм рожден был как понятие политическое по преимуществу, которое так и не обрело достаточно строгого научного объяснения, но сохранило отчетливое нормативно-оценочное звучание... Применительно к нашему веку куда корректнее говорить о творческих методах советской литературы: реализме,

романтизме, сентиментализме, модернизме» (Прозоров В. Соцреализм: спорные проблемы // Лит. газ. 1988, № 15, С. 3).

Проанализировав, таким образом плюралистические начала в художественном творчестве были синтезированы административно-командной системой управления при помощи нормативной эстетики социалистического реализма, можно сделать вывод, что это стало возможным из-за отсутствия в тот момент общественно-политических гарантий демократического развития литературы. Поэтому, на наш взгляд, чтобы избежать прежних ошибок, необходимо как можно скорее перенести концепцию приоритета общечеловеческих ценностей над всеми другими из теоретического положения в практическую деятельность во всех сферах нашей жизни, в том числе и в искусстве. Только при свободном демократическом развитии литература в полной мере сможет выполнить свою великую гуманную миссию.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ В СОВЕТАХ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ [1921 — 1925 гг.]

Н. И. ЕГОРОВ

Находясь десятилетия у власти, КПСС во многом просто отвыкла от политической борьбы. Поэтому насущной необходимостью в современных условиях многопартийности становится образование в Советах всех уровней коммунистических фракций, введение в них внутренней дисциплины, механизма взаимодействия с парторганизациями и парткомами.

Определенный опыт фракционной работы в Советах партия коммунистов накопила в 20-е годы. Попытка анализа его предпринимается в данной статье.

Вопрос об отношениях партии коммунистов к советским органам в практической плоскости ставился уже на VI

съезде РСДРП в августе 1917 г. Чуть позже партия, руководившая Октябрьским вооруженным восстанием и выборами в Советы, естественно, отдавала свои лучшие силы в центральные государственные органы, в местные Советы и исполкомы. Довольно скоро появилась тенденция к отрыву этих членов партии от партийных организаций.

Назревшие вопросы были рассмотрены на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Его решения обязывали всех советских работников — членов партии вести какую-либо партийную работу. В качестве механизма политического влияния на деятельность съездов Советов, представительных органов власти в центре и на местах было при-

зано необходимым образовать в них фракции коммунистов, выполняющих требования партийной дисциплины. Съезд отметил, что свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции; она должна руководить деятельностью Советов, но не заменять их; партийные организации не должны прибегать к мелкому опекунству над Советами; принадлежность к РКП(б) не дает никаких привилегий, а только возлагает более серьезную ответственность на коммунистов.

Достаточно скоро обнаружилось, что эти решения не были выполнены. Не только в центре, но и на местах партийные организации вместо чисто партийной работы, политического воспитания членов партии и широких масс, политического и общего руководства фракциями в советских, профсоюзных и других органах фактически вели всю работу, вмешиваясь во все дела, превратив советские органы только в исполнительные. Именно поэтому IX съезд РКП(б), проходивший весной 1920 г. под девизом переориентации на хозяйственную деятельность, в одной из своих резолюций зафиксировал следующее положение: партийная организация ни в коем случае не должна заменять Советы или в какой бы то ни было мере конкурировать с ними. Интересен такой факт. В конце 1920 г., когда проходил VIII Всероссийский съезд Советов, при обсуждении закопроекта СНК «О мерах укрепления и развития христианского сельского хозяйства» возникли разногласия между фракцией РКП(б) VIII съезда Советов и ЦК РКП(б). В. И. Ленину поступила записка, ставящая под сомнение самостоятельность действий фракции. Ленин ответил, что в вопросах своей внутренней жизни и текущей работы фракция автономна, все члены партии имеют право и обязаны голосовать по совести, а не по указаниям ЦК.

XI съезд РКП(б) (1922 г.) взял курс на размежевание функций партийных и хозяйственных органов. Если в период «военного коммунизма» име-

лась тенденция к оторванности партийных работников советских органов от партийных организаций, переплетению функций до их смешения, то уже в начале 1923 г. партячейки по существу своей основной работы стали скорее советскими, чем партийными органами. Поэтому после XI съезда партии дальнейшая работа партийных и советских организаций в значительной степени стала зависеть от того, как осуществлялось на местах размежевание партийных и советских функций. В решении этой проблемы важную роль сыграли коммунистические фракции в Советах. Особенно возросло значение фракций партии в Советах к середине 20-х годов, когда после октябрьского (1924 г.) Пленума ЦК РКП(б) политика партии была направлена прежде всего на оживление Советов. К этому времени политическая жизнь в стране относительно стабилизировалась, укреплялись свойственные эпохи демократические институты, что существенно повлияло на ослабление классовой ненависти. Оживление работы Советов ставило ряд новых серьезных задач советского строительства, и в первую очередь задачу улучшения работы Советов как органов, организующих самодеятельность многомиллионных трудящихся масс.

Политика демократизации Советов на основе общего роста политической активности крестьянства, особенно после повторных, кассированных выборов весной 1925 г., поставила перед местными партийными организациями вопрос о необходимости изменения форм и методов партийного руководства Советами и другими общественными организациями. Почти повсюду на местах губкомами партии признано необходимым оживить деятельность фракций при выборных органах.

Надо отметить, что в округах, уездах и частично в сельских районах к 1925 г. существующие фракции организационно оформились. Однако сигналы с мест свидетельствовали о том, что не везде еще произошло разграничение советской и партийной работы, а

задачи организации фракций усвоены повсюду.

Формы руководства Советами со стороны губкомов, укомов, волхомов и партичек имели в тот период весьма общий характер. В основном дело ограничивалось разговорами о необходимости организации фракций, о недопустимости подмены ячейками и фракциями самих Советов, о потребности товарищеских отношений с беспартийными членами Советов и т. д. И только небольшая часть губкомов, по оценке ЦК РКП(б), дала совершенно конкретные инструкции по руководству работой фракций и тех Советов, где нет членов партии. ЦК РКП(б) положительно оценил постановления по этому вопросу Ульяновского и Пензенского губкомов партии.

Саранским укомом РКП(б) (Пензенская губернская партийная организация) практиковались следующие формы партийного руководства советскими органами, общественными организациями:

— заслушивание на общих собраниях ячеек отчетных докладов руководителей учреждений и организаций деревни;

— присутствие секретаря ячейки на заседаниях президиумов, пленумов организаций;

— прикрепление к организациям специально выделенных представителей ячейки;

— влияние на деятельность Советов, других общественных организаций через сход и беспартийный крестьянский актив;

— участие в работе комиссий и секций волостных и сельских Советов.

В связи с этим Саранская уездная газета «Завод и пашня» писала: «Попытки руководить Советами по-новому чрезвычайно пестры и не всегда жизненны... При применении указанных способов руководства во многих случаях наблюдается перегиб в ту или другую сторону... формы руководства Советами необходимо уточнить. Нужно применять те формы, которые обеспечивали бы развитие самодеятельности в работе Советов...».

Определению форм работы коммунистов в Советах и общественных организациях были посвящены пленумы и губсовещания Ульяновского и Пензенского губкомов партии в 1925 г., на которых рассматривались взаимоотношения ячеек РКП(б) с советскими органами, профессиональными и общественными организациями. Например, в постановлении Пленума Ульяновского губкома РКП(б) зафиксировано положение о том, что ячейка РКП(б) имеет связь только с членами партии, работающими в советских органах, и фракциями при этих организациях, периодически заслушивает доклады членов партии, работающих в советских органах и общественных организациях, вынося по ним соответствующие резолюции. Постановление запрещало ячейкам вмешиваться в административные дела предприятий или учреждения и не давало им права заставлять беспартийных делать доклады и отчитываться перед ячейкой, обязывало всех членов партии вести переписку с ячейкой от своего имени, а не от имени учреждения, где они работают.

В начале июня 1925 г. при Пензенском губкоме РКП(б) прошло губпарсовещание, на котором обсуждался вопрос о руководстве ячеек и волхомов РКП(б) Советами. Резолюция совещания нацеливала партичеки руководить Советами через коммунистов, работающих в этих органах, и через их фракции, организующиеся согласно Уставу при наличии соответствующего их количества. Подчеркивалось, что фракции и коммунисты ни в коем случае не должны заменять Советы, а свои предложения представлять на широкое обсуждение, стараясь вовлечь в обсуждение и решение этих предложений участников заседаний или собрания.

А как следовало поступать там, где в советских учреждениях коммунистов не было? В данных случаях политика партийных комитетов по Пензенской губернии, например, определялась следующим образом: руководство волостными и сельскими Советами в виде заслушивания их докладов в воло-

стном комитете партии или партийке производится по соглашению беспартийных руководителей Советов с ячейкой или волком; свои постановления ячейка (волк) выносит как пожелания для проведения в практической работе Совета. В случаях же несогласия беспартийных руководителей с включением их отчетов в повестку дня заседаний парторганов Пензенский губком РКП(б) рекомендовал ныне существующим партийным организациям оказывать партийное влияние на советские органы главным образом «путем организованного участия» на общих собраниях граждан. Причем присутствие на таких собраниях и сходах для коммунистов было обязательным. В случаях, когда предложения волка или ячейки не проводились в жизнь или отвергались сходом, они должны были поставить об этом в известность волком или уком партии, которые принимали соответствующие меры через фракции исполнкомов.

Несколько примеров из практики. Решения XI съезда РКП(б) о разграничении функций советского и партийного аппаратов коснулись в первую очередь уездных комитетов партии и уездных исполнительных комитетов Советской власти. На XIII Саранской уездной партийной конференции (сентябрь 1922 г.) говорилось о том, что до XII партконференции (март 1922 г.) всеми отделами исполнкома руководили «беспартийные» и влияние на них уком партии имел небольшое, поэтому на ней было принято постановление, рекомендующее во все отделы исполнкома направить наиболее подготовленных коммунистов. Этим преследовалась цель устранить имеющиеся склоки между советскими и партийными работниками, тем более что о них знали и в ЦК РКП(б). Имеется докладная записка инструктура ЦК т. Струпине, где отмечено: «...Слабым по работе и склонным продолжает оставаться Саранский уезд...». Но уже в резолюции XIII партконференции подчеркивалось, что уездный комитет РКП(б) сумел сохранить единство партийной организации и избежать «дальнейших

склоки». Этот же документ предусматривал установление следующих взаимоотношений исполнкома и укома: «Все вопросы принципиального характера разрешаются в укоме и проводятся через фракции исполнкома. Необходимо отказаться от мелкой спеки над работой советских органов, осуществляя свое руководство посредством докладов завотделами, перемещением и назначением работников в отделы исполнкома».

То, как работали фракции РКП(б) в Советах на уровне уезда, можно проиллюстрировать на примере XI Саранского уездного съезда Советов (январь 1923 г.), где фракция коммунистов рассматривала и утверждала проекты резолюций съезда, намечала кандидатов в члены исполнкома и делегатов на губернский съезд Советов.

Фракции избирали бюро и составляли автономные планы работы. К примеру, в плане работы коммунистической фракции Саранского УИКа отмечалось, что оно созывается по мере необходимости, по пакетам политических вопросов. На заседаниях фракций рассматривались и высказывались на заседания УИКа не только политические, но и другие вопросы принципиального характера. Так, во второй половине 1923 г. Саранский уком РКП(б) оказался в тяжелых материальных условиях, в особенности с выплатой заработной платы служащим. Уком поставил перед исполнкомом вопрос о принятии некоторых своих сотрудников на денежное довольствие. Заседание фракции Саранского УИКа 9 октября 1923 г. рассмотрело просьбу укома и в своем постановлении дало ответ: от зачисления сотрудников укома в штат исполнкома воздержаться.

Таким образом, мы видим, какими путями осуществлялось воздействие партийных органов на советские через фракции в Советах.

Надо отметить, что далеко не везде коммунистические фракции были созданы, особенно на уровне сельских Советов и волостных органов Советской

власти. Это объясняется тем, что по уставу РКП(б) они оформлялись при калпчик в Совете не менее трех членов партии, а деревенские партячейки в большинстве своем были малочисленны. Но этой причине советский орган на селе передко был сильнее и авторитетнее партийного. Например, после кассированных перезыборов Советов в Саранском уезде в состав 193 сельских Советов были избраны всего 24 члена партии коммунистов. Среди 2150 депутатов сельсоветов уезда коммунисты составляли лишь 1,11 %. Примерно такое положение дел с партийной прослойкой было практически во всех уездах Пензенской и других губерний РСФСР.

Вообще на выборах в сельские Советы 1924 — 1925 гг. партячейкам был нанесен сильный удар. В сельской местности со стороны беспартийных крестьян кое-где слышались резкие обвинения в адрес местных коммунистов, что они не призывают их в партию, опасаясь, как бы вновь принятые не заняли их мест. Это вызывало иногда стихийное возникновение партячеек. Еще в сентябре 1924 г. Пензенский

губком РКП(б) сообщал Сталину: «...Политическая активность крестьянства поднялась. Всеми уездами отмечается большая тяга крестьян в партию. Городищевский уком сообщает, что крестьяне самовольно, без ведома укома, организуют ячейки». В Ардатовском уезде Ульяновской губернии по состоянию на 1926 г. в 200 сельских Советов было избрано депутатами 172 члена партии, что также свидетельствует о значительной партийной прослойке.

Следует отметить, что коммунистические фракции являлись, хотя и ведущей, но не единственной формой партийного руководства Советами. Общепринятыми были и такие формы, как совместные заседания парткомов и исполнкомов Советов, заслушивание докладов фракций и отдельных исполнкомов на заседаниях парткомов, рассмотрение планов их работы, утверждение кандидатур на руководящую советскую и хозяйственную работу. При всех недостатках, а порой и противоречиях система Советов всех уровней укреплялась, процессы демократизации в обществе еще продолжались.

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК)

За последние годы в республиканской печати опубликовано немало материалов, рассказывающих о сталинском произволе в Мордовии. Розыскным жертв репрессий активно занимаются Комитет государственной безопасности и прокуратура республики, журналисты. Только за два последних года пересмотрены свыше четырех тысяч уголовных дел, по которым реабилитировано более пяти тысяч чело-

век. Среди них партийные, советские, хозяйствственные работники, крестьяне и рабочие, деятели литературы и искусства, науки и народного просвещения. Трагические страницы в летописи Мордовии раскрывают материалы, список которых публикуется ниже. Он составлен библиографом Мордовской государственной республиканской библиотеки имени А. С. Пушкина Т. Ф. Сафоновой.

- * * *
1. Знайте их имена // Сов. Мордовия. — 1989. — 7 апр.; 14 мая; 2, 16 июля. Приводятся краткие биографические данные более 70 репрессированных уроженцев Мордовии.
2. В памяти народной // Сов. Мордовия. — 1989. — 23 апр. Содерж: Доленко Д., Шестакова Р., Юрченков В. На пути к справедливости; Агеев П. Не закончив урока; Кондратьева Г. Горе нашей семьи; Знайте их имена.
3. Галкин Н. Не зарастет тропа: [Об открытии памятника З. В. Пузакову в Инсаре] // Сов. Мордовия. — 1989. — 2 июля.
4. Епишин В. Мартиролог — 1937-го: О сталин. репрессиях в Мордовии // Полит. вестн. — 1989. — № 3. — С. 40 — 45.
5. Епишин В. Письма скорби и надежды: В комис. по реабилитации иувековечению памяти жертв сталин. репрессий // Сов. Мордовия. — 1989. — 12 марта.
6. Епишин В. Родом из Потьмы // Сов. Мордовия. — 1989. — 22 окт.
7. Епишин В. С царской каторги — в сжиговский застенок: [О З. В. Пузакове] // Сов. Мордовия. — 1989. — 23 мая.
8. Епишин В. Скорбная жатва 37-го // Сов. Мордовия. — 1989. — 2, 5, 7 апр.
9. Замотаев Н. Без срока давности: [О журналистах «Кр. Мордовии» В. А. Малофееве и А. Н. Полякове] // Сов. Мордовия. — 1990. — 3 — 4 марта.
10. Инжеватов И. Звезды не гаснут: Судьба мордов. поэта Я. Кулдуркаева (1894 — 1959): [20 лет он был в тюрьме] // Сов. Мордовия. — 1989. — 4 февр.
11. Левшин И. Мордовский лингвист: [О А. П. Рябове — первом мордов. профессоре-лингвисте] // Лит. Россия. — 1989. — 16 июня. — 24. — С. 23.
12. Мартиролог: список мучеников, деятелей российского театра, пострадавших от сталинизма [В списке значится Чесноков Федор Маркелович (1896 — 1938), мордов. писатель, дра-
- матург. Умер в заключении] // Театр. жизнь. — 1989. — № 13. — С. 28.
13. Морозкин Н. «Виновным себя не признаю...»: [О И. А. Макушкине] // Полит. вестн. — 1989. — № 2. — С. 34. — 40.
14. Рекунов А. М. Протест (в порядке надзора) по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова... (и др.) 21 янв. 1988 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 1. — С. 114 — 119. — На с. 114 даны сведения о Буланове Павле Петровиче, 1895 г. рождения, уроженце Мордов. АССР, до ареста 29 марта 1937 г. — секретарь НКВД.
15. Сластухин Н. Первый президент Мордовии: [О Н. Г. Сурдине] // Полит. вестн. — 1989. — № 1. — С. 45 — 48.
16. Тремаскин Ф. Доброе слово: [Об А. Г. Эсслевиче] // Мол. ленинец. — 1989. — 6 авг.
17. Тактаев В. Слово о директоре вуз: [Об извест. мордов. ученом-философе Я. Д. Батяеве, репрессир. в годы сталинизма] // Сов. Мордовия. — 1989. — 16 июля.
18. Филатов Л. Проводят ли историки, обществоведы Мордовии какую-либо работу по правдивому освещению 30 — 40 гг. в нашей республике?: [Диалог с читателем] // Полит. вестн. — 1989. — № 3. — С. 39.
19. Цветкова Н. Судьба большевика: у истоков мордов. автономии: [Н. И. Миронов активно участвовал в создании мордов. государственности, был репрес.] // Сов. Мордовия. — 1989. — 3 дек.
20. Шуншин Ф. «В списках не значится...»: Горькая правда о судьбе моего отца // Сов. Мордовия. — 1989. — 14 мая.
21. Поршаков А. Седисонк и мялямсонк: Лятфнемат // Мокша. — 1989. № 3. — С. 11 — 27.
22. Морозкин Н. Мяляфтномс рель-пресняс повфнень... // Мокшень правда. — 1989. — 9 февр.
23. Морозкин Н. Приговоры: пяжстамс 15 кизос тюрьмав... [И. А. Ма-

хушхинонъ колга // Мокшень правда. — 1989. — 14 марта.

24. Алексеев Н. А чумотненъгак чумондсть // Эрзянь правда. — 1989. — 18 февр.

25. Алексеев Н. Народонть прявтсо // Эрзянь правда. — 1989. — 13 мая.

26. Алексеев Н. Сеть стака иотнестэ // Эрзянь правда. — 1989. — 26 янв.

27. Баргова Т. Эрямонь сүлейтнень пачк: [Г. Д. Мужиковонъ эйстэ] // Сятко. — 1989. — № 4. — С. 55.

28. Инжеватов И. Меельце вал: [«Эрьмазъ» поэтмань авторось Кулду-

ркаев Я. Я. 20 ие ульнесь тюрьмасо] // Сятко. — 1988. — № 6. — С. 86 — 87.

29. Мужиков Г. Д. Эрямонь сүлейтнень пачк: [Лецтнемат] // Сятко. — 1989. — № 4. — С. 55 — 65; № 5. — С. 64 — 70.

30. Сандров С. Ваньськавтомс ойменть: [О Н. А. Зайцеве] // Эрзянь правда. — 1989. — 9 сант.

31. Цыпкайкина В. Вечкилизе эсь народонть: Мокшэрзянь васенце ученость-профессоронть А. П. Рябовоноччома чистэ 95 иетненень // Эрзянь правда. 1989. — 15 апр.

* *

Свой вклад в реабилитацию необоснованно пострадавших земляков вносит и Всесоюзное мордовское общество родного слова «Вайтель». Правлением общества разработана программа мероприятий по по-

пуляризации имени и наследия видного финно-угроведа, методиста, автора учебников А. П. Рябова в связи с предстоящим 100-летием со дня его рождения.

У ИСТОКОВ МОРДОВСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

[АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ РЯБОВ]

Профессор Д. В. ЦЫГАНКИН

В советской действительности много хороших и славных традиций, и одна из них — выражение признательности и сердечной благодарности человеку, ныне здравствующему или ушедшему из жизни, за все ценное и нужное, что он сделал людям.

К числу людей, плодотворный труд которых отдан благородному делу претворения в жизнь ленинской программы просвещения населения молодой Советской республики, относится один из лучших сынов мордовского народа профессор Анатолий Павлович Рябов. Его имя неразрывно связано с практическим решением этой задачи в Мордовском крае, с историей становления мордовского советского языкоznания, методики преподавания эрзя- и мокша-мордовских языков в школе и вузе.

Мордовские ученые достойно выполнили стоящую перед ними сложную задачу по языковому строительству, созданию нормативных литературных языков, и в этом значителен вклад профессора А. П. Рябова. Его научное и научно-педагогическое наследие весомо, но еще слабо изучено, нуждается в библиографической систематизации и обработке. Имеющаяся литература о нем в основном краткого очеркового характера.

А. П. Рябов обладал широким творческим диапазоном. Его интересовали самые различные области мордовского языкознания, но основным его занятием были проблемы нормализации мордовских литературных языков, закладка основ преподавания родных языков в школе и вузе.

А. П. Рябов прожил недолгую жизнь — всего 44 года. Родился он 16 апреля 1884 г. в с. Лобаски Ичалковского района в семье мордовского крестьянина. После окончания начальной школы по настоянию отца поступил учиться в Починковское духовное училище, затем продолжил образование в Нижегородской духовной семинарии. Учеба здесь его тяготила, и после смерти отца в 1912 г. он оставляет семинарию и сдает экзамены на филологический факультет Нижинского педагогического института. Ранняя привычка к труду, немалые способности к языку и литературе позволили ему с успехом окончить вуз в 1916 г. В годы учебы он увлеченно занимался латинским, греческим, английским, украинским языками, изучил также финский и эстонский, много внимания уделял своему родному эрзянскому языку.

В 1917 — 1921 гг. А. П. Рябов ведет педагогическую работу в городе Омске, преподавая словесность в учительской семинарии. Около двух лет (1922 — 1924 гг.) он являлся сотрудником Нижегородского губернского отдела народного образования, часто бывал в мордовских селениях, много сил отдавал введению школьного образования на родном языке. В конце 1924 г. А. П. Рябов был приглашен в

Москву в качестве методиста мордовского бюро Отдела национальных меньшинств при Наркомпросе РСФСР, где нередко встречался с М. Е. Евсеевым и Ф. Ф. Советским. Роль этого органа в перестройке школьной и культурно-просветительной работы на родном языке в то время была значительна. Ежегодно созывались языковые и методические совещания представителей национальных меньшинств, давались установки для дальнейшей работы на местах. На одном из таких совещаний в 1925 г. были в основном установлены диалектные основы, на которых должны были развиваться мордовские литературные языки. Можно с уверенностью утверждать, что А. П. Рябов как методист (на этой должности он работал до 1930 г.) приложил немало усилий по выпуску учебной литературы на родном языке, подготовке учительских кадров, введению эрзя- и мокша-мордовских языков в школьную практику. В 1925 г. по рекомендации М. Е. Евсеева А. П. Рябов был направлен в аспирантуру Научно-исследовательского института народов Советского Востока, закончил ее с правом защиты диссертации в течение трех лет. В этот период А. П. Рябов вырос и сформировался как исследователь. Некоторое время он преподавал в Самарском коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1934 г. талантливый ученый-лингвист становится членом научного совета нового алфавита при Совете Национальностей ЦИК СССР, много сил отдает разработке проектов алфавитов для народов страны. Как известно, в 1930 — 1935 гг. были предприняты попытки перехода на латиницу. Под влиянием этого движения мордовские языковеды на страницах первых национальных газет выдвинули мнение о разработке мордовского алфавита на латинской основе. Сторонником латинизации являлся и А. П. Рябов. Он разработал проект нового мордовского алфавита на латинской основе, который был представлен на обсуждение в

Президиум научного совета нового алфавита (1932). Проект был в основном одобрен, но, как известно, практического осуществления не получил.

В 1934 г. был открыт Мордовский агропедагогический институт. Группа известных мордовских исследователей получила предложение перейти работать на кафедру мордовских языков. Профессор А. П. Рябов принял его и с 15 августа этого года был зачислен заведующим кафедрой преподавателем мордовских языков. Однако к исполнению обязанностей он приступил лишь в феврале 1936 г. С этого времени начинается активная педагогическая деятельность А. П. Рябова в высшем учебном заведении. Он создает и читает разнообразные лекционные лингвистические курсы — современный эзянский литературный язык, методику эзянского языка, историю эзянского языка. Верный требованиям советской науки, он страстно боролся за введение в вузе серьезного изучения родного языка и литературы наряду с русским языком и литературой. В этих дисциплинах он видел основу филологического образования, создающую обширные возможности как для научной, так и для практической работы. В учебно-методической жизни кафедры направляющими были доклады и сообщения А. П. Рябова.

О разносторонних интересах профессора свидетельствуют его доклады, статьи, публичные выступления, получившие отражение в кафедральном отчете за первое полугодие 1936/37 учебного года. За этот период он выступил с докладом на совещании заведующих РОН О на тему «Родной (эрзя) язык в начальной и средней мордовской школе», организовал ряд занятий по родному языку с коллективом Мордовского государственного театра, сотрудниками Мордовского книжного издательства, выступил с докладом о роли родных языков на 2-м Чрезвычайном съезде Советов Мордовии, вместе с Ф. И. Петербургским разработал программу по эзя- и мокша-мордовским языкам

для 8—10-х классов средней школы, учебные планы по отдельным дисциплинам и ряд программ по эзя- и мокша-мордовским языкам для педагогического института, подготовил к печати статью «Очередные задачи преподавания мордовских (мокша и эзя) языков в педвузе», подготовил к переизданию учебник по морфологии и синтаксису эзянского языка.

Особо важное значение А. П. Рябов придавал вопросам школьного преподавания. В газете «Якстере теште» в 1931 г. печатались разработанные им уроки по эзя-мордовскому языку. Эти разработки оказывали большую практическую помощь учителям, так как в этот период не было еще стабильных учебников. В этом же году А. П. Рябов опубликовал пособие для учителей «Уроки эзя-мордовского языка». Книга включала не только теоретический, но и дидактический материал и являлась, в сущности, первым опытом ученого по созданию общедоступного методического пособия по родному языку. Но, безусловно, главным вкладом А. П. Рябова в дело преподавания в средней школе эзянского языка были небольшие по объему учебники. Они явились знаменательной вехой в определении содержания обучения эзянскому языку в школе. Несмотря на недочеты, эти учебники предопределили характер последующих учебников эзянского языка. В них была разработана система упражнений, посильная для учащихся 5—6-х классов, давались первые элементарные понятия о наиболее существенных языковых единицах, очерчен круг знаний, входящих в понятие основ науки о мордовских языках, введена новая грамматическая терминология (не всегда, правда, удачная), произведен отбор правил, служащих для выработки навыков грамотного письма на эзянском языке. Ф. Ф. Советкин, оценивая рябовские учебники, в своем выступлении на третьей мордовской языковой конференции так сказал о них: «... недостатки в грамматике есть, и эти недостатки нужно изжить, но надо помнить, что это был

первый шаг, это был тот трамплин, с которого мы должны прыгнуть дальше и получить новые лучшие результаты.

Серьезное, заинтересованное и постоянное внимание А. П. Рябова в 30-х годах к вопросам школьного и вузовского преподавания мордовских языков — лишь одна из многих граней его деятельности. В кругу его научных интересов вопросы лексикологии и лексикографии, грамматики и орфографии; он неустанно следил за состоянием языкового строительства, всегда чутко улавливая наиболее перспективные направления. В первую очередь нужно отметить ту большую работу, которую А. П. Рябов проделал по созданию первого двухязычного мордовского словаря «Эрзянь-рузонь валксе» (1930). Рукопись, включающая около 3 000 слов, была подготовлена им при участии П. А. Дементьевой еще в 1925 г. В основу словаря положена идея о том, что система, ориентированная на лексику одного эрзянского говора (с. Кученяево Ардатовского района Мордовской АССР), может быть объективирована на лексику эрзянского литературного языка.

Через год (1931) в Центриздате увидел свет другой словарь А. П. Рябова — «Рузонь-эрзянь валкс». В него вошло около 6 000 словарных статей. По словам А. П. Феоктистова, этот словарь «отражает наметившуюся в истории формирования терминологической лексики мордовских литературных языков тенденцию создания новых слов путем лексико-семантического и синтаксического калькирования». В словаре решался вопрос об определении минимума русизмов, необходимых для составления специальных пособий на эрзянском языке.

В 1933 г. состоялась первая языковая научная конференция, в организации которой велики заслуги А. П. Рябова. В докладе «Очередные задачи языкового строительства в Мордовской автономной области» им сформулированы основные задачи языкового строительства: решение вопроса

о диалектных основах мордовских литературных языков, установление единой и обязательной для всех орфографии как критерия грамотного письма, разработка грамматической терминологии, создание грамматики, отражающей специфику грамматической системы мордовских языков.

Начиная с 20-х годов вопросы орфографии были в центре внимания ряда конференций, совещаний и съездов по вопросам развития школы на родном языке. Так, например, первый проект эрзя-мордовской орфографии, разработанный А. П. Рябовым, был предложен на обсуждение Всероссийскому съезду мордовских учителей в 1924 г., но определенных решений в то время принято не было. Отсутствие твердых норм правописания создавало невероятный разнобой, что крайне затрудняло чтение и понимание написанного. Школьная практика, издательское дело настоятельно требовали выработки единых норм правописания. Эту задачу должна была выполнить научная конференция 1933 г. Доклад «Об орфографии» был сделан А. П. Рябовым, предложившим проект свода правил новой эрзянской орфографии, построенной лишь на основе морфологического принципа. В результате дискуссии, развернувшейся вокруг принципов письма, в основу мордовской орфографии был положен чисто морфологический принцип, покончившийся, однако, на достаточно обоснованном положении и неизменности основы мордовского слова (дальнейшее развитие языка привело к утверждению фонетико-морфологического принципа).

Особо следует отметить плодотворную научно-организационную деятельность А. П. Рябова по созданию единых норм мордовских литературных языков. Практическая работа профессора в этом важном направлении нашла отражение в ходе дискуссий на языковых конференциях и в периодической печати.

В докладе на третьей мордовской языковой конференции он обратил внимание на две очередные задачи,

требующие, по его мнению, немедленного решения: учет потенциально-го морфологического запаса эзя-мордовского языка, его классификация; установление словоизменительных парадигм и их морфологическая детализация. Ученый теоретически осветил морфологию эзянского языка, определил основной его морфологический костяк, развернул и детализировал эзянские словоизменительные ряды, показал суммарную картину именных и глагольных словоизменительных форм. Этот доклад и сегодня остается источником фундаментальных сведений о морфологическом строе эзянского языка, способным вызвать движение научной мысли в новых направлениях.

К работам А. П. Рябова, посвященным проблеме создания норм эзянского литературного языка, можно отнести его доклады на второй и третьей научных языковых конференциях по терминологии и освоению международной терминологии в эзянском и мокшанском языках. Основное направление терминологической деятельности А. П. Рябова, несмотря на пуритические тенденции, сводилось к тому, чтобы сделать эзянский литературный язык простым и доступным для всех слоев населения.

Вслед за М. Е. Евсеевьевым, Д. В. Бубриком, Ф. Ф. Советкиным А. П. Рябов большое внимание уделял вопросам изучения эзянских говоров и выбора диалектной базы эзянского литературного языка. Он был участником первой лингвистической экспедиции, организованной в 1927 г. Академией наук СССР под руководством Д. В. Бубриха, провел немалую работу по изучению эзянских говоров и

диалектов, выявлению диалектной основы эзянского литературного языка.

Становление и развитие мордовских литературных языков, зарождение методической науки в республике тесно связаны с именем А. П. Рябова. В своих работах он всегда исходил из того, что мордовские языки имеют черты, свойственные языкам народов финно-угорской группы. В 30-е годы этого было достаточно, чтобы навлечь на себя обвинение в «панфиннизме». В 1937 г. А. П. Рябов, первый мордовский профессор-лингвист, был арестован, а 23 мая 1938 г., в один день с братом, Владимиром Павловичем, журналистом и переводчиком, расстрелян. Решением Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1956 г. Анатолий Павлович реабилитирован.

Завершая краткий очерк о профессоре-лингвисте А. П. Рябове, не могу не привести слова, сказанные им в одном из выступлений на научной конференции: «Нам выпала счастливая доля и высокая честь работать над построением эзя-мордовского и мокша-мордовского литературного здания... Мы участвуем при постройке здания национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, мы живем и работаем в небывалую и неповторимую по своей грандиозности эпоху». В этих словах выражен смысл жизни талантливого финно-угроведа и педагога.

Сегодня работы А. П. Рябова становятся достоянием отечественной финно-угорской науки. Иначе не могло и быть. По существу, жизнь А. П. Рябова — это жизнь целого поколения финно-угроведов, со всеми трагическими особенностями и признаками того времени.

ИЗ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ЗА ГОДОМ. ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ (1941 — 1945)

22 июня 1991 года исполняется 50 лет со дня начала Великой Отечественной войны советского народа про-

тив фашистской Германии. В отражение агрессии и приближение Победы в мае 1945 года определенный вклад

внес коллектив Мордовского государственного педагогического института имени А. И. Полежаева.

1941 год. 22 июня после передачи по радио сообщения о нападении гитлеровской Германии на нашу Родину в Мордовском пединституте состоялся многолюдный митинг. Перед собравшимися выступили директор института Н. Ф. Волков, заместитель по заочному обучению М. Н. Шатунов, лаборантка М. С. Демонко. Выступавшие призвали всех к выполнению патриотического долга перед Родиной.

18 июля вышло постановление Совнаркома МАССР об освобождении помещения пединститута к 30 июля и передаче его Наркомздраву МАССР. Институт был переведен в город Темников. По этому вопросу в тот же день получена правительенная телеграмма из Москвы. 25 июля СНК МАССР вынес постановление о слиянии Темниковского, Мордовского педагогического и учительского институтов и объединении их под единым руководством дирекции Мордовского государственного педагогического института. В конце августа пединститут перебазировался на новое место. Четыре факультета разместились в двух зданиях: физико-математический и естественный — в учительском институте, а исторический и литературный — в сельскохозяйственном техникуме. Занятия начались 1 сентября. Студентов числилось 391 человек. Обучение было платное. На 11 кафедрах работал 41 преподаватель, из которых 10 имели ученые степени и звания.

22 октября проведено партийно-комсомольское собрание. С докладом «О задачах коллектива института в военное время» выступил декан исторического факультета М. Г. Сафаргалиев. Докладчик и выступавшие П. В. Ромадин, Е. П. Иванова, В. А. Козюченко, Л. Ф. Самохин, А. М. Фиошина, М. В. Дорожкин говорили о жестких условиях учебы, быстрой перестройке работы на военный лад, укреплении дисциплины, повышении организованности.

В учебные планы больше включалось часов по военной подготовке и физкультуре, изучению оружия, санитарного дела, противохимической обороны. Однако в работе возникали большие трудности в связи с уходом на фронт преподавателей, студентов и сотрудников. Нередко в учебных группах оставалось по семь-девять человек. В октябре был призван в армию директор института Н. Ф. Волков. С декабря в должность директораступил П. В. Ромадин — заведующий кафедрой физики.

В ноябре досрочно произведен выпуск студентов четвертых курсов всех специальностей в количестве 93 человек. Преподаватели Л. Ф. Самохин (историк) и В. Ю. Бурьян (математик) защитили кандидатские диссертации, над докторской работал доцент М. Г. Сафаргалиев. Исследовательскую работу вели преподаватели А. Н. Калашникова, П. И. Новиков, А. В. Осокин, Н. М. Барабошин, М. И. Пиггин, В. А. Козюченко, А. Г. Воробьев.

Коллектив института оказывал помощь фронту. Ежемесячно отчислялось более тысячи рублей в фонд обороны, собирались теплые вещи для бойцов, на постройку танковой колонны внесено 3750 рублей, на сумму 21 750 рублей проведена подписка на денежно-вещевую лотерею.

1942 год. В начале января введено обучение студентов сельскохозяйственным специальностям: трактористов, штурвальных комбайнов, плугарей, сеяльщиков. С 15 января по 5 февраля проведена зимняя экзаменационная сессия, а уже с 6 февраля началась занятия. На 10 февраля числилось 234 студента. Преподаватель С. И. Кустков вел психологию, А. Я. Коковин — историю Древнего мира, Е. П. Иванова — историю средних веков, В. А. Козюченко — новую историю, Н. М. Барабошин — аналитическую геометрию, В. Ю. Бурьян — высшую алгебру, профессор А. Г. Воробьев — начертательную геометрию и физику, Г. Г. Тимофеев — методику математики, Я. Ф.

Борщин — физику, М. А. Петракеев — русскую литературу, А. А. Амнуэль — старославянский язык и историю русского языка, В. В. Трубицын — методику русского языка, А. М. Бихтер — литературу, Я. М. Попов — анатомию и морфологию растений.

С 20 мая по 1 июня проведена летняя экзаменационная сессия. Из института выпущено 210 специалистов, из них 24 мордовской национальности. На 15 июля в институте оставалось 102 студента. Вуз перешел на трехлетний срок обучения.

Весенняя тематика была основным направлением научных исследований. Так, кафедра литературы работала над темой «Советская поэзия в период Великой Отечественной войны», кафедра педагогики разрабатывала тему «Мoralный облик советского воина». Профессор А. Г. Воробьев изучал движение дирижабля и подводных лодок при заданных движениях рулей. Разрабатывались и местные проблемы. Доцент П. И. Новиков исследовал тему «Рыбное хозяйство Мордовской АССР», старший преподаватель И. Д. Воронин, проходя службу в Москве, защитил кандидатскую диссертацию о творчестве поэта А. И. Полежаева.

В институте занимались военной подготовкой, спортом. Проводились политзанятия, беседы, встречи, читались лекции о Великой Отечественной войне, боевых действиях Красной Армии на фронтах. Большое значение имели вечера-концерты, организованные с целью сбора средств в фонд обороны. С интересной программой выступал институтский хор и оркестр народных инструментов под управлением Л. И. Волкова.

В летний прием в вуз зачислено 450 человек, но к началу учебного года явилось только 325 студентов, в том числе 15 мужчин и 310 женщин. В период обучения часть из них ушла в армию, только с заочного отделения убыло 216 человек. Сокращался и штат преподавателей. В действующую армию призваны А. А. Арсюткин, Н. Ф. Волков, Н. И. Васильев, У. А. Конкин, П. Н. Кабаев, И. В. Хайдухов, М. И. Му-

ратов, В. А. Тихов, Я. М. Попов, И. Ф. Егоров, А. П. Жарков и другие. Коллектив продолжал работать в трудных условиях войны. В вузе имелись два общежития на 110 мест, автомашина, три лошади. Библиотека насчитывала 28 тысяч томов книг, читальный зал был рассчитан на 50 — 60 человек. Стоимость оборудования оценивалась в 61 тысячу рублей.

1943 год. По результатам экзаменационной сессии успеваемость за первое полугодие составила 77,8 %. Стипендиатов было 57 человек, из них 32 отличника. Программа снова переведена на четырехлетний срок обучения. Деканом исторического факультета работал доцент М. Г. Сафаргалиев, он же был секретарем партбюро института; литературного — старший преподаватель М. А. Петракеев; физико-математического — доцент Н. М. Барабошин; естественного — доцент Ф. С. Стэфкин. Функционировали десять кафедр, которыми руководили: В. А. Козюченко — кафедрой основ марксизма-ленинизма, А. В. Осоксов — педагогики, Л. М. Кессель — иностранных языков, П. И. Новиков — зоологии, М. И. Пиггин — русского и мордовских языков и др. Особенное значение приобрела кафедра военно-физкультурной подготовки под руководством Ф. В. Тарасова. Преподаватель физкультуры К. А. Реброва организовала комсомольско-профсоюзные кроссы, работу трех физкультурных секций и секцию спортивного общества «Учитель».

Некоторые студенты получали стипендии имени А. И. Полежаева, ЦК ВЛКСМ, имени В. В. Маяковского. Важную роль играл агитколлектив в составе 30 человек. Его участниками проводились беседы, политзанятия, лекции в институте и среди местного населения. Темы выступлений: «Организаторская работа партии в тылу и на фронте», «Антигитлеровская коалиция», «Текущий момент и наши задачи», «Второй военный заем», «Задачи и роль молодежи в Великой Отечественной войне». Собирались подарки для бойцов дей-

ствующей армии и раненых, вносились деньги на постройку танковой колонны и самолетов. До мая 1943 года с облигациями внутреннего займа в Госбанк сдано 76 тысяч рублей.

1944 год. До конца учебного года МГПИ оставался в Темникове, размещаясь в двух учебных корпусах и четырех общежитиях. Стоимость оборудования составляла 76 тысяч рублей. В библиотеке насчитывалось 36 892 тома книг, журнальный фонд имел 2311 экземпляров, числилось 479 читателей. На 15 июля в стенах вуза оставался 451 студент. Действовало четыре факультета, десять кафедр. Педагогическая практика проводилась в Темникове.

В институте трудились 45 преподавателей. Ученые вели научную работу: А. В. Осоксов и К. А. Котков — по теме «Народное образование в Мордовии за годы Советской власти», М. Г. Сафаргалиев — «Борьба мордовского народа против татарского ига», Ф. М. Брескина — «Фашизм — враг культуры», М. И. Пигин — «Результаты промысловых ихтиологических исследований», Н. П. Виноградова — «Сортопытания сахарной свеклы в Темниковском районе», Я. Ф. Борщин — «Методика изложения теории увеличения оптических приборов». Преподаватели В. А. Козюченко и М. И. Пигин подготовили к защите кандидатские диссертации, а доцент Н. М. Барабошин — докторскую.

Коллектив продолжал оказывать помощь фронту: собирались деньги на приобретение теплых вещей для бойцов, семей военнослужащих, проведена подписка на весенний заем на сумму 150 163 рубля, выделены 5 тысяч рублей на комсомольский детский дом в Гомельской области и 1 500 рублей в помощь студентам — инвалидам Великой Отечественной войны.

В течение года преподаватели и студенты продолжали убывать на фронт. После освобождения от немецко-фашистских захватчиков западных районов страны в те места выехали В. С. Бахрам-Заде (в Одесский пединститут), Л. Ф. Самохин (в Орловский пед-

институт), В. Ю. Бурьян уехал в докторантуру, отзваны в Ленинград В. В. Трубицын, в Витебск — Л. С. Калецкий. В июле закончился учебный год. Институт выпустил 73 специалиста, шесть выпускников получили дипломы с отличием. В конце учебного года МГПИ и Темниковский учительский институт были разделены.

В связи со свертыванием военного госпиталя правительство РСФСР дало разрешение МГПИ возвратиться в столицу республики. В начале вуз разместился в здании педагогического училища на улице Гражданской (ныне проспект им. В. И. Ленина, где размещен машиностроительный техникум), а через некоторое время он перешел в свое здание на улице Большевистской.

1945 год. По-прежнему действовали четыре факультета в педагогическом институте и три — в учительском, которым заведовала заместитель директора подинститута Е. С. Лисицына. На заочном отделении контингент студентов превышал тысячу человек. На факультетах функционировали 14 кафедр. Восстановлены три кафедры (истории СССР, физики и ботаники), ликвидированные в начале войны из-за отсутствия кадров, а также создана новая кафедра — мордовских языков и литературы под руководством кандидата филологических наук М. Н. Колядинкова.

Декан исторического факультета М. Г. Сафаргалиев заканчивал работу над докторской диссертацией «Распад Золотой Орды», а заведующий кафедрой русского языка М. И. Пигин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Залоги в эрзя-мордовском языке».

Педагогическая практика студентов III и IV курсов проходила в Саранске: в мужской средней школе № 9, в женской средней школе № 1, в школах № 12 и 14.

В конце учебного года в педагогическом и учительском институтах насчитывалось 528 студентов, из них мужчин было 21 человек, женщин — 507;

русских — 456, мордвы — 63, несколько человек других национальностей. В 1945 году институт окончили 43 специалиста: десять историков, десять литераторов и языковедов, четырнадцать естественников, девять математиков и физиков. Все выпускники направлены в школы Мордовии.

На первый курс нового 1945/46 учебного года принято 270 студентов: мордвы — 130, русских — 128, татар — 12 человек.

В военный период пединститут работал в труднейших условиях. Всему коллективу приходилось приспосабливаться к суровому быту. Тем не менее за четыре военных года МГПИ выпустил свыше 500 специалистов по всем формам обучения.

Часть участников Великой Отечественной войны после демобилизации вернулись в институт и приступили к прежней работе — Б. В. Маков, А. А. Арсюткин, И. Ф. Егоров, Н. И. Васильев, В. А. Тихов, А. Я. Коковин, У. А.

Конкин, А. А. Савицкий, И. Д. Воронин и другие. Однако 40 посланцев вуза навсегда остались на полях сражений. На территории вуза установлен памятник, увековечивший их память. На стеле высечены имена К. А. Апряткина, М. С. Артюшина, В. П. Астафьевса, И. П. Букина, А. В. Буренина, Н. А. Водясова, В. М. Высоцкого, Н. А. Горячева, А. И. Егорова, М. И. Егорова, П. Д. Еремина, И. Н. Захватаева, А. И. Земскова, М. З. Иалиева, П. Н. Кабаева, И. В. Калинина, Б. К. Карпова, В. Г. Конюхова, А. П. Кочетова, А. В. Ковшова, Н. А. Куликова, С. М. Кузенкова, П. А. Купцова, Г. П. Курина, В. Ф. Лисенко-ва, Д. В. Моторкина, Б. П. Милованова, М. И. Муратова, С. И. Мягкова, И. Е. Мякинькова, А. А. Попова, В. Ф. Постнова, П. Ф. Родионова, В. И. Романова, Ю. Д. Соболева, В. И. Стегалюина, М. М. Токарева, И. В. Хайдукова, И. Ф. Чепакова, Ф. П. Честнова.

В. Н. КУКЛИН, кандидат
исторических наук

~~~~~
Шигуров В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. — Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1988. — 88 с.

Несмотря на большое количество работ по проблеме перехода одной части речи в другую, многое в этом вопросе остается еще спорным и требующим дальнейшего углубленного изучения. Аннотируемое учебное пособие поможет разобраться студентам, школьным учителям, аспирантам, преподавателям вузов и научным работникам во многих непростых явлениях переходности в области частей речи.

Работа состоит из четырех глав. В первой главе рассматриваются основные понятия теории переходности, освещаются различные точки зрения на ее сущность, показываются различия между транспозицией, конверсией, трансформацией и другими понятиями, связанными с разными аспектами переходности. Для автора наибо-

лее важной представляется грамматическая сущность категориального переворождения слова, поэтому он придерживается узкой трактовки переходности — только применительно к теории частей речи.

Во второй главе исследуется процесс адвербализации деепричастий с отрицанием как один из типов переходности слов в области частей речи. Рассматривается его статус в системе частей речи. Выявив грамматические признаки деепричастия, автор показал, что недостаточно обоснованным представляется как выделение деепричастия в особую часть речи, так и оценка его как разновидности наречий.

В третьей главе анализируются форма, причина, предпосылки и признаки переходности слов в сфере деепричастий с отрицанием. Исследуя деепри-

частия с отрицанием, автор показал, что их авербализация протекает в менее жестких условиях, чем авербализация деепричастий без отрицательной частицы *не*, поскольку типы синтаксического и видовременного употребления деепричастий с отрицанием несколько иные.

В пособии выделяются два функциональных типа деепричастий: деепричастия только как второстепенные сказуемые и деепричастия как второстепенные сказуемые и обстоятельства одновременно. Причем второй функциональный тип наиболее употребителен.

В четвертой главе описываются от-

деепричастные наречия с отрицанием. Определяются их количественный состав, семантические группы, исследуются их семантико-грамматические и словообразовательные признаки.

Поставленные в книге задачи автору удалось выполнить. Проанализирован и обобщен большой фактический материал. Проведены интересные наблюдения и получены достойные внимания выводы. Работа написана хорошим, доступным языком, не обременена излишней терминологией и содержит много новых мыслей.

Б. В. КУНАВИН, кандидат филологических наук.

СОЗДАНА СОЮЗНАЯ СЕКЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

В целях совершенствования подготовки преподавательских (учительских) кадров в университетах страны приказом Госкомитета СССР по народному образованию № 762/279 от 25.12.90 в составе Учебно-методического объединения университетов создана Научно-методическая секция по координации подготовки педагогических кадров (НМС КППК).

В состав секции входят представители университетов страны, осуществляющие подготовку преподавателей (учителей) для средних, средних специальных, профессионально-технических и других типов учебных заведений.

Руководство деятельностью НМС осуществляет совет секции, состоящий из представителей университетов, входящих в нее, учебно-методических объединений университетов и педагогических институтов, ученых академий наук. Председателем совета секции является ректор Мордовского университета профессор А. И. Сухарев.

В структуру секции НМС КППК входит организованный при Мордовском университете научно-методический центр по педагогическому образованию в университетах, который является рабочим органом секции.

Председатель совета НМС организует и координирует ее работу. План работы секции ежегодно направляется в университеты, в органы их управления и Главное учебно-методическое управление высшего образования Гособразования СССР.

Финансирование работ по проблемам университетского педагогического образования осуществляется за счет бюджетных средств органов управления университетами и самих университетов на основе наряд-заказов и договоров. Оплата издаваемой научно-методической литературы осуществляется заказчиками в установленном порядке.

В настоящее время Научно-методическая секция КППК приступила к выполнению своих функций. Университеты представляют заявки об участии в работе. Поступили, в частности, заявки от ректоров Кемеровского и Тартуского университетов.

И. Л. НАУМЧЕНКО, зав. лабораторией непрерывного педагогического образования университетских регионов страны

САРАНСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЭЛЕКТРОВЫПРЯМИТЕЛЬ»

выпускает более 20 наименований товаров культурно-бытового назначения. Среди них —

УСТРОЙСТВО ЗАРЯДНО-ПУСКОВОЕ «САРАНСК»

Устройство предназначено для зарядки аккумуляторных батарей и для облегчения стартерного пуска двигателей легковых автомобилей при неблагоприятных условиях пуска в холодное время года или при слабозаряженной аккумуляторной батарее.

Устройство представляет собой двухполупериодный выпрямитель со средней точкой, питаемой от сети через трансформатор. Контроль зарядного тока осуществляется индикатором тока, регулирование зарядного тока производится пятиступенчатым переключателем, осуществляющим переключение первичной обмотки трансформатора.

Задача от коротких замыканий на стороне переменного и постоянного тока и от неправильного подключения к полюсам аккумуляторной батареи обеспечивается плавкими предохранителями.

Устройство выполнено в виде настольно-переносного прибора.

Заказы на устройство можно направлять по адресу:
430001, Мордовская ССР, г. Саранск,
ул. Пролетарская, 126.
ПО «Электровыпрямитель».

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВНИМАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ, МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, КООПЕРАТИВОВ!

Мы даем возможность опубликовать рекламу в нашем журнале.

«Вестник Мордовского университета» — одно из немногих изданий республики, которое читают не только в МССР, но и во всей стране, а также за рубежом (Венгрия, Польша, Финляндия). Журнал поступает практически во все университеты страны, многие институты, научно-производственные предприятия и объединения. По индивидуальным заявкам его получают читатели в Москве, Ленинграде, Башкирии, Татарии, Чувашии, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областях.

Расценки за рекламу — НИЖЕ принятых в других изданиях — на уровне государственных. Учебно-научным заведениям Госкомнауки РСФСР — СКИДКА!

У Вас есть возможность — ПОЛЬЗУЙТЕСЬ! Реклама в «Вестнике Мордовского университета» — это авторитет, престиж, возможность выжить и преуспеть в сегодняшних сложных условиях.

Справки по телефону 7-47-71.